Когда усталая подлодка...

Виталий Александрович Люлин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Много за последние годы сказано о Вооруженных Силах СССР, великой державы, канувшей в лету волею истории и руками политиков. Снята завеса многих тайн, окружавших армию и флот, особенно самые современные и мощные их отряды. А когда стало можно обо всём говорить, оказалось, что обличать и поливать грязью прошлое — легче и доходнее, чем рассказывать о жизни, как она есть, не возвеличивая заслуг, но и не впадая в прокурорский тон.

- Виталий Александрович Люлин
  - Предисловие автора
  - Об авторе
  - Друшлаг
  - Р-11 ФМ
  - 69-я параллель
  - Песня любви
  - Клеопатра
  - Комендант
  - К-19
  - Дырка
  - Через день — на ремень
  - На Подоле, в Киеве
  - Кавказский джигит
  - Кавказец Гиви
  - Ялта фиолетовая
  - Каторга
  - Альма-матер
  - Эдельман
  - Злачные места
  - Судоверфи
  - Комбриг
  - Рассредоточение
  - Операция «Якорь»
  - Инспекция
  - Робертино Лоретти
  - День подводника
  - Заначка
  - Морж
  - Перистальтика
  - Пендя
  - Курва

- Полярная звезда
- Механизм физиологической разгрузки
- Дядька
- ЗКШ
- Встреча
- Бледная спирохета
- Военный Совет
- Ступени карьерного роста
- Кормчие
- ПДК
- Наставники
- Сироты
- Профилактика
- Геша
- Культпоход
- Бзык
- Бармалей
- Лизать и топать
- Большой театр

Виталий Александрович Люлин
Когда усталая подлодка...

Предисловие автора

Много за последние годы сказано о Вооруженных Силах СССР, великой державы, канувшей в лету волею истории и руками политиков. Снята завеса многих тайн, окружавших армию и флот, особенно самые современные и мощные их отряды. А когда стало можно обо всём говорить, оказалось, что обличать и поливать грязью прошлое — легче и доходнее, чем рассказывать о жизни, как она есть, не возвеличивая заслуг, но и не впадая в прокурорский тон.

Как всегда было и будет — величие или ничтожество событий этой эпохи оценят только наши дальние потомки. Этот сборник не претендует на полноту и полнейшую беспристрастность в описании истории. Ни в коем случае.

Но… В этих коротких историях я пишу лишь о том, чему сам был свидетелем или участником событий, рассказываю о реальных людях, моряках-подводниках Северного флота. Молодость моя, лучшие годы жизни прошли среди них, я горжусь тем, что был не сторонним наблюдателем. Полагаю, мне удалось достойно пронести звание флотского офицера на многих должностях — от командира электронавигационной группы до заместителя командира дивизии ракетных подводных крейсеров стратегического назначения. Мы занимались настоящим мужским делом — вводили в строй и осваивали новейшие корабли, обживали неуютные скалистые берега.

Было тяжело. Не хватало элементарного, даже жилья для семей в новых гарнизонах. Проблемы были со всем — от запчастей к нашим «эсочкам» и крейсерам, до молока для наших детишек. Но мы были молоды, сильны, отчаянно отважны и неприхотливы. Можно сколько угодно сейчас рассуждать, ради чего были все жертвы и лишения, выискивать ошибки и злые умыслы правителей и политиков. Не мы прокладывали курс страны в мире. Мы делали свою работу, делали честно, не считаясь со своими личными интересами, мелочными проблемами, неустроенностью и нехваткой насущного. Руководствовались девизом: «Раньше думай о Родине, а потом — о себе.»

«Офицер-подводник — профессия героическая». Так писали в семидесято-восьмидесятые годы на красочных стендах в военно-морских училищах. Сейчас, с высоты прожитых лет, я согласен с этим утверждением. А тогда — в молодости — мы не считали себя героями, мы служили, как могли. Были нормальными мужчинами, с достоинствами и недостатками, своими

характерами и привычками. О нашем прошлом, о людях, меня окружавших, о их беспримерной преданности своему делу, об их всепобеждающем оптимизме, помогавшем выживать на краю света, этот сборник и другие мои книжки.

С уважением к читателю:

Капитан 1 ранга в отставке
Виталий Люлин

Об авторе

Виталий Александрович Люлин родился 14.11.1939 в п. Азадбаш Газалкентского района. Район числился то за Казахской, то за Узбекской ССР, ныне это Бостанлыкский район Ташкентской области Узбекистана. Родители оказались в Средней Азии в начале 30-х годов XX века. Отец — Александр Степанович Люлин, по долгу присяги и воле командования, был зачисленным в один из отрядов ЧОН по борьбе «с остатками басмаческих банд». Мама — Попова Мария Васильевна — спасаясь от дикого голода в Поволжье, в поисках лучшей, сытной доли в «Ташкенте — городе хлебном…»

Виталий был в семье третьим ребенком из семерых. До зрелых лет волею судьбы дожили лишь четверо братьев — Иван, Виталий, Валерий и Юрий.

Еще в средней школе Виталий заболел мечтой о море. Паренек из азиатского поселка, в котором пересеклись семьи и судьбы десятков национальностей — от коренных узбеков до ссыльных чеченцев, немцев Поволжья, от украинцев до французов, строивших каскад Чирчикских ГЭС, стремился к морю с неудержимостью ледокола. Крепость ВВМКУ им. М.В. Фрунзе он штурмовал трижды.

В 1959 году поступил на штурманский факультет. За период учебы курс перенес три глобальных сокращения, из принятых в 1959 году сотни курсантов, в 1964 получили офицерские кортики лишь 15 лейтенантов. Виталий и среди них выделялся стремлением к совершенству в учебе и службы. Не случайно, наверное, он один из тысяч курсантов военно-морских ВУЗов был включен в состав делегации ВМФ СССР во время визита в Польшу.

С первых дней офицерской службы лейтенант Люлин стремился к успеху в своей профессии. Неоднократно он признавался лучшим штурманом дивизии, флотилии, КСФ. С легкой руки Героя Советского Союза Матушкина Л.А., в то время — командира 31 дипл, старший лейтенант Люлин В.А. определился с дальнейшей флотской стезей. С той поры его цель — командирский мостик РПК СН, к которому он шел уверенно и быстро.

Помощник командира, затем старпом на головной лодке 667Б проекта — «Мурена» у замечательного командира — Фролова Виктора Павловича.

Далее — командир на одной из четырех лодок 667БД проекта — «К-193». Все четыре корпуса этого проекта проходили ходовые испытания под его руководством. На тот момент более опытного и грамотного командира на этих кораблях не было. Командиром Виталий Александрович стал в 35 лет. Вроде бы и не очень рано по возрасту, но это произошло через 9 лет после выпуска из училища, причем за эти годы он год отучился на классах и дважды, старпомом и командиром полностью прошел Большой круг. Звания капитана 2 ранга и капитана 1 ранга получал досрочно. Награжден многими медалями и орденом Красного Знамени, высшей военной наградой того времени.

С 1979 по 1982 годы — заместитель командира 31 ДИПЛ по боевой подготовке. С сентября 1982 по май 1991 года — первый заместитель начальника КВВМПУ. Проводил политику активного воспитания будущих политработников, личным примером и опытом убеждая, что служба офицера не может опираться только на марксистско-ленинскую философию, чем заработал заслуженный авторитет и уважение сотен офицеров и выпускников училища.

С 1991 по 2007 год бессменно руководил группой компаний «Корвет». С 2007 года полностью посвятил себя книгам, начал писать которые еще долгими подводными месяцами (18 боевых служб за плечами, не считая десятка дальних походов на надводных кораблях, как в курсантскую пору, так и в период службы заместителем начальника училища). Вот список только объемных его произведений, статьи и заметки для газет и

журналов, рассказы в сборниках исчисляются десятками:

1. Однажды в походе, на одном атомоходе… — повесть одна из самых ранних, скорее шутливая сказка об экипаже и для экипажа. Восстановлено по машинописному варианту 1979 года, использованы карикатуры Каравашкина.

2. По местам стоять! К всплытию! — издано в твердом переплете.

3. Запас плавучести — издано в мягком переплете

4. Долгая дорога к морю — автобиографическая книга о юности и том времени. Подготовлена к печати, но не издана.

5. Лейтенант флота — трилогия о становлении флотского офицера, полностью подготовлена к печати.

6. Морской кадетский корпус — автобиографические воспоминания о военно-морском училище им. Фрунзе. Завершена и подготовлена к печати 1 часть. Ко второй части В.А. планировал приступить, завершив книгу о командире «Командир Мурены».

7. ЗКШ (записная книжка штурмана) — веселые, порой едкие рассказы о флоте, частями вошли в изданные книги

8. Когда усталая подлодка… — о флоте и его обитателях, с юмором и любовью. Издано в мягком переплете

9. Кумиры и наставники — первая повесть из начатого цикла. К сожалению, цикл останется незавершенным.

10. Маринеско — победитель и жертва — статья и рабочие материалы к юбилею легендарного подводника

11. Командир Мурены — не завершенная книга о любимом командире, уважаемом человеке, известном подводнике контр-адмирале Фролове В.П. …

Виталий Александрович был замечательным семьянином, настоящим главой семьи. Он всегда был любящим мужем для Валентины Евдокимовны, его первой и единственной спутницы жизни. Он был прекрасным отцом, добрым и мудрым дедом, настоящей опорой и поддержкой для всей семьи.

19 июня 2011 года Виталий Александрович скончался, а нам остались его Книги, которые еще многих заставят как улыбнуться, так и задуматься о себе, своем месте на планете и в жизни.

Пусть это выступление Виталия Александровича на нашей последней встрече, станет его прощальным напутствием для всех нас.

Светлая память капитану 1 ранга Виталию Александровичу Люлину!

Друшлаг

Друшлаг — это не кухонный инвентарь, а фамилия одного из первопроходцев освоения ракетных комплексов на подводных лодках. По имени Володя.

Все в нём было по уму: фамилия, имя и профессия. Происхождения чисто славянского. Родился и вырос на киевском Подоле. Высок, статен, силен, голубоглаз. Ума — палата. Оптимизма — через край. Обожал женщин, вино и фрукты, но брачные узы считал порочными. Самозабвенно отдавался освоению своей профессии моряка-подводника и ракетчика. До самоедства. Столь же самозабвенно кутил на берегу, когда выпадала такая возможность, руководствуясь славянским принципом: «Авось, пронесёт!». Дело возносило его, а «авось» швыряло на исходные рубежи. Выше должности «маленького ракетчика» — командира группы подготовки и старта ракет боевой части два (КГС БЧ-2) ракетного подводного крейсера он так и не поднялся.

Но его знания подводного ремесла, честность и откровенность в общении с собратьями, достойны повествования. Его девиз: «Не учите меня жить!…», которому он неукоснительно следовал, ничуть не мешал ему в наставничестве других. Володины рассказы о себе — наставления на тему: как надо и не надо жить. Преамбула о Друшлаге моя, а дальше — его рассказы, вычищенные от специфических выражений. Конечно, не до полной преснятины.

Р-11 ФМ

Первая лодочная баллистическая ракета Р-11ФМ — это не ракета, а фейерверк. Раскочегаришь ее, она выдаст шапку дыма и… если и полетит, то летит на 150 км. Бахнешь, руку козырьком, и наблюдаешь, где она шлепнется. Уж не знаю, какую мощь предполагалось запихивать в ее дурью башку, но с песочной мы научились стрелять лихо. Шварк, и она уже шлепается у какого-нибудь ненецкого сельсовета. Пока штатные наблюдатели к ней подбегут, шустрые ненцы и лопари растащат ее на поделки. Для испытаний ракеты сварганили опытовую подлодку «С-80», 611АВ — проекта.

Пришпандорили побортно контейнера, как мешки на осла, и вперед! Попал я на эту каракатицу сразу после выпуска из училища. Рад был до макушки! Как же, опытовая, да еще ракетная подводная лодка! Мытарили нас два года подряд без отпусков и передыха. Только и слышали: «Давай, давай!» Нормально. Летом — в Белом море даем, зимой — в Баренцевом. Мы даем, а нам поддают. И то и дело шлялись в док. Подмандиться. Лодке. Самим — ни-ни! Некогда, да и негде. Ракушками стали обрастать. Два года пахал на «С-80», практически не вылезая из прочного корпуса. Хотимчик завязал узлом. Про женщин, вино и фрукты пришлось забыть. Хряпнешь в день подводничка стопарик шильца, закусишь таранечкой, да и вкалываешь дальше. Но, доложу я вам, подводницкую лодку изучил, как свои пять пальцев. Стал лучшим специалистом по раскочегариванию и запуску Р-11ФМ. Капитуся подкинул старлейскую звезду на погоны. Вознамерился двинуть меня на командира БЧ-2 сразу после завершения летних испытаний. Пошлепали мы на них летом в Белое море. В Северодвинск. Лето. Теплынь и белые ночи. Ягры — не Гагры, но все-таки. Есть где развернуться. Один ресторан Эдельмана чего стоит. Но оскоромиться в нем удалось только разок.

— Вы чего это здесь, как дерьмо в проруби, болтаетесь? Сдайте курсовые задачки и подтвердите свою линейность, а то морского довольствия лишим…. — ругнулось бригадное начальство. Дало нам пинка под зад и пошли мы морячить в Белое море. Болтались в нем почти три недели, пока на фабрику не приперли несколько ракетных дубинок. Вот сволочи, озабоченные государственным планом испытаний! Нет, чтобы дать нам слегка отдохнуть и оттянуться, выпихнули в море. С глаз долой. Можно подумать, что до этого мы в Гаграх прохлаждались. Южный берег Баренцева моря засчитали нам как

Южный берег Крыма. Приказано было: раньше думать о Родине, потом о себе. Мы так и делали. Испытания пошли тип-топ.

— Цыплят по осени считают…. — сказал нам капитуся, когда мы сделали два успешных пуска.

— В сентябре сделаем последний и пойдем в Кольский залив. В базу — где приткнут. И сразу пошлепаем в отпуск. На ЮБК. Эх-х-ма! Бархатный сезон! Отдохнем, как белые люди, и за все сразу. Это я вам обещаю. Нам так спланировано…. — совсем уж воодушевил он нас через несколько дней. Перспектива — закачаешься! Я и закачался. А вот когда командир обрисовал мою личную перспективку, выпал в осадок.

— Тебе предлагаются два варианта. На личное усмотрение. Первый. С возвращением из отпуска — назначение на должность командира БЧ-2 «С-80». Второй. По завершению испытаний у нас — назначение командиром группы ПиС на новейший атомный ракетный подводный крейсер «К-16»… — заговорщицки улыбаясь, предложил он мне.

Великолепный командир и мужик, что надо. По фамилии — Ситарчик. Капитан 3 ранга. Молодой и подающий надежды. Мы его обожали, но кликуху прилепили — Старичок.

— Ох…ть можно!… — вякнул я. И ищу место, куда бы мне присесть, чтобы не грохнуться.

— Это не ответ….

— А можно мне подумать…

— Можно. Только не долго. Не жениться собираешься. Если пойдешь на «К-16», то мое представление на тебя должно быть у комбрига сегодня же вечером. Через пару недель атомоход пойдет на испытания. Полчасика можешь пошевелить мозгами. Некогда мне валандаться с тобой… — пробурчал он, вышагивая по причальной стенке. Я — рядом, щенком. Пока он это говорил, я уже все решил. И уж коли что-то решу, то выпью обязательно

— Товарищ командир! Можно я сбегаю в прочный корпус? Слегка очухаюсь и доложу вам свое решение…

Он разрешил: Я ссыпался в лодку. Ошарашил новостью своего «бычка».

— И что ты решил?…

— Пойду на «К-16»…

— Правильно!…

— Сам знаю, что правильно. Вот поэтому не жмись и … наливай…

Впервые, без стонов и ахов о лимите и дефиците шила, «бычок» плеснул по полстакана. Разбавили его дистиллатиком по широте Северного Полярного круга (66˚ 33′) и хряпнули. Я тут же заспешил с докладом о своем решении командиру.

— Товарищ командир! Я пойду на «К-16»…

— Вот и молодец! Я и не сомневался, что мой лучший вахтенный офицер — парень не дурак, и не промах. Сам бы убежал на атомоход с нашей коломбины. Теперь снова беги вниз. Пусть командир БЧ-2 напишет на тебя представление. Бланк возьми у старпома…

Заметался я по корпусу и внутри лодки пошустрее, чем Р-11ФМ. Только без дыма и копоти.

— Пиши на меня представление. Срочно. Вот бланк… — повелеваю «бычку».

— Счас! Разбежался. Пиши сам. Без ложной скромности. Чтобы наверняка прорезало…

Мука это адская, писать на себя представление! Проще раскочегарить и запустить пару рыдванов. Надо и расхвалить, и не переборщить. Для пущей объективности указать легонькие недостатки. Больше всего маялся над ними. Где их взять, коли их у меня нет? Как правильно написать: пьет мало, но с удовольствием или много, но с отвращением? Здесь уж подключился и «бычок». Он предложил:

— Напиши, … алкогольные напитки употребляет, но в умеренных дозах и только в семейной обстановке…

— Какая, к черту, семейная обстановка, если в графе семейное положение, я уже написал — порочных связей не имею? То бишь холост…

— Ну и что? Был бы офицер — семья найдется. Впрочем, это можно и не писать, а вот про дозу оставь…

Очень обтекаемая получилась формулировочка, про умеренные дозы. Типа: «пользуется заслуженным авторитетом». И вашим, и нашим угодил. Короче говоря, великолепную болваночку представления состряпал на себя. Она мне потом не раз пригодилась. Погоняешь фразочки с боку на бок и сверху вниз, отразишь усиленную борьбу с недостатками и можно ее замантулить хоть на награду, хоть на очередную звездочку.

Прорезало представление влет. Через две недели я уже обретался на «К-16».

Правда, не обошлось без «ньюансика». «К-16» еще только строилась, и до ее испытаний было очень далеко, но меня прикомандировали на испытания «К-55». Опыта и ума набираться. Так это ж пароход, а не наша каракатица «С-80»!. Пришлось мне на нем землю рыть копытом. Экипаж-то, где только ни учился, пока влез в лодку, а я пришлый. В атомной энергетике — неандерталец. Все на ночь уходят на плавбазу тараканов и крыс гонять, либо в «Эдельман» девок щупать, а я, как матрос первогодок, круглосуточно ползаю по лодке.

Питался с вахтой, или ходил в заводскую столовую. К концу заводских и государственных испытаний, на чем-то подловить меня не мог ни один пижон. И потом двухлетняя школа вахтенного офицера на дизелюхе, куда как круче, чем на атомоходе. На «С-80» я чувствовал себя вахтенным командиром, а на крейсерюге — попка. Репетуешь команды командира или старпома, а самостоятельности — с гулькин хер. Но все равно, это махина, да и мощи — 35000 лошадей! Моих ракетно-ядерных дубин — три штуки. Заныканы в трех вертикальных шахтах ходовой рубки. Ракеты — Р-13, с дальностью стрельбы до 650 км. Это уже кое-что! А если учесть, что в башке у нее зарядик на одну мегатонну в тротиловом эквиваленте, то вообще, ого-го! Решил для себя, что поднимусь на мостик этого крейсера, не только вахтенным офицером, но и командиром. Чем быстрей, тем лучше. Вот тогда и подумаю, накидывать на себя уздечку семейных уз или повременить. До этого: ни-ни!

«К-55» под ёлочку 1961 года была сдана флоту и ушла в Западную Лицу, а я вернулся на «К-16». Даже расстроился слегка, что погорячился с уходом с «С-80» и что мне еще год придется торчать в Северодвинске. Потом жалеть перестал и окончательно убедился в справедливости поговорки: все, что ни делается, все к лучшему. Зимой отхватил отпуск почти на два месяца. Впервые за третий год службы в офицерах. С визгом помчался на днепровские кручи. Активно включился в дегустацию женщин, вина и фруктов. Но недолго музыка играла. Отозвали и направили в Западную Лицу на продолжение испытаний «К-55». Акт передачи флоту — это одно, а доделки-переделки и фактическое завершение испытаний — совсем другое.

В Лице — тоска. Сухой закон. По части женского пола — дефицит страшенный. Хлеб в блокадном Ленинграде было легче найти, чем девку в Западной Лице. Скалы, причалы и подлодки. По окрестным сопкам и буеракам шлындают партизаны (стройбатовцы). За бутылку шила могут самосвал или автокран отдать.

Но не это меня огорчало. К воздержанию приспособился, шильца было достаточно. Из-под полы, краем уха прослышал о гибели «С-80». Официально — ни звука. И вякать на эту тему запретили. Ушла в полигоны и… исчезла. Вроде бы, ее искали, но не нашли. Где и чем искали — непонятно. Может, с ног сбились, отыскивая ее в закордонных базах?

Паскудно мне было. Будто сбежал с подлодки перед ее гибелью. Я здесь, а мои собратья где-то в глубине упокоились. От таких мыслей не до женщин, вина и фруктов мне было. Даже в Северодвинске, когда туда вернулся. Зубром в подводном ремесле

на атомоходах.

На испытаниях «К-16» сдаточная команда шарахалась от меня, как черт от ладана. Навыдавал я им замечаний с три короба. Ну и что? Нас тоже выпихнули на флот по акту и под ёлочку 1962 года. До самой весны на флоте, вместе со строителями устраняли замечания. Доделывали и переделывали. Шлялись в море на продолжение испытаний и отработку задач. К июню 1962 года завершили всю трихомудию со вводом корабля в первую линию. Фактически. Заработали право на нормальный отпуск и перемещения по службе.

Перемещений у меня не предвиделось, а вот отпуск был желанным. В ушах свистело от длительного воздержания. Порубил бы моральный кодекс строителя коммунизма на капусту. Когда передали корабль второму экипажу, и получил отпускной билет, готов был мчаться на большую землю пешком со скоростью подводного атомохода. Еле дождался рейсового теплоходика «Кировобад». «Санта-Мария», как ласково называл её подводный люд Западной Лицы, первой базы атомных потаённых судов.

Лучше бы я завязал свой хотимчик вторым узлом и зашхерился на весь отпуск в каютке плавказармы. Скопытился на «69-й параллели». Самом бойком ресторане Мурманска.

69-я параллель

Третьего июля 1962 года «Санта-Мария» доставила меня на причал Мурманска. Время 17.00. Моряк вразвалочку сошел на берег. В карманах похрустывают рубли бумажные, позвякивают металлические. Душу и тело греет отпускной билет. Явственно слышу, как поют дрозды. Жутко захотелось вина, фруктов и, конечно, женщин. Жажду того, другого и третьего решил утолить немедленно, как только ступил на улицы Мурманска. Мне бы сигануть в какой-то поезд или рвануть на такси в аэропорт, но мою дорогу на юга, перекрыл шлагбаум «69-й параллели». Так назывался новый и знатный кабак. Знал бы я, чем все это обернется, по шпалам ушел бы. Но… забурился в кабак. На минутку.

Кабак — он и сеть кабак. Не под березовый сок заливались соловьями дрозды. Рыбаки и прочие моряки усиленно претворяли в жизнь лозунг момента: «Гуляй рванина, от рубля и выше!»

Официантка — сама любезность.

— Где бы вы хотели присесть, с крышей и уютом, или на скорую руку… — проворковала она.

— Мне бы хотелось присесть на минутку… — заныл было я, благоразумно, но бес в ребро саданул.

— Чтобы потом прилечь в уюте с Сарой… — дорисовал свое пожелание.

— Понятно… — молвила она улыбчиво и усадила за столик с, ну, очень симпатичной телкой. Глаза — блюдца и взгляд, как у не доенной коровы. Все при ней и такое аппетитное! Хряпнул бы стопарик и захрумкал ею, как огурчиком. Короче говоря, не Сара, а Клеопатрочка в период бурного расцвета. Все во мне перевернулось и запело.

— Стол сервировать по программе — гуляй душа. И немедленно!… — повелел официантке. По-купечески.

— Будет исполнено… — прощебетала она, обменявшись взглядами с Клеопатрой.

— Да, и вот еще что. Надеюсь, в вашей забегаловке найдется букет цветов? Негоже морскому волку знакомиться с дамой без их… — понесло меня во все тяжкие.

— Сейчас принесу… — ответила она и шустро умчалась. Через минутку принесла какой-то букетик.

— Могу ли я рассчитывать на вашу благосклонность? Душа моя рыдает и просит сменить пластинку тоски на дивный вечерочек… — расшаркался и мелким бесом засуетился перед Клеопатрой.

— Присаживайтесь. И я одна, и мне тоскливо… — голубкой проворковала она, лучезарно улыбнувшись. Лишь тогда я сел на стул, предварительно чмокнув ее лапку. Она назвала свое имя, но я его не запомнил. Бес вожделения заткнул мне уши. А тут еще, за соседним столиком какой-то горлопанистый морячок-рыбачок прогорланил поморский тост:

— Выпьем за нас с вами и за х… с ними!

Поддержал его фужером коньяка. В башке и душе — будто Полярный день наступил. Все запело, заиграло и заблестело. Еще пара стопарей сделали из меня безудержного острослова. Дама восхищенно внимала мне и расцветала всеми красками веселья. Приобретала вид совершенства. В моих глазах. Чтобы второй раз не выспрашивать ее имя избрал приём-верняк:

— Милая! Поднимем бокалы за тебя!…

— Милая! Прошу это танго подарить мне…

Болтовня и чревоугодие — это одно, а танец — это уже хмель во все чресла. Несколько танцев и… я уже созрел. Чувствую, что хмель в хотимчике вот-вот вышибет мне мозги.

— Милая! А не хочешь ли ты послушать мою любимую песню любви? И не в этом балагане, а где-нибудь в уюте? — воркую ей в ушко в танце. Притиснул ее так, что дрожь и хруст прошлись по телесам обоих.

— Я согласна, милый! И не где-нибудь, а у меня дома… — шепчет она в ответ. Ножкой своей, так это искусно елозит в моей промежности, будто поглаживает головку хотимчика. Он просто-таки взревел лосем от восторга. Взаимопонимание, полное, было достигнуто. Подзываю официантку.

— Голубушка! Мы тронуты вашим вниманием и радушием. К сожалению, мы должны откланяться. Нас ждут дела великие! Будьте так любезны, скомплектуйте суточный автономный паек на две персоны. На ваш вкус. Безлимитный…

Все было исполнено в лучшем виде. Возблагодарив официантку за ее радушие достойным образом, через десяток минут, я уже повелел таксисту:

— Ямщик, гони лошадей!

И мы помчались в микрорайон серых, как штаны пожарника, пятиэтажек. Он был послевоенной гордостью мурманчан. Среди серости табуна домов, будто бриллиантовое ожерелье на немытой шее цыганки, красовалась бело-красная вышка телебашни.

Но … в какой-то пятиэтажке, на каком-то этаже, в какой-то квартире я воткнулся в уют, какого не видывал целую пятилетку подводного промысла. Исполнил свою песню любви. Да, пожалуй, так как не исполнял ни до, ни после, во всем своем репертуаре. Хреновая штука слава! Она может поднять тебя до небес.

Задохнешься от восторга! Вот тут-то она тебя и шмякнет оземь. Попробуй предугадай, когда это произойдет И на фига это нужно? Восторгайся, пока восторгается, а дальше — будь что будет.

Песня любви

За окнами беснуется Полярный день, а я повис, как жаворонок в поднебесье, пою свою песню любви. Уют — потрясающий. Пассия офигенно отзывается и ненасытна поболее меня. Заступил на бессменную вахту. За себя и за того парня, который тралил в это время… селедку, где-то на Ньюфаундленской банке. Не посрамил честь военмора. Столь славно правил вахтой, что перекусоны-выпивоны совершались будто на бегу, а то и в процессе обслуживания материальной части. Ну, прям, как на испытаниях кораблей. «Давай, давай!» Глоток, зажор и снова: «Давай, давай!» На них вкалываешь по долгу, а здесь — для отрады. Будто влюбленные, часов не наблюдали. Стойко держу пар на марке, а вот подружка моя притомилась и взмолилась:

— Все! Больше не могу. Если часик-другой не посплю — умру… — прошептала она и тут же отрубилась. Будто младенец.

На часах без малого пять. Но чего — утра или вечера? Глянул в окно. Светлынь. Но в какой стороне солнце, не видать. Между корпусами — безлюдье, но я не придал этому значения. Решил, что время подгребает к семнадцати и народ скоро появится, когда повалит с работы. В башке бродит хмель. Остаточный. Не свежий. От суточного автономного пайка остались какие-то ошметки. Такое добро вестовые сваливают в ДУКовский мешок и выстреливают за борт.

— Пока она спит, освежу-ка запасы. Должна же быть где-то рядом лавка колониальных товаров… — озаботился я, вдруг. Будто обсемененный хмырь. Шустренько накинул на себя военно-морской лапсердачок, и за порог. Столь заторопился, что не стал надевать каску(фуражку) и, машинально, не переобулся. Так и поперся, в домашних тапочках. Минут двадцать поносился между корпусов. Пару лавок нашел, но на обоих замки. Что за напасть? И спросить не у кого. Сообразил, что все дело во времени. На часах раннее утро. Затея со свежаком лопнула, как мыльный пузырь. Да и если бы и были открыты лавки, то до одиннадцати можешь пополниться только хлебом и селедкой. Шампузы, и той не выпросишь. Решил возвращаться на хазу-базу.

Вот тут-то и сработало мое темное ракетное прошлое. Кобель, шастая по чужой территории, помечает углы, чтобы отыскать обратную дорогу. Штурман засекает ориентиры. Ни к тому, ни к другому оказался не способен. Пламя песни любви спалило в моих мозгах все извилины. Помню лик подружки, продолжаю осязать ее тело, а как зовут — забыл еще в ресторане.

Ни имени, ни адреса, ну ничего нет в моей бестолковке. Корпуса, как близнецы. Подъезды — тоже. Двери и те одинаковые, и отличаются только номерочками, намалеванными краской. Кривой и пьяной рукой. Вспомнил, что дверь моей подружки оббита дермантином и украшена стежочками в ромбик. Это уже кое-что. Можно сказать маячок.

Перескакивая из корпуса в корпус, из подъезда в подъезд, носился как спринтер. Нашел пару похожих дверей. На мои звонки открывали двери заспанные дамы, но не моя. Из третьей квартиры высунулся бугай водоизмещением поболее моего. Я и рта не успел раскрыть, как он сгреб меня в охапку и такое придал ускорение моему телу, что я летел до первого этажа, не чувствуя ступенек под ногами. Хорошо, что шваркнул мне вослед тапочки. Обиделся, наверное, что я его в такую рань поднял. Вывалился из подъезда без корпусных повреждений.

Осмотрел окрестности с целью избрания очередного корпуса для поиска своего маячка. И тут меня клюнула в темя шальная мысль. Можно сказать, гениальная. А что? Яблоко шмякнуло на голову Ньютону, и он тут же начирикал закон всемирного тяготения. Мне на голову ничего не упало, но на глаза попалась красавица-телебашня. Мысль, как молния, пронзила меня и показалась простой как репа, но гениальной.

Вот-вот начнутся передачи в телеэфире. Всякие там новости, в которые можно воткнуть сообщение о потерявшемся мальчике и показать его рожицу. Уговорю дикторов, они меня и покажут. А я еще и вякну:

— Милая! Ты где? Отзовись! Я прилечу к тебе голубем сизокрылым…

Она услышит-увидит, позвонит на телестудию, и я помчусь к ней. Допевать песню любви. Во мне еще трепетал крылышками жаворонок. Глянул на часы — время подгребает к шести. Как революционный матрос на захват телеграфа, ринулся к зданию телестудии у подножия телебашни. Столь шустро, будто я был на взлете. Как певучая птаха. И мыслишки не шевельнулось в башке, что я не взлетаю, а лечу в пропасть. Жуткая и взрывоопасная смесь из алкоголя и хмеля любви образуется в башке мужика. Термоядерный заряд!!!

Клеопатра

К дверям телестудийного здания я пришмыгал в подлодочном состоянии. В легонькой прострации и в абсолютной готовности к решительным действиям. На мое физическое состояние намекала малая стрелка часов, разглядывающая «6» на циферблате. Хмуро и кисло, будто разглядывает мои тапочки. Большая стрелка часов, будто Р-13 на стартовом столе, нацелилась на цифру 12, к старту в небеса.

— Старт! … — скомандовал я сам себе и вломился в двери вестибюля. Прямо в объятья стражников права, порядка и социалистической собственности. На охране объекта стратегической важности и стражники оказались матерые. Сами, как шкафы, а будки — у каждого сорок на сорок. Может, и температура у них была под сорок (ночь провели на страже). Уж очень горячими оказались их объятья. Трепыхнулся, было, как карась в руке рыболова, да быстро сник. Дыхалку перехватило. Через пару секунд в режиме «языка» даю показания. Как можно вежливее излагаю цель своего проникновения на государственный объект.

— Молодец! Это ты здорово придумал!… — восхитились мордовороты моей гениальности. Придирчиво окинули меня взорами и раздобрились до участливости.

— Парень, ты — загляденье! Помочь тебе — сам Бог велит. И мы поможем. И очень просто. Отвезем прямо к Клеопатре. Мы знаем, где она живет. Пару минут потерпи, пока мы вызовем карету… — завершили они допрос-осмотр столь учтиво, будто перед ними не старлей, а, как минимум, ценнейший «язык» в генеральском чине.

— Мужики! С меня банкет. Прямо у Клеопатры его и учиним… — возрадовался я. Опрометчиво. Подкатила «карета». Обычный серый «газончик» с будкой. В народе эту карету называют «раковой шейкой».

— Что-то эта таратайка мало смахивает на свадебную. Не загреметь бы в ней в тар-тарары… — мелькнула мысль.

— Пошутили ребята насчет кареты. И где им ее взять, если в их распоряжении одни серые рыдваны, с окошками в клеточку. Что есть, в том и возят… — устыдился собственных подозрений.

— Спасибо, ребята! Век буду помнить вашу доброту… — промолвил я радостно, влезая в будку. Один стражник влез в кабину, другие остались на крылечке. Я им трогательно помахал ручкой из зарешеченного окошка. Они заржали. И мы поехали.

— К Клеопатре… — подумал ее вожделенно, хотя и не

совсем уверенно.

Хотелось бы сделать запись в вахтенном журнале: «06.30. Ошвартовался левым бортом к плавбазе «Клеопатра». Команде — мыться, петь и веселиться. Вахтенный офицер ст. л. Друшлаг»

Хрен там!

«Раковая шейка» ошвартовалась к воротам комендатуры.

— Ну, ментура поганая! Вечно вы путаете Клеопатру с комендатурой!… — взвыл я волком, прежде чем оказаться на допросе у коменданта.

Комендант

Комендант, как все коменданты — даже без зачатков юмора. Подполковник, в черной флотской форме, но с красными просветами на погонах. Просветы, будто лучики, отлетали от его красной упитанной рожи и ложились на погоны могучих плеч. Могучесть этого детины не могла не вызвать восхищения.

— Попадаешься к такому в лапы, не только заставит заговорить, но и вырвет гланды у тебя, через твою ж…, не моргнув глазом… — очень хорошо подумал о нем, настроившись на мажорный лад.

Силушкой Бог коменданта не обидел. Вместо юмора напихал в него недоверчивости. До неприличия много. Мой краткий рассказ о многолетней и многотрудной службе на потаенных судах выслушал в пол уха. Скороговорку о заработанном праве на отдых в лоне ЮБК (южного берега Крыма) пропустил мимо ушей.

На мой последний аккорд трогательного признания (без пыток) окрысился. Всего лишь и сказал ему:

— На пути к ЮБК у меня возникли кое-какие препятствия. Помогите их преодолеть…

Дурень! Знал же ведь, что если не хочешь нажить себе врагов, не проси ни у кого помощи.

— Все документы на стол!… — рявкнул комендант. Будто скомандовал:

— Руки вверх!

И вот тут-то я полез по своим карманам. Впервые, как отвалил от борта-бочка Клеопатры. Сказочные бабка с дедкой по амбарам, по сусекам наскребли жмень муки и замесили колобок. В своих карманах я наскреб… — только партийный билет. Из него даже колобка не сварганишь.

— А где же мои документы, банкноты и доллары… — озадачился вслух, не прекращая траления карманов.

— Что за доллары?.. — сделал стойку пса комендант.

Пришлось ему пояснить, что долларами я называю металлические рубли. Таская их с собой жменями, как отмычки к суровым душам ресторанной челяди. Особенно в общении со швейцарами. Звякнешь-брякнешь по стеклу двери, и ты уже желанный гость.

Неподдельно-жгучий интерес коменданта, вспыхнув при слове «доллары», мгновенно угас. Презренный металл его не интересовал. Бумаг, подтверждающих мою личность и подводную доблесть, не оказалось. Мои устные признания-показания были ему до лампочки.

— Считай, что все свои документы, деньги и прочее барахло ты подарил Клеопатре. Сочтет нужным — даст о себе знать. Нет — это твои проблемы. И искать ее я не намерен, да и не имею права. В кутузку, и то не могу тебя засандалить. На фиг ты мне нужен без продаттестата ?… — прорыкал он. Схватил телефонную трубку и начал требовать связи с «Дворцом» (скромный позывной штаба флота).

«Песня любви не допета. Не светит мне берег Крымский и даже «губа» комендантская. Спроворит он меня, похоже, в губу Западная Лица. На заклание начальникам и прозябание всего отпуска в камере плавказармы. Ох…ь можно!…» — подумал тоскливо. Добравшись до «Дворца», комендант полез на «Рекорд». Тот соединил его с дежурным нашей дивизии.

Дежурный подтвердил, что по амбарной книге дивизии за ними числится маленький ракетчик Друшлаг, но изволит быть в отпуске. Загорает на ЮБК.

— Он уже не только загорел, но и сгорел. Отправляю его к вам. На «Кировобаде». На опознание… — гнусно пошутил комендант. Мастер черного юмора.

Отволок меня в «УАЗике» на причал и вверил меня заботам вооруженных матросов на «Кировобаде». Они были служивыми комендантской службы Западной Лицы и следили, чтобы среди пассажиров теплоходика не затесался вражеский агент. Сутки тому назад «Санта-Мария» приперла меня в Мурманск, и вот поперла обратно. Хорошего помаленьку.

К-19

До прихода в Западную Лицу безмятежно хрюкал на диванчике кают-компании «Санта-Марии». Как Клеопатра в своей уютной квартире. Многочасовая вахта любви, снотворная пилюля «Авось, пронесет!», сделали свое дело. Отменно выспался. Сошел на контрольный причал в слегка растрепанном виде, но в бодром духе. И сразу попал в лапы СПНШ (старший помощник начальника штаба) нашей дивизии. На «опознание». Он встретил меня, как родного, и тут же «облобызал» матерным непотребством:

— Мудак! На дивизии, да что там, во всём ВМФ жуткая трагедия произошла. Все на ушах стоят, а тут еще тобой надо заниматься. Сиди в каюте ПКЗ и носа не высовывай. Вызову, когда понадобишься…

— Что случилось-то?

— Что случилось, то и случилось. Эта тема запретна для разговоров. Валяй на ПКЗ. Мне сейчас не до половых гангстеров.

На следующее утро СПНШ вызвал меня и поставил туманную задачу:

— Ты включен в состав сменного экипажа. Быть на ПКЗ неотлучно. В готовности к выходу в море на плавбазе. Для выполнения спецзадания. Что конкретно предстоит делать — экипаж узнает после выхода в море. Какие вопросы?

— Какие у матросов могут быть вопросы? Сижу в каюте в готовности к бою и походу. Вот и всё… — и отправился в каюту. О «великой тайне» спецзадания я уже знал. На «К-19» в море произошла авария ядерного реактора. Экипаж облучен, но борется за спасение корабля от гибели. Людей у нас — прорва, а вот кораблей маловато. Атомные лодки только пошли, с тьмой конструктивных огрехов и кучами заводских недоделок.

В нашем высокоморальном обществе секс был постыдным делом, а венерические болезни — преступными. Трахались украдкой, заболевали часто, но лечились тайно. Одно дело — подхватить трипперок, можно и тайно подлечиться. А если подхватишь что-нибудь типа сифилиса? Всё равно в тайне пытались лечиться. Не омрачали общую картину благополучия и не ломали свою карьеру. Авось, пронесёт.

Во всех остальных делах — подход аналогичный. Еще в Северодвинске слышал, что головная «К-19» на заводских испытаниях подхватила «трипперочек» на реакторе. Высокопоставленные комиссии, отодрав всех, приказали так расценивать залипуху с реактором.

Выпихнули ее на флот под фанфары выполнения и перевыполнения плана. Два года экипаж, проявляя свойственный нам героизм, корячится на корабле, продолжая испытания, и бегает на судоверфь для тайных лечений. Похоже, что эта подлодочка «долечилась». Влюбленные в нее подводнички схлопотали по полной программе. И опять мышиная возня с тайнами и сверхтайнами.

Помыкался я пару месяцев в сборном экипаже. Когда мы сменили остатки первого на «К-19», да и вернулся на свою «К-16». Оставив там, где положено, очередную подписку о неразглашении сией великой тайны.

Дырка

Меня-то Клеопатра вернула из отпуска. СПНШ засиропил в сборный экипаж, с которым оказался сперва на плавбазе, а потом и на «К-19». Приперли ее в Северодвинск. Мой экипаж недолго нежился в отпуске. Отозвали и посадили в «К-16». Второй экипаж засандалили на судоверфь, менять уже нашу сборную солянку. Чтобы и они пополоскали свои яйца в йодной яме. «Если радость на всех одна, то и беда одна». Так и живем. Десятки погибших и переоблученных. И все в тайне.

А вот моя тайна с Клеопатрой стала достоянием широкой общественности. Замуля постарался. Со всей партийной прямотой и неподкупной суровостью. Выхлопотал мне суд чести младшего офицерского состава. В клуб ПКЗ собрали толпу допштатников и заштатников, бессменных руководителей работ на помойках и баржах. Запалил он у них ненависть к негодяю и забулдыге Друшлагу, да и вселил надежду в их истрепанные души. Снимут с меня звездочку, а там, глядишь и с должности. Откроется вакансия. Пламенно выступил наш замполит, прозрачно намекая на эти обстоятельства. Про Клеопатру умолчал. С конца у меня не капало. Аморалку на меня нацепить не удалось, а вот потерю бдительности при хранении личных документов припаяли. Спороли с меня звездочку старлейскую. Он пошел дальше. Решил забрать у меня и партбилет, пока я и его не потерял.

— Мог бы спокойно перевестись из Заполярья в центральную часть страны, но партия сказала «Надо!», и вот я на корабле. Рядовой коммунист, но с полномочиями представителя ЦК партии на местах. Миссию свою выполню, будьте уверены… — заявил он нам, когда появился на корабле.

До этого он, с младых ногтей и до майора, вспахивал ниву марксистко-ленинской теории в архангельском Доме Офицеров. Пропагандистом. Карающий меч партии начал уже ржаветь в его ножнах. Пришпандорили ему капдва, переодели во флотскую форму и бросили на практическую работу. Двадцатипятитысячником. И вот я ему подсунул повод для обнажения меча.

— Мыслимое ли дело, товарищи коммунисты, у ракетно-ядерного щита Родины держать такого человека? Даже очень хороший специалист, утратив бдительность, может стать прорехой в важнейшем деле защиты Отечества. Сегодня он потерял удостоверение, завтра потеряет важнейшие секретные документы, а то и… ПАРТБИЛЕТ!!! Чтобы этого не произошло, предлагаю исключить его из рядов нашей партии… — предложил

он на партийной ячейке корабля.

Собратья уперлись и начали вести речь, что мои деяния при выполнении спецзадания на «К-19» достойны награды и прочая…

— Ему бы надо было просверлить дырку в кителе для ордена, а вы ему организовали дырку на погоне. Хватит и этого. Предлагаю ограничиться партийным внушением… — предложил минер. Все его поддержали, но замуля пригрозил реализовать свое на парткомиссии. Старпом нашел мудрое решение:

— Как он исполняет свои функциональные обязанности, мы все знаем. Все бы знали свое дело так, как он. Занесло его не в ту степь в период берегового отдохновения, ну так и что? Холостяцкие выкидоны. За это он схлопотал на суде чести. Сверх меры. Но в труднейшей береговой коллизии умудрился сберечь партийный билет. Чтобы мы, вот сейчас взяли и отняли его у него? Не по-людски это. Предлагаю объявить ему строгий выговор без занесения в учетную карточку.

Как ни бесновался замполит на партсобрании и парткомиссии, оставили меня в партии со строгачом без занесения. И оставили кочегаром у топки Р-13. С годичным испытательным сроком. Либо отмыться добела, либо загреметь под фанфары.

— Шерше ля фам… как говорят французы. Все наши беды — из-за баб-с.

Через день — на ремень

— Эх-х, ушел бы наш пароход годика на три в кругосветку, я бы и до каплея отмылся, и не переломился. Пришлось переносить муки береговых соблазнов, как схимнику. Стал лучшим другом помощника командира. Сам зачернил график офицерских нарядов своими дежурствами по лодке. Через день — на ремень. На полгода. Поскольку страсти-мордасти по сокрытию событий на «К-16» поулеглись, экипажу решили скомпенсировать прерванный отпуск. Расщедрились и на санаторные путевки. Предложили и мне. Решил никуда не ездить, а остаться с матросами. Продолжить свою вахту по части «облико морале».

— Дурак! Оно тебе надо?! Будут тебя гонять каждый день в жилой городок с бригадкой матросов, превращать помойки в сад. Забуришься к какой-нибудь девушке из военторга и сгоришь синим пламенем. Бери путевку и дуй отсюда, опережая собственный визг. Чтобы не споткнуться о «Шестьдесят девятую параллель», автобусом езжай до Килп-Явра. В самолет, и на Киев! Побудешь денек-другой у родителей, и на ЮБК! Ребята наши присмотрят там за тобой, да и прикроют в случае чего… — посоветовал штурман, мой лучший кореш. Матерый каплей. Под тридцатник уже подгребал, а семьей себя еще не охомутал. Послушался его совета, да и к старпому помчался. Трусцой.

На Подоле, в Киеве

— Отдохни, как белый человек. Без закидонов и гусарства… — проинструктировал меня старпом, вручая отпускной.

— Штурман! До ЮБК я еще не добирался. На всякий случай, будь готов к моему РДО. С получением, не мешкая, высылай телеграфом означенную сумму… — озадачил и я, но штурмана.

— Ты же столько времени проторчал в прочном корпусе!!! Неужели не хватит отпускных? — вылупил он зенки.

— Гагры — не Ягры, а Хоста — не Роста. А меня ждет Ялта. Чуешь? Ялта особого обхождения требует… — пришлось наставлять дружбана.

Со всем бережением особиста рассовал по карманам документы и дензнаки, в портфель — пару сотен «долларов». Банковский мешочек металлических рублей. И очертя голову кинулся из родимой потаенной базы атомоходов. На автобус не попал, но на «Санта-Марию» затесался. Беседочным узлом скрутил своего хотимчика. В Мурманске мужественно подавил собственный вопль: «Зайди в 69-ю параллель!» Разошелся с кабаком на дистанции не менее двадцати кабельтовых и полным ходом такси — в аэропорт. Умеренно ублажал себя только предпосадочными-пересадочными стопарями коньяка. С телками, буфетчицами и стюардессами, общался как с замполитами — официально-вежливо и лишь по острой необходимости … в коньяке.

Через несколько часов был уже на Подоле, в Киеве. В родительском кругу. Батька у меня судостроитель, ударник труда на «Ленинской кузне». До войны работал там клепальщиком. Корпус монитора «Железняков» — его работа. На такой работе почти оглох. После войны освоил сварку, из-за которой почти ослеп. Но продолжает вкалывать. Мамка кашеварит в заводской столовой, там же. Чуете, какая у нас династия? Родители корабли строят, а мы на них морячим. Два моих послевоенных братца в моряки подались, а двое пацанами погибли во время войны. Я чудом уцелел, а их разнесло в клочья. Снарядом. Уже когда наши Киев освобождали. Лезли мы куда надо и не надо без страха. Вот и довыпендривались.

Батька — слепой, глухой, но еще крепкий мужик и кое-что кумекает в воинских званиях, хотя и не служил по своей глухоте, вдруг озаботился моей карьерой.

— Володя! Кажись, ты уже был старшим лейтенантом и карточку нам присылал. И вдруг снова лейтенант. Как так?…

— Не вдруг и не снова. А уже — лейтенант! У нас

революционные преобразования на флоте. Чем выше звание и должность — тем меньше просветов и звезд на погонах. В мозгах тоже. Как во времена лейтенанта Шмидта. Слыхал о таком? — не моргнув глазом, ответствую батяне.

— А-а… — не совсем уверенно промычал отец, раскрыв было рот для новых уточняющих вопросов, но выручила меня мамка. Как всегда. От грозных вопросов отца и его карающей лапищи-десницы. Как врежет, бывало, по заднице, сидеть потом на ней неуютно. Как кипятком ошпаренная, зудит и чешется.

— Чего ты к нему пристал? Молодой, красивый. И уже лейтенант! Радуйся, а не приставай с дурацкими вопросами! — закрыла мамка своим телом тему моего карьерного роста.

А вечером того же дня уже сидел в поезде. Продолжал свой путь на ЮБК.

Кавказский джигит

Скорый поезд «Киев — Симферополь» всю ночь тащил в своем чреве блестящего флотского лейтенанта. В своем ресторане. Полка купейного вагона сиротливо пустовала, так и не дождавшись своего седока. Пился, лился из ушей, ноздрей и динамиков трансляции «Березовый сок». Пенилось искристое шампанское. Теплым ворсистым пледом обволакивал душу и тело выдержанный коньяк. Пели дрозды. Все пело и плясало! Каждый взмах моей шаловливой ручонки непременно завершался шлепком по упругой попке официантки. Как уж ее звали-величали, сейчас уж не припомню, но я называл ее Сарой. На это имя она тут же отзывалась лучезарной и многообещающей улыбкой. Чуть было не размяк от всего этого до одури. Мыслишка ненароком пришла:

— А на хрена мне нужна эта Ялта? Может забуриться куда с Сарой?

Вовремя одумался, как никак испытательный срок мотаю. Опять же Сара при исполнении. Несколько часов отстоя — и обратно, на Киев. Тут и поезд, громыхнув буферными сцепками, замер на перроне Симферополя. Ресторан выплюнул меня на перрон, как косточку. Над Симферополем клубились черные мохнатые тучи, угрожая проливным дождем. Грозой.

— Командир! Давай подвезу, куда скажешь… — тут же возник передо мной кавказец, лихой и наглой наружности.

— Давай, шеф! Веди меня к своей карете, — благосклонно вещаю кавказцу, опершись на его плечо.

Забрав из моих рук портфель, он шустро отбуксировал мое бренное тело к карете — старенькой клыкастой «Победе». Усадил меня на переднее сиденье и вежливо уточнил:

— Попутчиков будэм брать?

— Нет. Сзади поедет мой портфель. С долларами… — вякаю барственно, зашвыривая портфель на заднее сиденье.

После этих моих слов джигит так шустро оббежал свою карету и так плюхнулся на свое водительское место, будто лезгинку исполнил. И сел не в изнеможении, а в немедленной готовности к прыжку в круг танца или нечто подобное. Его поза за рулем мне показалась очень похожей на стойку мурманского коменданта, но не успел разглядеть и додумать. «Победа» рванула как конь от укуса шпор седока.

— Ялта. Санаторий «Стой, кто идет!». Военный. Понял. Жми, шеф. Не обижу… — велю извозчику, упреждая неуместный торг об оплате.

Извозчик поднажал. Клубились тучи, визжали тормоза. «Победа» лихо мчалась по серпантину дороги вверх, в горы. К перевалу.

На перевале, в сполохах молний и под канонаду грома, ворвались в стену ливня. Стало почти так же темно, как ночью. С небес водопадом хлестали потоки воды. Дворники плохо справлялись с потоками воды на лобовом стекле. Водила включил фары дальнего света. Миновали перевал. Дождь продолжал хлестать, не утихая. Потоки воды за бортом кареты, ночное заполнение моих цистерн главного балласта шнапсом заревели во мне крайней необходимостью опростаться.

— Стой, шеф! Мне надо продуть балласт! — воплю, когда уже иссяк терпеж. Кому охота вылезать из под крыши в такой ливень?

Кавказец ни хрена не понял, опешил, но остановился.

— Сил моих нет, как хочу поссать… — поясняю ему свои намерения, вылезая из машины. Мне бы, дураку, тут же рассупонить болт и направить струю в сторону от салона, а я как лань помчался к кустам на обочине. Постанывая и подвывая (только бы успеть не в штаны!) торопливо достаю приспособу для журчания в кусты и …

За спиной взревела всеми своими лошадиными силами «Победа» и молнией пронзила стену дождя. Исчезла!

Слушатели заржали почище «победовских» лошадиных сил, но не натужно, а весело.

— Вот вы ржете! А мне было не до смеха и даже не до крика. Елда не давала. Журчу и постанываю. Постанываю от удовольствия и журчу. Начал даже подвывать, а из меня все льется и льется. И с меня уже полилась дождевая вода ручьями. Еле сообразил, что из меня уже все вылилось. Привел елду в исходное состояние и только тогда подумал: А что делать теперь?! Не уссался, так теперь усраться можно от того, что все мое состояние-достояние умчалось вместе с кавказцем. Кричи — не кричи, свищи — не свищи, но он исчез, как тать в ночи. И вот стою один я на дороге….

— Доигрался хрен на скрипке… так называется ситуация, в которой я оказался на горной дороге. Хорошо еще, что кавказский джигит не огрел меня монтировкой и не выкинул где-нибудь под обрыв. Из-за моего портфеля с долларами. Он, бедняга, прослышав про них, всю дорогу, наверное, терзался мыслью — где и как укокошить седока. Выскочив из машины, я избавил его от душевных терзаний. В моей омытой башке перекатываются мысли, ясные и блестящие, как бриллианты. Видок, как у военмора, сыгравшего за борт, но вовремя выловленного лихими гребцами. Мокрая курица, одним словом.

Даже вид мокрой курицы не вызывал жалости у лихих извозчиков легкового транспорта, пронзающего стену дождя рядом со мной. Машу руками, как ветряная мельница, ору, как иерихонская труба — все без толку. Только трудяга троллейбус остановился и подобрал меня. Довез до Ялты. К счастью, в карманах оставались какие-то деньги, не выуженные ресторанной Сарой, и , самое главное, удостоверение личности , отпускной и путевка. Бесплатный харч и постой на двадцать шесть суток были обеспечены. Это очень хорошо!

Промокшая, но уцелевшая ксива, удостоверяющая, что я — рядовой бригады «ума, чести и совести нашей эпохи», тоже оказалась в кармане. И в этот раз взял ее с собой, как законченный дурень. Сами знаете, потерянный партбилет — вышибон из партии, и однозначно. Оценка собственных сил и средств принесла мне некоторое удовлетворение. Ввалившись в санаторий, начал вести разведку взаимодействующих сил. Чуть раньше меня в санаторий должны были заехать мои собратья по рпк. Не мешкая, ещё мокрым, отправился в плавание по санаторию.

Кавказец Гиви

Надо же было такому случиться, что первым, кого я обнаружил, был минер. Славный Гиви Липартия. Если на рпк Гиви большую часть времени восседал на электрогрелке, холя и лелея свой застарело-профессиональный радикулит, то в санатарии он облюбовал унитаз с восходящим душем. Ласкал свой, опять же профессиональный, геморрой. Прямо с унитаза он попал в мои объятья.

— Гиви! Из всех твоих собратьев я люблю тебя, Кикабидзе и Мкртчяна. Немножко Беридзе, нашего химика. Больше никого не люблю!

— Почему, дарагой!

— Все остальные — бандиты на горной дороге, как Коба… Слушай меня…

И вывалил ему рассказ о кавказце-извозчике. Гиви долго хохотал и пытался меня убедить, что бандитов среди них — с гулькин нос, а хороших — море. Не убедил.

— Как кобры, кидаются кавказские кобы на приличного человека! Спасу от них нет! — заявляю Гиви.

К позднему вечеру отыскал всех своих друзей, обсох. Чем больше рассказывал о своем приключении, тем больше веселился. Разошелся до пляски на танцплощадке с какой-то Сарой. Гордо отверг предложение персонала перекантоваться несколько дней в кабинете лечащего врача, пока освободится место в камере (палате) и умотал к Саре. На ночной постой. Утром, как на подъем флага, объявился в санатории ровно к восьми часам.

Немедленно сдал страждущему персоналу санатория свою кровушку и мочу. В почтовом отделении санатория украсил бланк телеграммы ревом лося в далекое ЗПК: «Штурману тчк Сел на мель тчк Вышли буксир пятьсот тчк Немедленно тчк Подпись Ракетчик».

И изо всех сил включился в отдохновение.

Ялта фиолетовая

Все было прекрасно в Ялте. Теплое, ласковое море. И море слегка одетых Сар. Сары, Сары! Кругом Сары! Глаза разбегаются, но каждую из них раздевают. Да и их глаза, кажется, выражают только одно:

— Ну что ты так медленно раздеваешь? Ну быстрее же!…

Охренеть можно от томных влечений и неугасимого желания. Длительное пребывание в воде мало охлаждало пыл моего достоинства в плавках. Достоинство не только торчмя торчало, но и, кажется, вопило:

— Мчись на мне, мой хозяин! В любую любовную даль! Я застоялся в твоем сраном прочном корпусе!…

Обхвачу за плечи длинноногую Сару и мчусь с ней куда угодно прочь и на всю ночь. На бессменную вахту своего хотенья. После второй ночи праздника жизни, замаскировав темнофиолетовый загар под глазами темными очками, ввалился к врачу, мурлыкая под нос:

— Ах-х, как была коротка эта лунная ночь…

Лечащий врач, еще не старый мужичок, вояка, ведущий жаркий бой на поле нашего выздоровления, был очень вежлив и краток.

— Ну что, военмор. Кровь у тебя бешеная. В коньяке очень мало мочи. Жить будешь. Отдыхай… — сказал мне док.

— А что он мог найти в моем организме после длительного воздержания?

От врача направляю свои стопы в почтовое отделение.

— Сарочка! Есть ли известия для меня? — сую свой нос в одно окошко.

Их три, и в каждом по лучезарной Саре. С ума можно сойти!…

— Есть! — воссияла Сара в среднем.

— Сегодня у нас с вами совместная ванна. В шампанском! — несколько преждевременно и опрометчиво обещаю Сарам, протягивая лапу за бланком телеграфного перевода.

Нельзя сигать в воду, не зная броду!… Это про меня сказано.

— Прочитайте письменное сообщение… — воркует Сара.

Прочитал…

Сумма — один рубль 00 копеек. Текст — «Живи по средствам тчк Целуем коллектив тчк Подпись Штурман»

Вы можете представить мою морду в тот момент? Нет? Морда лошади, на которую накинули торбу без овса. Вытянутая и удивленно-обиженная. А тут еще и Сары дружно прыснули за

своими окошками.

Изрыгая проклятия в адрес штурмана, лосиными прыжками ринулся прочь из почтового отделения. Попался бы на моем пути штурман, раскроил бы от плеча до седла! Волки так не воют, как выл я. В душе.

Все было фиолетовым в тот день на ЮБК, в Ялте. Фиолетовые мешки под глазами. Солнце в небесах не лучезарилось, а полыхало фиолетовым пламенем паяльной лампы. Море не ласкало, а хлесталось своими волнами, навешивая на уши фиолетовые водоросли. Противные фиолетовые медузы так и норовили взгромоздиться на голову пляжной панамой. Сары подурнели и покрылись фиолетовой кожей с гусиными пупырышками. А их ноги-то? Какие-то короткие, жирные обрубки. Ляжки, а не ноги.

Бег по корпусам в поисках выхода из финансового краха с помощью собратьев по рпк только усугублял фиолетовость бытия. Подсовывая пальцы под изящный офицерский погон (хранитель заначки), собратья не торопились по-братски поделиться финансами.

Хихикая по поводу наглой выходки штурмана, советовали то же самое, что и он: живи по средствам… А какие у меня остались средства?! Мыши, и те убежали бы из моих карманов. Не буду врать, что мне вообще ничего не давали или потчевали рублем, как гнусный штурман. Иной отвалит две-три красненькие, все остальное запихивает назад под погон, приговаривая:

— Извини, брат, больше пока не могу. Весь отпуск еще впереди…

Жмот. Пока?!! Можно подумать, что потом, позже, у него будет больше… Но что поделаешь? Брал десятки и скакал дальше. В поисках другого собрата. Только славный Гиви, раскрасил мою рожу подобием улыбки, пусть и фиолетовой.

— Дам тебе пока зелененькую… — и дал мне два лиловых четвертака. Это уже было кое-что. Но все равно, мизер. Больше никого из собратьев в этот вечер изловить не удалось. Кошмар какой-то!

День догорал фиолетовым закатом. Ночевал в кабинете лечащего врача. Ночь была фиолетово мрачной и темной. Все было фиолетово противным! Хотелось рвать и метать и кому-то бить морду. Лучше бы штурману. Ночью созрел до мысли — купить билет на самолет по маршруту: ЮБК — ЗПК. Утром озвучил свое решение собратьям:

— Если еще один день не придет нормальный перевод, улечу на Север. Забью палками или утоплю у причала штурмана, а сам буду дрыхнуть в каюте. До следующего отпуска…

— Очень горачий ты человэк! Потэрпи!… — увещевал меня Гиви.

В конце дня почтовые Сары сами позвонили в мое отделение и пригласили на рандеву. Хихикая, вручили второй бланк телеграфного перевода с пятистами тугриков и текстом: «Получай, ненасытный!»

Пришлось купать Сар в шампанском и рассказывать им о проделках штурмана. Шутник нашелся!

Вернулся из отпуска и сразу штурмана за шкварник:

— Штурман! За твой рубль с поцелуем тебя бы надо убить самым изощренным способом… Но я добрый! Живи пока…

После отпуска я был великодушен до неприличия. В мыслях только одна забота — как бы это укрепить боеготовность родного рпк?

Каторга

Отпуск — это полярный день в душе подводника. Проводить его надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно пропитые деньги. Мне это удалось. Мое уникальное общение с кавказским джигитом было отнесено в разряд дорожной байки и никак не отразилось на моем «облико морале». Какой-то доброхот приволок эту информацию замполиту. Но и его чуткое ухо восприняло это событие, как анекдот, безо всякой аполитичности.

Оставалось продержаться два-три месяца, и можно будет писать заявку на снятие «строгача без занесения». После этого, глядишь, и дырку на погоне залатают старлейской звездочкой. Отдохновением был сыт по горло. Как конь, стреножен долгами. Если отдавать всю зарплату до копейки, за тройку месяцев можно их погасить. В базе — сухой закон. В военторге, при всех прочих дефицитах, имелась напряженка и с девками. Умилил помощника своим предложением вновь включится в режим «через день на ремень». Все способствовало тому, чтобы ничем не запятнать свою трудную биографию. Ни-ка-ких соблазнов! Жила бы страна родная, и нету других забот. Хлебай ложкой счастье укрепления боеготовности родного корабля. Пару недель похлебал. И тут вводная. Сбегать крейсеру в Белое море. На судоверфь.

После трагедии на «К-19» инженерно-конструкторская мысль родила систему аварийной проливки (расхолаживания) реактора. Сделать ее можно было только в условиях «альма-матери» атомохода. Во внеплановом порядке и срочно. И ввиду исключительной озабоченности безопасной эксплуатацией атомных самоваров подводничками. Вот и погнали нас туда. Воспринял переход без восторга.

Северодвинск — это город аборигенов и контрагентов. Первых — одна треть. Они собирают-сваривают корпуса подлодок. Вторые — запихивают в них требуху оборудования. Их две трети. Обретаются там в режиме возобновляемых командировок со всей необъятной страны. Но все — и те, и другие, монолитны и единодушны до ужаса. Круглосуточно решают две задачи: героического преодоления похмелья на фоне ударного выполнения и перевыполнения производственного плана, и полнокровного отдохновения после трудовой вахты. На волнах алкогольного изобилия. Речки алкоголя вскрываются с семнадцати часов и плещутся до двадцати четырех. Мантулят судостроители по две смены. Семь часов на судоверфи и семь — вне ее.

Только-только оторвался от ВПП (взлетно-посадочная

полоса), улетая от прежних грехов. Двухнедельная командировка в сонмище соблазнов запросто могла превратится для меня в каторгу. Она и превратилась. И не только для меня, но и для всех. Только привязались к достроечной стенке, как судостроители посдирали съемные листы, заглянули в чрево крейсера и сверстали план работ. Запахло не двумя неделями, а месяцами стоянки. Флотские финансисты подверстали план с экономической стороны. Завоняло снятием полуторной надбавки к окладу и лишения морского довольствия. Какая может быть полярная надбавка южнее Северного Полярного круга? Ягры — почти что Гагры. О морском довольствии у достроечной стенки и речи быть не может. Тут и ежу понятно.

Финансисты свою часть плана выполнили одномоментно. Одним росчерком пера. Судостроители ковырялись больше двух месяцев. Семейные подводнички из отпуска возвращаются не только с покупками, но и с долгами. Схроны мужицких заначек покрылись паутиной. Вот в таком «всеоружии» мы и оказались в альма-матери атомного подводного флота. Как декабристы в ссылке, с кандалами долгов на руках и на ногах. К моему счастью.

Альма-матер

С приходом на судоверфь, наш замуля, коренной помор-архангелогородец, не преминул оседлать пропагандистского коня. Засандалил нам лекцию: «Северодвинск — зеркало индустриализации». Ничего не скажешь, знал, стервец, о чем говорил. Соловьем пел об этом самоедском крае. От возникновения Соловецкого монастыря, Архангельска, до строительства Молотовска.

— Триста лет Российская империя подбиралась к освоению этого края, а большевики освоили за двадцать. В 1918 году взяли власть в свои руки в Архангельске, а в 1938 году, уже был построен город Молотовск с гигантской судоверфью. Когда у товарища Молотова начались антипартийные проявления, его вывели из руководства партии, а город переименовали в Северодвинск. Под гениальным руководством Никиты Сергеевича Хрущева наш флот стал приобретать новое лицо. Усилиями вождя и умелыми руками северодвинских судостроителей в кратчайшие сроки мы наступили на пятки оголтелому американскому империализму. На его атомный «Наутилус» мы ответили «Ленинским комсомолом». Вот так вот!… — с этого начал замуля и еще два часа молотил о трудовом энтузиазме покорителей-строителей этого края. Заслушаешься! Закончил весьма пафосно и символично:

— В столь важной командировке не тратьте время попусту. Не шляйтесь по злачным местам, а пропитывайтесь духом созидания. На флот — с чистой совестью!

Мы его послушали, но начали от противного. Недельку-другую, на излете финансовых ресурсов, оценили злачные места и лишь потом, приступили к созиданию.

Эдельман

Как немыслим Киев без Подола, так немыслим Северодвинск (Молотовск) без Эдельмана. Эдельман — зеркало еврейской нации. Сгусток мудрости и стоицизма своего народа. С огромным запасом плавучести. Прямо с горшка, он пошагал в жизнь с нюхом ищейки. Учуял запах революции и … бац!, он уже революционер. Повеяло НЭПом, а Эдельман уже нэпман. Столь успешным, что чуть-чуть расслабился и нюх потерял. Оказался в спецкомандировке на Соловках. В Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). На нарах. Восстановил там свой нюх и смекнул, по своей природной мудрости:

— В этой буче, боевой кипучей, мысль должна облекаться в дело и как можно меньше… слов. Довел свою мысль до чекистов, трубадуров и защитников революции в СЛОНе:

— Защитника, как и соловья, баснями нельзя кормить. По части вкусной и здоровой пищи я большой мастак.

Столь на этом преуспел, что из списка классовых врагов, подлежащих уничтожению, перекочевал в список поддающихся воспитанию. Мало того, с нар слез и из кутузки вышел в ранге вольнохожденца по острову Большой Соловецкий для поиска ингредиентов вкусной и здоровой пищи. Соловецкие чекисты при его стараниях нажрали холки до уровня руководящих. Были определены на индустриализацию глухого побережья.

На площадке будущего Молотовска вбили два колышка. Один — на месте будущей судоверфи, другой — столовой руководящего состава НКВД. Разбили аккуратные таборчики, обнесенные изящными заборчиками из проволочки Бруно. Для созидателей судоверфи и города. Двухэтажный сруб из многовековых корабельных сосенок вырос на месте второго колышка почти мгновенно, как гриб после дождя. В нем воцарился Эдельман, переаттестованный из вечного зэка в вечного поселенца. Город и верфь росли, как на дрожжах. Столовка чекистов обрела статус ресторана, а завстоловой возведен в ранг директора.

Все менялось в городе с поразительной быстротой. Менялись созидатели города и кораблей. Защитники государства и идей марксизма-ленинизма. Но их имена улетучивались из памяти аборигенов города мгновенно. С их уходом. Лишь слава ресторана только крепла и уверенно подгребала к тридцатилетнему рубежу.

Ресторан блистал изысканностью лучших домов Лондона. Был драгоценной брошью альма-матер атомного подводного

флота. Бриллиантом в этой броши сиял Эдельман. Директор. Метрдотель. Де-юре. Но Хозяин — де факто. Великолепный и блистательный во всех отношениях! Всегда! От открытия и до закрытия ресторана он сновал по нему, как мажордом на царском балу. Неизвестно, как ему это удалось, но в тайном клане проституток на посещение его ресторана существовало табу. В одиночку и парами, без сопровождения мужчин, но в охоте за ними, там появлялись только изысканно-утонченные б… и. Офицеры подлодок, объявившись на судоверфи, считали делом чести и протокольной необходимостью первый визит в городе наносить Эдельману. Эти визиты были приятны во всех отношениях и грели тщеславие обеих сторон.

Эдельман искренне любил моряков, а они отвечали ему тем же. Его заведение ни рестораном, ни, тем более, кабаком не именовалось. Люди наносили визит Эдельману.

Воодушевленные установочной речью замполита, целый день канифолились, придавая флотским мундирам первородный блеск. Сучили ногами и ждали гонга старпома:

— Офицеры свободны!….

В офицерских душах это отразилось радостным эхом, преобразившимся в клич:

— Нанесем визит Эдельману!…

Он был единодушно одобрен.

Сказка — ощущать себя человеком, достойным изысканного общества, а не клиентом забегаловки. Нажраться до поросячьего визга у Эдельмана было невозможно. Атмосфера к этому не располагала, а забулдыжные мысли выжигала каленым железом. Водочка, добротные коньяки и вина, деликатесные закусочки, побуждали к общению, а не к жралову. Оркестр не рвал децибелами барабанные перепонки, а услаждал слух и душу классическими мелодиями.

В двадцать три часа он начал исполнять прощальное танго. Моральный кодекс того требовал от метрдотеля. Устами горисполкома. Возле нашего обширного застолья, как черный лебедь с двумя лебедушками, возник Эдельман с двумя официантками. На нем — безукоризненно изящный черный костюм, белоснежная рубашка с галстуком «бабочка». Он благоухает и сияет радушием. Прелестные и вышколенные официанточки в униформе, тоже черной, с бело-кружевными дополнениями, выглядят участницами конкурса красоты. В руках у них по подносу, а на них бокалы с коньяком и махонькие блюдца-розеточки с бутербродиками в виде ромашки. Хлебушек с маслом и икорочкой.

Девушки-лебедушки поплыли от шефа вправо и влево,

огибая наш стол и притормаживая перед каждым сидящим. Военморы вставали и «вооружались» угощением с подноса. Лебедушки вернулись к Эдельману. Тот взял в правую руку бокал, в левую «ромашку», и произнес:

— Мы всегда и искренне рады, когда вы приходите к нам в гости. Приходите почаще. Желаю вашему кораблю и кораблю вашей жизни семь футов под килем. Спасибо вам! До свиданья…

У Эдельмана никогда не возникало ситуации «мест нет». Персонал не знал слов: «Ресторан закрывается, освободите помещение». Лишь радушно встречали и зазывно провожали. Клиентура обучалась жить по протоколу. Кто мог назвать это заведение рестораном, кабаком, злачным местом? Только измученный наркозом общественник.

Эдельман — главная достопримечательность Северодвинска.

Злачные места

Без злачных мест — город не город.

Образцово — показательным и идейно выдержанным таким местом был «Пингвин». Для аборигенов. Это главно-центральный магазин, где постоянно обещали что-то «выбросить» и иногда что-то «давали». Город был закрыт для любых туристов, в том числе и для профсоюзно-отечественных. Командировочные посещали магазин только после семнадцати часов, когда в нем открывали сусеки и «выбрасывали» алкоголь на прилавки. Оказывается, аборигены, столь прониклись идеей догнать и перегнать Америку, что добровольно и единодушно отказались употреблять алкоголь во время трудовой вахты. Это решение запротоколировали, отпечатали, размножили и донесли до каждой торговой точки и почтового ящика горком и горисполком. Воля народа превыше всего! Задолго до открытия и во время его работы «Пингвин» осаждали толпы халявщиков, алчущих того, что «выбросят» или будут «давать». Военморов он не привлекал, поскольку и они были командированными.

Большим успехом и массовой посещаемостью пользовалось кафе «Беломорочка». Особенно, у командированных и местной инженерно-технической интеллигенции. Кафе было хлебосольным и гостеприимным с восьми утра. Там подавали свежайшие пирожные с чашечкой кофе. Для гурманов могли подать кофе с коньяком. Этой прорехой в городском законодательстве умело воспользовалась очаровательная «Беломорочка». Но не в наглую, а избирательно. Для завсегдатаев, прошедших испытательный срок. Сто порций кофе с коньяком, расфасованные отдельно — в стакан и чашечку, под пирожное, вызывали удовлетворение обеих сторон. Завсегдатай, мог что-то плеснуть на колосник своей души в любой период трудовой вахты. «Беломорочка» блистала показателями перевыполнения плана реализации суррогатного кофе. Каждому — свое. И все довольны.

Дивно-злачным местом был гастроном с партийно-поэтическим названием «Заря». Он торговал только изысканными продуктами, а поскольку «изыски» — всегда дефицитны, то приторговывал пивом и вином на разлив. Чисто для выполнения торгового плана. Бездефицитно. И только в посуду покупателя. Конвейерным способом: Подходи! Подставляй! Наливаю! Отваливай!…

Дешево и сердито, до убийственности. От чехов, социалистических и родных по славянской крови, поступало

прекрасное пиво в бочонках из пищевого алюминия. Вкусное, крепкое, но малозабористое, по сравнению с вином. Алжирским. Под жизнеутверждающим названием «Солнцедар». На основе взаимопомощи (алжирцы вознамерились строить социализм, а мы взялись им помогать), мы им гнали танкерами нефть, а они нам — «Солнцедар». То ли танки хреново пропаривали после нефти, то ли вино у них было с оскалом капитализма, но это винцо было весьма забористо. Хряпнешь литруху на рубль, и… просыпаешься под забором. Как после солнечного удара.

Было еще одно злачное место. Ресторан в гостинице «Волна». Но в этот ресторан могли пробиться только командированные контрагенты и при наличии квитка проживания в гостинице. Вагон-ресторан, в который ломятся пассажиры поезда и все сразу. Военморам туда путь был заказан. Честь офицерского мундира оберегалась от тлетворного влияния гостиниц по всей стране и неукоснительно. Хочешь завалиться в койку — мотай в комендатуру. Там тебе выпишут цидулю в КЭЧевский приют с десятком кроватей в комнате и с одним сортиром и умывальником на этаж. Без изысков, и чтобы не расслаблялся.

Мы в гостинице и не нуждались. Поселились на плавбазе, установили теплые и дружественные взаимоотношения с ее постоянными жильцами, крысами и тараканами. Команда плавбазы восприняла нас, как и положено противолодочникам. Без особой заинтересованности к нам, но с большой любовью к тому, что и где у нас плохо лежит. Чистюли! Мигом всё прибирали и бесследно.

Изучив бегло все достопримечательности альма-матер, мы воткнулись в созидательный процесс оборудования системы аварийного расхолаживания реактора.

Реактор сконструировали для безаварийной работы, а он, сука, стал выпендриваться. Начал с «К-19», и не сулил спокойной жизни на других атомоходах. То на одном намекнет, то на другом. Устали все это прикрывать ладошками тайны, да и решили аварийно смандячить резервную систему расхолаживания аварийного реактора, которую должны были предусмотреть изначально. О гондоне мы вспоминаем не до того, а после того, как закапает с конца.

Судоверфи

Судоверфей в Северодвинске две. Одна — главная, которая клепает новые корабли. А вторая, как СТО для автомобилей. Ремонтирует и модернизирует гарантийную технику. Первая — СМП (Северное машиностроительное предприятие), гонит план по валу и срывает аплодисменты. Вторая — «Звездочка», разгребает завалы брака, конструктивных недоделок и переделок, и собирает шишки. Всё, как у людей. Кому вершки, а кому и корешки. На СМП давно уже пропили премию за «К-16» и закусили ее пряниками орденов. Попытались ее спихнуть на «Звездочку». Но та была в такой запарке с разгребанием завалов в гарантийной технике, что среди «эластичных хвостов», ошвартованных бортами к ее стенкам, не оказалось и дырки, в которую можно было бы воткнуть нос или корму «К-16». Но и на СМП — пора аврала. Осень на дворе. Заводские испытания новых «хвостов». План трещит, а телефонные трубки краснеют от руководящего гнева: «Давайте план! Любой ценой!…» Через месячишко-другой трубки заревут боевыми трубами: «Даешь сверх плана!» Вот под это и приняло нас СМП.

Аварийную систему расхолаживания реактора на «К-16» делали в третью смену. Весь рабочий день экипаж трудится на корабле по своему плану, ночью — минимум полэкипажа в заложниках на своем корабле. У третьей смены. Корабль флотский. За его живучесть головой отвечает командир. Ухари третьей смены собраны изо всех закоулков, с квалификацией жэковских сантехников и с теми же замашками. Неудачники производственного цикла. То ли дело — передовики. Утречком, раненько, как полноводная река первомайской демонстрации, текут по улице Ленина к проходной судоверфи. Растекаются по цехам и эллингам и мантулят плановую продукцию. До посинения. В семнадцать тырят из покрасочного цеха посуду (поэлитиленовые кульки) и через проходную, кипящей волной выплескиваются на улицу Первомайскую. С лозунгами на устах:

«Вперед! Заре навстречу!
Товарищи, в борьбе
Локтями и кульками
Проложим путь себе!»

Шлепают к магазину «Заря». Затаривают кульки по пристрастиям. Кто чешским пивом, но большинство — «Солнцедаром». Рассаживаются на длиннющей трубе теплоцентрали, как ласточки на проводе, и начинают неспешные разговоры про заводской план и укрепление обороноспособности

страны.

Кульки объемистые, задушевность безмерная. Одолев содержимое кульков, растекаются-расползаются по жилому микрорайону. В теплое время года иные прямо под трубой и почивать изволят.

Некоторые, из наиболее сознательных, могут, передохнув под трубой теплоцентрали, броситься на амбразуру третьей смены. С этой говорливой и бесшабашной публикой надо было держать ухо востро. Модернизация со скрипом, но продвигалась. После ночного бдения в прочном корпусе прошвырнусь на отдых, с заходом в «Беломорочку», да и снова креплю боеготовность. Каторга весьма способствует перевоспитанию. К завершению ремонта командир и замполит подписали «Акт» о восстановлении меня в правах беспорочного коммуниста и старшего лейтенанта. Стал я старлеем второго срока носки. Залатал дырки на погонах, а вот обмыть это дело не успел. Выпихнули нас с фабрики.

На флот ушли с чистой совестью.

А вот как я дорос до командира — рассказ особый.

Комбриг

Ура-губа. Апрель на исходе. На пороге окончание зимнего периода обучения и начало Полярного дня. Морозы и снегопады слабеют под ласками мурлыки-весны. Журчат ручьи, обнажая зимние накопления всякой дряни на территории бригады подводных лодок. Вместе с ясными солнечными днями вот-вот нагрянет хмурая инспекция штаба флота с проверкой бригады. Комбриг всем своим хребтом чувствовал, что пришедшая весна и теплынь разлагающе действуют на подчиненные ему морские души.

«Надо взбодрить народ, иначе оборзеет» — решил он.

Объехав с командиром бербазы все «хозяйство», осмотрелся, да и слегка вздул оного:

— Доложи-ка мне, милок, чем же ты два месяца занимался, пока мы торчали в завесах? По бабам шлялся? А база зарастала дерьмом? Не гневи меня и не понуждай к тому, чтобы я причесал тебя по полной программе. Три дня ударно-коммунистического труда, и база должна сиять, как весенняя сосулька! Как леденец! Понял?…

— Трудновато будет слепить из дерьма конфетку, но мы постараемся… — бурчит командир базы.

— Да уж, расстарайся… Подводнички помогут.

Вернулся в штаб, на свой береговой КП. Спустил «пары» на штабных офицеров. Выслушал рекомендации своих замов (начштаба, начпо и офицера ОУС), больших знатоков берегового обустройства войск, да и собрал командиров «эсочек». Встрепенуть и нацелить.

— «Зима прошла, настало лето. Спасибо партии за это» — так говорит наш начпо, а вот мне благодарить отцов-командиров пока не за что. Сходит снег и отовсюду вылезает бардак, показывая нам замусоленный кукиш. Только что гондоны не валяются по всей территории бригады, как в жилом городке. Глаза бы мои не глядели! А как перемещаются экипажи от казарм к своим лодкам у причалов? Табуны пленных или рабов, гонимых на галеры! Только строевая подготовка и неустанная работа на объектах способны бестолковку моряка удержать на истинном курсе. Я вставлю всем в башку по прибору Обри (прибор Обри — гироскоп, обеспечивающий ход торпеды на цель), или моржовую кость куда надо. Но образцовый порядок будет! Отныне, с восхода и до захода Солнца — вылизывать объекты, как леденец. С удовольствием и не переставая. Переходы на лодку и обратно совершать по-экипажно, строго по распорядку и под барабан.

Одиночек комендант будет отлавливать и расстр… сажать в кутузку. У кого есть ко мне вопросы? — иерихонским басом пропел свою установку комбриг.

Для краткости изложения заковыристые обороты сознательно опущены. Не вытерпит бумага. Комбриг был родом из мест, где российские археологи сделали (откопали) открытие XXI века. Эпохальное. Мат-то ведь наш! Славянский!!! А не каких-то там татаро-монголов.

И статью комбриг отличался славянско-богатырской. С трудом и мылом протискивался в рубочный люк (650 мм) подлодки. Казалось, мог таскать пару штук своих бригадных «эсок» у себя подмышками. Был счастлив, когда со всей своей бригадой уматывал на пару месяцев в какую-нибудь завесу, стращать супостата. Берег не любил. Он доводил его до белого каления. И недели не прошло, как вернулись из очередной завесы, а берег уже душит моряков своими заботами. Вот он и взбеленился. Командиры, обожая своего комбрига, улыбались и молча созерцали всплеск его эмоций.

— Что молчите? Или еще не проснулись от зимней спячки?! — ярится комбриг.

Двухмесячное зимнее штормование в море, как пройденный этап в настоящем мужском деле, уже отнесено им в разряд зимней спячки.

— Ды-ык, тащ комбриг, есть у меня два вопроса, — получив в бока тычки приятелей-командиров (не молчи, мол, татарин, твоя очередь задавать вопросы), обращается командир одной из лодок. Славный сын казанско-татарского народа. Брюнет среднего роста, с фигурой — всё при нем. Капитан 2 ранга.

Он был молчалив и обстоятелен, как восточный мудрец, на берегу, но хваток и прыток, как джигит Чингисхана, стоило ему только оседлать своего скакуна — «С- …»

— Валяй свои вопросы, джигит.

— Вопрос первый. Как это лизать леденец берегового бардака от восхода и до захода солнца? Через пару недель солнце на три месяца повиснет над горизонтом. Лизать три месяца непрерывно и с удовольствием? И вопрос второй. Где взять барабан? При его наличии можно будет лизать, топать и плясать одновременно. Даже с удовольствием… — смиренно вопрошает капдва.

— А ты мне, татарин, поязви, поязви… Я тебе персональный барабан откопаю и подарю. Понял? И это, как я понимаю, все ваши вопросы? Вот с завтрашнего дня и начнем лизать и топать. Топать и лизать! Если не до захода солнца, то до следующего выхода в завесу, или до наведения образцового порядка на этом сраном берегу. Построение экипажей и офицеров штаба в 07:30

на плацу перед штабом бригады. Командиры свободны!

* * *

С утра следующего дня на всех столбах освещения дороги, ведущей от штаба бригады и до причального фронта, красовались раструбы динамиков.

Построение бригады ублажал духовой оркестр. Проорав комбригу «Здрам желам, тащ комбриг!», отодранные им за расхристанный вид (замасленные фуфайки, задрипанная роба: жопа в масле, х… в тавоте, но зато в подводном флоте) экипажи топали на свои подлодочки под бравурные марши оркестра, несущиеся из динамиков. Путь не ближний. Полпути под марш, а дальше под буханье барабана. Из тех же динамиков. Как известно, моряки любят строевые занятия, как собаки палку. И уж к слову о собаках. В окрестностях берегового камбуза и кочегарки обосновалась солидная стая бродячих собак разного калибра. Предводителем стаи был могучий пес, грудастый и ширококостный, с рыком тигра. Красавец пес! Несмотря на то, что он с большим почтением относился к своим кормильцам — матросскому люду, продпаек воспринимал не как подачку, а как положенное ему довольствие. И мог разорвать в клочья любого обидчика только за угрозу палкой. А вот строевые занятия под оркестр псина-вожачок воспринимал с большим энтузиазмом. Стая послушно сопровождала своего главаря. И еще. Этот пес каким-то своим собачьим умом определил, что комбриг — фигура куда важнее, чем он сам. Поэтому на общих построениях бригады не стремился, как начпо, суетиться рядом с комбригом, а скромно ховался вместе со своей стаей с тыльной стороны построенных экипажей. Но как только начинал движение первый экипаж, ватага вожачка шустро перемещалась во главу колонны и начинался… цирк. Рык и утробное взлаивание вожака перемежались какофонией беспородного лая всей стаи шантрапы. И все это сдабривалось безудержным хохотом моряков. А ведь в процессе перехода надо было еще и исполнять разудалые строевые песни. Попробуй спеть сквозь собственный хохот.

Несколько дней продолжалось это строевое ристалище, и было оно не в тягость. Экипажи уходили, а комбриг оставался у штаба, и пока не знал о повальном веселье. Задрипанных моряков в строю становилось все меньше, а вот хмурость исчезла напрочь. На третий день комбриг даже расщедрился на шутку:

— Ну что, джигит, подарить твоему экипажу персональный барабан?

— Не надо, тащ комбриг. Топаем и лижем с удовольствием и без персонального барабана.

* * *

Благодаря прикамбузным псам, занудливость строевой шагистики обрела черты веселого спектакля.

Дело в том, что с того самого времени, как ГПУ (главное политическое управление) СА и ВМФ издало знаменитую директиву о «десятине» (объедками десяти воинских ртов откармливать одно свинячье рыло) по всему флоту при каждой столовой были сварганены подсобные хозяйства. К свиньям присуседились бродячие псы. Как бы сверх плана, но на особом довольствии у вояк.

В матросских забавах и хряки, и псы расписывались на роли каких-то начальников, от начпрода до кого угодно. Сие не афишировалось, но всегда было секретом Полишинеля.

В спектакле «Ать-два! Левой!» действующих лиц, начальников бригады, исполняла труппа прикамбузных «актеров» — псов. Статью, окрасом, поведением собачье поголовье очень даже походило на своих прототипов.

Могучий гладкошерстный пес, гроза всего собачьего поголовья, любимец моряков всей бригады, носил кличку Бриг. Бригадир, комбриг (КБ) — тут и ежу понятно.

Второй пес, тоже достаточно крупный и сильный, но весьма добродушный, был напрочь лишен лидерских замашек. Санки с матросом-свинопасом таскал от камбуза до свинарника без возражений. Кличка Нюша намекала на начальника штаба.

Третий пес ни статью, ни силой не выделялся. Происхождения неизвестного. Какая-то помесь лайки с помойкой. Ушки топориком, вытянутая мордочка. Нервно вертит башкой и постоянно что-то высматривает и вынюхивает, ловит ветерок с запахом каши. За эту его особенность «держать нос по ветру» матросы нарекли его Флюгером. Начпо собачьей стаи.

Еще две собаки были не кобелями, а суками. От роду. Но матросской прихотью были определены на кобелиные роли. Одна из них, лохматая, вороватая и коварная дворняга, никогда не упускала возможности выбиться в руководящие особи. Хотя бы в период гона.

— Жуликоватая, стерва! Пробу негде ставить… — говорили о ней матросы. Нарекли её… Проба.

Взаимоотношения между подводниками и силами их обеспечения, плавбазами и бербазами, устоявшиеся и незыблемы.

Они — противолодочные базы. Проба олицетворяла собой командира бербазы. Собаке с кличкой повезло больше, чем её прототипу. «ПБ» — в его адрес озвучивалось каждый день.

— Эта противолодочная б…дь опять не дала то-то и то-то… — докладывали лодочные снабженцы старпомам.

Вторая собачонка — рыжая, плюгавая, отдаленно напоминала таксу, не в одном поколении живущую «от помойки». Не злая и трусоватая, часто лающая попусту, но суетливо-пронырливая. Пролезет в любую щель, дырку. Куда надо и не надо, и тут же: тяв-тяв! Одним словом, зануда. Откликалась на две клички: Брехунчик и Бирка.

Бирка и её прототип, старший помощник начальника штаба, он же — старший офицер отдела устройства службы (ОУС), знали друг друга в лицо и… откровенно враждовали.

Вздрючки утренних осмотров бригадным начальством, торжественные марши были для моряков сродни зубной боли, но с лихвой компенсировались поведением Брига, Нюши, Флюгера, Пробы и Бирки на переходах к «эсочкам». В обществе дружбанов человеческих собственная моряцкая доля не казалась собачьей. Всю малину ненароком испортил комбриг.

* * *

От своих корешей в штабе флота комбриг получил телефонного «шептуна»:

— Со дня на день, как гром среди ясного неба, свалится на тебя инспекция. Будь готов!!!

— Всегда готов!!! — по-пионерски среагировал он. Положил трубку и рыкнул по-поморски:

— Вот суки! Делать им не х…! Геморрой бы им во всю с…у!

Добрейший, как все сильные люди, человек, он не выносил штабной бумаготворческой деятельности, впрочем, как и любой другой, которая по его мнению мешала приращению профессионализма у моряка-подводника. За спиной у комбрига тянулся кильватерный след многолетней подводной службы с довоенных времен. Выходил победителем в подводных боях с фашистами. Подводную службу любил искренне, а все, что ей мешало, не менее искренне ненавидел. Берег мирного времени таил в себе много пакостей для отчаянных подводных душ. Он требовал от моряка не столько служения Отечеству, сколько прислуживания номенклатуре. Уходил от них в море, на одной из своих «эсочек».

Ругнувшись по поводу «неожиданной», но неотвратимой

инспекции, комбриг вызвал к себе командиров.

— Посиделки разводить не будем. Моя агентура донесла: инспекция разводит пары и намеревается грохнуться нам на голову неожиданно. Им бы засесть по человечку в прочные корпуса «эсочек», да на пару месяцев смотаться в завесочку… вот тогда бы и узнали, чего мы стоим. Нет же! Будут неделю шебуршиться, выискивая крамолу. Вы ж, отцы-командиры, не забудьте, что для некоторых инспекционных крыс матрос без бирки, что п… без дырки. Валяйте на экипажи и учините шмон. Что нужно делать, когда едут ревизоры — не мне вас учить. Да я и сам не знаю, чем их ублажить-удовлетворить… — очень даже миролюбиво оповестил он командиров об инспекции.

Бирочный аврал привел к неожиданным результатам.

* * *

Утром следующего дня, еще до прибытия комбрига, НШ и СПНШ учинили зачетный осмотр форменной одежды экипажей. С пристрастием. Особенно по части «отбиркованности» предметов одежды и наличия иголок с нитками в матросских треухах.

Все было тип-топ. Было, чем порадовать комбрига. Очень довольный НШ четко проорал команды для его встречи. Оркестр запузырил «Встречный марш». Рука к уху, оба начальника начали сближаться к середине строя бригады. И вдруг, с тыльной стороны экипажей, Бриг повел свою «эскадру» следом за комбригом. Начальники остановились друг перед другом. «Эскадра» присела на хвосты за спиной комбрига. «Отбиркованная» по бокам-бортам четкими буквами кузбасслаком. Бриг — «КБ», Нюша — «НШ», Флюгер — «НП», Проба — «ПБ», Бирка — «ОУС».

Начальник штаба разинул рот для доклада и… окаменел, выпучив глаза на сопровождающих комбрига. Бригада грохнула смехом. Комбриг оглянулся, хмыкнул что-то увесистое и, миновав НШ, широким шагом подошел к микрофону. Его рык не только оборвал смех, но и поставил на лапы Брига и его «эскадру».

— Учебно-боевая тревога! Подводные лодки экстренно к бою и походу приготовить!! По готовности — немедленный отход от причала в свою точку рассредоточения. Связь со мной на УКВ! Время пошло!! Бегом марш, ети вашу маму!!!….

«Голосок» комбрига рванул вверх, отразился от сопок и полетел куда-то по извилинам Ура-губы. Вырвался в Мотовский залив и достиг разведкорабля НАТО «Марьята», вечно пасущегося в Баренцевом море. Норвежцы объявили своим ВМС повышенную

боевую готовность. Плац опустел почти мгновенно. Комбриг со своим штабом юркнули в казарму, на КП. Экипажи, с «эскадрой» Брига впереди, опережая собственный визг и лай, помчались на плавпричалы, к своим «эсочкам».

* * *

Свирепость комбрига имела место быть, пока он учинял нахлобучку своим штабным советчикам. Как только стал принимать доклады командиров о готовности к отходу, окунулся в свою стихию. Загнав последнюю лодку на глубину, вообще вернулся в свою ироничную ипостась.

— Вот чем надо заниматься морякам-подводникам, а не вашей хренотенью под барабанный бой! Может, нам перед приездом инспекции отскочить всем штабом на «эсочках» и погрузиться на все время ее работы, а? Отсидимся на яшечках («яшка» — якорь) или подремлем на грунте? По всей акватории — тишь да гладь, да Божья благодать. Лодок нет, и замечаний нет… пусть-ка инспекцию встречает собачий штаб, а к нему впридачу — наш главный противолодочник. Пусть его дерут, не предохраняясь! А что? Комбриг-то, залюбуешься, какая псина! Как вам понравились псинки «начпо» и «нш»? Ха-ха! Умора! А что вы морды-то воротите и кукситесь? Моряк, он все видит и подмечает. Так что утрем собственные сопли и сделаем выводы. Пока выводы по нам не сделали те, кто повыше и поумнее матросов. Не вздумайте искать авторов и зачинщиков! Матросам надо сказать спасибо за подковырку-критику, а актеров-псов как-то избавить от надписей. Маются, животины, от краски. Разбор учения «Рассредоточение» проведем завтра. После проворачивания. И не здесь, в штабе, а на причальной стенке. После всплытия все лодки поставить к причалам… В жизни всегда есть место… театру… — совсем мирно и необычно многословно проговорил комбриг на КП штаба бригады, как только ушел со связи на УКВ командир последней погружающейся в точке рассредоточения «эсочки».

Вибрирующие всеми позвонками от недавнего комбриговского гнева, офицеры штаба облегченно вздохнули. Пронесло.

— Флагштур! Продолжение командно-штабной тренировки — со всплытием первой лодки. Конец учения — в 12.30. Лодки должны стоять у причалов. Война-войной, а обед — по распорядку. Действуйте! — приказал комбриг оперативному дежурному бригады и ушел с КП. Лодки затаились на глубине, стоя на «яшках».

Рассредоточение

По вводной командира бригады: Подводные лодки — экстренно к бою и походу приготовить!… — ошалевшими табунами помчались экипажи к причалам на свои «эсочки» — средние подводные лодки 633 проекта. Барабанные «бу-ммм» из динамиков вдоль дороги на причалы смолкли, но очень скоро над акваторией Ура-губы, между скальными сопочками, забубукали эхом запускаемые на «эсках» дизеля. Вышколенные экипажи шустро изготавливали подлодки к отходу, а командиры пока еще прохаживались по причалам, у сходен-трапов на свои подлодки, в ожидании докладов старпомов. Не прошло и пятнадцати минут после того, как в прочные корпуса ссыпались экипажи, а уже по кормовым и носовым надстройкам подлодок засуетились швартовые команды, выбирая на борт добавочные концы. Сизый дым от работающих дизелей подлодок (было безветренно) повис над причальным фронтом бухты. Буханье дизелей с выхлопом на поверхность, а не под воду, от того очень громкое, а не глухое, перекрывалось криками потревоженных чаек и бакланов, да отборным матом швартовых команд. Известное дело, без мата и якорь не идет, и шпиль со всеми вьюшками закисает. Мат, испокон флотских веков, первооснова сноровки и смекалистости, смазка механизмов, шоковая терапия расслабившихся на берегу мозговых извилин моряка. Одним словом — идиллия. Морского труда.

Наша «эска» стоит первым корпусом к плавпричалу. Внешняя «эска» уже приняла на свой мостик командира и вот-вот начнет отходить. Эта ситуация мгновенно преображает нашего командира, неспешной походкой восточного человека, прогуливающегося по причалу, в нетерпеливого и горячего джигита. По восточной, мусульманской мудрости, мужчина может позволять себе торопливость только до возраста Аллаха (33 года), а дальше — суетливость и торопливость недостойны настоящего мужчины. Командир уже подгребал к возрасту Аллаха, а может, и достиг его. На берегу вел себя степенно и без особых всплесков эмоций, а вот на лодке… Так и казалось, что он вот-вот потянет на себя поводья, вздыбит «эску»-подлодку и швырнет ее в намет. Сейчас, как будто привстав на стременах, он вздыбился сам, даже ноздри у него утончились и вздрогнули.

— Старпом! И долго мы еще будем телиться с приготовлением?… — нетерпеливо запросил он мостик. На мостике суетились старпом, рулевой-сигнальщик и мичман, стажер штурмана.

— Лодка к бою и походу приготовлена, тащ командир! На борту все, кроме штурмана…. — тут же докладывает старпом.

— А куда девался штурман?….

— Так, тащ командир, он же защищает честь эскадры и флота на общефлотских соревнованиях. По стрельбе. Вы забыли?….

— Тьфу ты… … … — выругался командир на родном языке.

— Не понял, тащ командир!? Что Вы сказали? Будем отходить без штурмана или нет?… — уточняет старпом.

— Я сказал, что очень полюбил маму штурмана, а ему после возвращения — вырву яйца… Сходню — с борта! Отходим… — проговорил он и быстро перешел с причала на мостик лодки.

— Мичманец! Судя по твоим галкам (курсовые нашивки) от локтя до плеча, тебя уже не только обучили штурманскому делу, но и переучили. Мыслимое ли дело — учить балбесов целых пять лет пеленгам и товсь-ноликам? Справишься с задачей выхода в назначенную точку, аж черте-куда, на акватории Ура-губы?… — тут же осведомился он у меня, поднявшись на мостик.

— Справлюсь, тащ командир! Не только выведу в точку рассредоточения, но и приведу обратно, к причалу…. — несколько дерзковато отвечаю ему, уязвленный его «товсь-ноликами». В командире неистребимо сидел «подплавовец» и минер, горделиво считающий только выпускников подплава настоящими подводниками, а «фрунзаков» — моряками второго сорта, паркетными щелкунчиками.

— Вот и решили проблему со штурманом. Дашь пузыря — утоплю в точке рассредоточения. Старпом! Убирай все концы, кроме носового. Переговорю с комбригом и сразу пойдем… — проговорил командир и спустился вниз, в рубку связи.

Через несколько минут он снова поднялся на мостик.

— Вводная комбрига — отойти от причала в точку рассредоточения. Стать на якорь. Погрузиться и лечь на грунт. Всплытие и возвращение в базу — после взрыва третьей гранаты. Торпедолов пройдется по бухте и шваркнет гранаты. Действуй, старпом!… — приказал командир, появившись на мостике.

Через полчаса мы уже уютненько улеглись на грунт на шестидесятиметровой глубине. Дно — илистый песок. Судя по карте — чистое, без человеческого вмешательства с его сюрпризами в виде подводных кабелей и прочего. Еще через два часа не только акустики, но и весь экипаж, во всех отсеках, услышали шум винтов торпедолова и взрывы трех гранат. При минимуме работающих механизмов на лодке и режиме «тишина» даже взрыв гранаты вызывает знобкость хребта. А как же чувствовали себя подводники в войну, когда рядом с лодкой рвались глубинные бомбы? Жуть!!!

Всплывал, как и погружался, старпом, под молчаливым наблюдением командира. Из первого отсека начали выборку якорь-цепи, а механик перегонкой воды из носа в корму стал дифферентовать лодку, добиваясь дифферента в 3 градуса на корму. Остаточная положительная плавучесть справилась с присосом к грунту, и лодка начала медленно всплывать. Напряглись в ожидании полной выборки цепи.

— Есть!… Лодка вдруг замерла, а потом резко «клюнула» на нос. Сейчас должен оторваться ото дна якорь. Но… дифферент на нос продолжал нарастать, и из первого отсека поступил тревожный доклад:

— Нагрузка на шпиль возросла! Якорь-цепь не выбирается!…

— Стравить якорь-цепь! На клюз 100 метров!… — как хлыст стеганула команда командира.

Загрохотала якорь-цепь, и дифферент стал отходить на корму.

— Всплываем без хода! Механик — гони за борт! Пузырь — в среднюю!…— сыпятся четкие приказания командира.

После пузыря в среднюю группу ЦГБ лодка начала быстро всплывать. Командир приник к перископу.

Всплыли. Начали выбирать якорь. Вот тут-то и выявилась залипуха. Якорь на своих лапах выволок какой-то кабель. Не иначе, как штурман промухал какое-то извещение мореплавателям и не нанес этот кабель на карту. Точку рассредоточения выбирает не командир. Ее назначает каждой лодке штаб. Что, и флагштурман прозевал этот кабель и не назначил нам другую точку? О кабеле в нашей точке рассредоточения должен был немедленно доложить ему штурман. Могла быть и другая ситуация. В бухте военными строителями и специалистами «Гидроспецстроя» в обстановке особой секретности сооружалось скальное укрытие для подводных лодок. Могли и они протянуть какой-то свой кабель по дну, не афишируя своих деяний.

— Ну что, мичманец, вляпались мы в лужу по твоей милости, а? Почему у тебя на карте не обозначен этот кабель? А может, мы не там встали?… — навалился на меня командир с обвинениями.

— Тащ командир! Вы же сами определяли место по трем контрольным пеленгам перед погружением и после всплытия! Мы в нашей точке, с точностью до метров! А вот почему не обозначен кабель на карте — не знаю… — оправдываюсь изо всех сил. Кому охота быть утопленным?!

По бухте спешили к своим причалам другие «эсочки», а мы еще ковырялись с выборкой якоря, пытаясь освободиться от кабеля.

— Потерять якорь — позор мне и кораблю. Но если мы оборвем кабель, не миновать головомойки и комбригу. Положит он нас в этой точке на грунт до скончания века… Якорь-цепь расклепать и сбросить якорь вместе с кабелем! Шпарим к причалу, а там будем думать, что делать дальше и как выскребаться из этого говна… Только быстро! Сам смотайся на носовую надстройку и ускорь это дело… — высказывает свое решение командир, обращаясь к старпому.

— Робертине Лоретти я вырву яйца, и однозначно! (Робертино Лоретти — кличка штурмана на экипаже). Тебя утоплю в следующий раз, если не справишься с важнейшей задачей. Видишь вон тот зеленый забор недалеко от плавпричалов? — это уже ко мне.

— Вижу, тащ командир!…

— Так вот, за тем забором — склады НЗ. На складе есть все, в том числе и якоря с якорь-цепями. А еще там есть древний мичманюга, который может решать любые вопросы. К завтрашнему утру на лодке должны быть якорь-цепь и якорь в клюзе. Усек? Более подробный инструктаж и атрибуты душевного общения с мичманюгой получишь у старпома… Оба мотора — Товсь!… — скороговоркой озадачил меня командир, как только старпом прокричал с надстройки откровенную липу:

— Якорь чист и в клюзе! Можно давать ход…

Через полчаса мы уже ошвартовались у плавпричала, но вторым корпусом к нему.

— Срок исполнения приказа командира остается прежним. Вот тебе пара бутылок шила за якорь и автокран. Набери еще пару рюкзаков тушенки и рыбных консервов. Их полно за шпациями в отсеках. Все должно быть сделано под покровом сумерек и тайны. Понял? И поспеши на склады, пока мичманюга-дремлюга не наквасился до тебя и не слинял домой или в какую-нибудь шхеру. Времени у тебя в обрез… — проинструктировал меня старпом.

— А как мне найти этого мичмана? Как его звать-величать и фамилия?

— Я же тебе сказал — Дремлюга. Увидишь там, на складе, замшелого мичманка — это и есть он, Дремлюга. Пошевеливайся… — выпроводил меня старпом из своей каюткишкафа во втором отске «эсочки».

Прихватив с собой пару боцманят-матросов с рюкзаками атрибутов взаимопонимания, отправился добывать автокран, якорь-цепь и сам якорь. Честь командира и экипажа висели на волоске. Опять же, окончание стажировки не за горами. Не хотелось обмишулиться.

Операция «Якорь»

На территории Кольского полуострова, на многих островах и вблизи военно-морских баз складов НЗ было великое множество. Деревянный забор или просто колючая проволока по периметру территории, будка-сторожка, да тросик вместо ворот. Все, что можно сожрать и выпить, сберегается в металлических ангарах под замком, остальное, несъедобное, от якорь-цепей, стальных швартовных концов, якорей и прочих железяк, до глубинных бомб, «хранится» под открытым небом и восьмимесячным снегом. Охрана — условная, и, как правило, пьяная. Все отдано на откуп дисциплинированного и вусмерть запуганного местного населения. «Стой! Запретная зона!» — торчат редкие таблички. Даже вороватый путник обходит подобные таблички за версту.

На такой склад НЗ пришлепали и мы, чтобы тайно заполучить якорь с цепью, каким-то образом уволочь его со склада и водрузить в клюз подводной лодки. Воротами склада служил натянутый тросик с тремя маленькими красными флажками на нем. Не иначе, чтобы на территорию склада не проникли волки и бродячие собаки и не потревожили крепкий сон бдительной охраны.

Охрану мы не обнаружили, а вот мичмана Дремлюгу отыскали мгновенно, на крыльце сторожки охранников. Мичманок был не просто старым, а замшело древним, как леший в омуте. Из-под зимней шапки двумя вениками из ушей торчали седые волосы. Их дополняли сивые и обвислые запорожские усы с подпалинками от курения. Усы уныло свисали ниже подбородка. На нем красовался матросский бушлат возраста светлой юности хозяина с мичманскими погонами. Не менее древние, флотские суконные штаны были заправлены в яловые сапоги. Он сидел, греясь под лучами яркого весеннего солнца, лениво покуривая.

— Вот этот дядька Черномор и есть мичманюга-Дремлюга. Прав был старпом, его ни с кем не перепутаешь…. — подумал я, увидев эту флотскую древность.

— Тащ мичман! Это Вы — Дремлюга?… — обращаюсь к нему.

— Я. А что, не видишь? Сижу, курю, дремлю… Значит, я и есть Дремлюга. С чем пожаловал?

— Мне бы заполучить метров двести якорь-цепи и якорек для «эсочки», а то наш изоржавел до трухи. Негоже лодке быть без якоря…

— Знамо дело, что негоже лодке быть без якоря… — хитро щурится Дремлюга, разглядывая меня и прикидывая что-то свое, дремлюжное.

— А как же ты его попрешь? На своем горбу, что ли? И опять же, есть ли у тебя бумаги на все это добро?…

— В том-то и дело, что бумаг-то у меня и нет. Но есть кое-что другое, что скомпенсирует, я думаю, отсутствие бумаг. Пришел сначала к Вам. Если найдете возможность помочь подводникам, можно будет найти автокран и на нем доставить все добро на лодку. Кран и там понадобится. Так как, товарищ мичман?

— Как-как? Никак! Чать я сам старый подводник, а не какой-то бюрократ бумагомаратель. Зайдем-ка ко мне в каморку, обсудим это дело…

Обсуждение длилось аж…. две микросекунды, необходимых, чтобы водрузить на стол рюкзачок и бутылку шила.

— Я с твоими матросиками буду выгребать из-под снега якорек с цепочкой, а ты, милок, дуй, по-шустрому, на поиски автокрана. Сейчас обед на бригаде, проще всего отловить стройбатовский автокран в районе камбуза.

Водители любят там поошиваться и подкормиться. И вот еще что. Не забудь у старпома взять какую-нибудь бумажку с печатью, типа доверенности, на получение всего этого добра. Мало ли, лет через триста, кому-то вздумается пересчитать все добро на складе. О бумажке и якоре не должна знать противолодочная база, я правильно понимаю?… — изложил свои мысли мичманюга-Дремлюга, засовывая рюкзачок и бутылку в колченогий шкаф. И выпихнул меня за порог:

— Поспеши к камбузу. Натрескавшись подводных харчей, партизаны линяют на своих автокранах Бог знает куда. Потом их днем с огнем не отыщешь…. — напутствовал меня Дремлюга.

* * *

Мне повезло. У камбуза стоял автокран, а водитель, замурзанный донельзя солдатик ошивался рядом, планируя подкормиться, но явно еще не решив, как это сделать.

— Есть к тебе предложение. Едем к плавпричалам. Кое-что получаем на складе НЗ и завозим на лодку. Отличным харчем я тебя обеспечу не на один день. Идет?… — не стал я разводить дипломатию.

— Как у вас, моряков, говорят — у матросов нет вопросов! Конечно идет, тащ мичман!… — расплылся в улыбке мурзик-солдат, заводя свой автокран. Я забрался к нему в кабину, и мы подались на склад.

Через час с небольшим на плавпричале была растянута якорь-цепь с якорем, а боцманята шустро красили все это добро

кузбасслаком. С энтузиазмом.

По плавпричалам порхала умело запущенная утка: у татарвы крыша съехала перед приездом инспекции.

— Дурни! Они якорь вместе с цепью красят! Можно подумать, что ОУСовцы будут не только по отсекам, но и в якорь-клюзе ржавчину искать. Ха-ха-ха!!!

Деза была великолепной! Видимо, она долетела и до комбрига. Хотя на причале он не появился, но его УАЗик перед ужином неторопливо проехался вдоль всей причальной стенки. Впрочем, он это делал ежедневно, удостоверяясь, что все «эсочки» бригады ошвартованы по уму.

Дело с восстановлением якорного хозяйства продвигалось весьма успешно. Солдатика от пуза накормили, вместе с экипажем, на лодке. Переполненный впечатлениями о лодке, получивший рюкзачок отменных консервов в свою кабину, он связался по телефону со своим начальством и бодренько доложил:

— Я тут, в районе плавпричала №…. слегка заломался. Подремонтируюсь сам, помощи не надо. Как закончу ремонт, сразу приеду…

Начальство весьма удовлетворилось его докладом.

— Молодец, что доложился. Ремонтируйся….

И солдатик со своим краном остался на плавпричале до полного восстановления боеготовности «эсочки».

Шилом я солдатика вознаграждать не стал. Побоялся, что он немедленно наклюкается и вместе с краном ляжет на грунт в бухте. Отволок вторую бутылку, вместе с бумаженцией старпома, мичманюге-Дремлюге.

— Молодец!… — восхитился Дремлюга по поводу второй бутылки, а его собратья собутыльники чуть ли не облобызали меня от восторга. Три мужичка, судя по всему, та самая бдительная охрана склада, составили компанию Дремлюге.

Сам Дремлюга выглядел весьма живописно. Сиво-подпаленные хвосты его запорожских усов уже не висели, а задрались вверх и сплелись с седыми космами из ушных раковин, видимо, не без помощи рук хозяина. Не замшелая древность явилась моему удивленному взору, но разудалый пиратище в стадии хорошего подпития. Мое затянувшееся разглядывание преобразившегося Дремлюги было им прервано:

— Ты что, мичманец, смотришь на меня ошалевшими глазами, будто сигнальщик, увидевший торпеду, идущую в борт? Сегодня я порадел подводникам, потому у меня все флаги до места. Понял?… — так он пояснил положение своих усов. Надо думать, празднично-залихватское положение.

— Одна бутылка на четверых — ни то, ни сё! Под такой закусь — море выпить можно! А у тебя третьей бутылочки не найдется?… — весело галдели мужики, окрыленные добавочной бутылкой.

— Третьей нет. Мне кажется, и второй для вас будет многовато. Это же шило все-таки….

— Салага ты еще, мичманец! Много шила не бывает… Ты его побольше сюда таскай, мы твою «эсочку» обвешаем якорями, как цыганку серьгами. Врежешь с нами?…

— Нет, мужики, на лодку поспешать надо… — ретировался я.

* * *

К утру и якорь, и якорь-цепь были на своих штатных местах. Якорь-цепь улеглась в цепном ящике чрева подводной лодки, в клюзе поблескивал кузбасслаком якорь.

Перед подъемом флага, с замиранием сердца от возможной похвалы командира, подваливаю к нему с докладом:

— Тащ командир, разрешите доложить? Якорь чист, якорь в клюзе!…

— Якорь, говоришь, чист и в клюзе? А где ж ему еще быть? Становись в строй, мичманец…

И никаких восторженных эмоций. Обыденное дело. Чем можно удивить восточного человека в возрасте Аллаха?

После проворачивания оружия и технических средств экипажи поднялись из лодок на причальную стенку. Построившись в каре вокруг комбрига, слушали его выводы по учению. Он был, как всегда краток в своих речах.

— Ведь все вы можете! В подводном деле — как цирковые эквилибристы. Утрете нос кому угодно и в чем угодно. За это я не боюсь. Но неужели мы спасуем перед какими-то ОУСовцами своим затрапезным видом и какой-нибудь грязью, ржавчиной и прочей мелочью, до которой так падки все инспекции? Что мы делаем по команде «Осмотреться в отсеках»? Вот именно! А сейчас нам надо осмотреться везде, на всем нашем заведовании. И не только на лодках. Я согласен, берег к нам не ласков. Но он наш, и никуда нам от него не деться. Нам на нем жить, и нам его обихаживать. Поднапрягитесь в обустройстве берега. За корабли я спокоен. Кстати, джигиты даже переплюнули край рачительности по отношению к своему кораблю. Надо же, выволокли все якорное хозяйство на причал и покрасили его! Лодка от такой заботы, наверное, умывается умильными слезами. Ей Богу, молодцы! Вот с таким подходом к делу мы любую инспекцию заткнем за пояс…

Желаю всем удачи. Действуем по суточным планам кораблей. Все свободны… — веско и добродушно проговорил комбриг, пробуравил своим мощным корпусом строй моряков, сел в машину и уехал с причальной стенки.

Инспекция

Инспекция трясла бригаду между праздниками международной солидарности трудящихся и днем Победы. Без всякой солидарности с ратниками подводного труда. За береговое обустройство и состояние отчетной документации назревала капитальная двойка.

— Закостенели вы в своих завесах без нашего глаза до форменного безобразия. Спите на ходу и дальше собственного носа ни хрена не видите! В каком же состоянии ваши корабли? Они в состоянии хотя бы оторваться от причала?! Сейчас проверим. Вводная: — Угроза воздушного нападения противника! Бригаде — экстренно отойти в точки рассредоточения! Погрузиться. Стать на якоря и лечь на грунт! Всплыть — всем вдруг и ровно через два часа. Все! Время пошло. Я вас встрепену! Выводы буду делать по этому элементу вашей боеготовности. Чтобы не обрастали ракушками… — незлобиво проворчал комбригу под занавес проверки руководитель инспекции. Вице-адмирал, всю свою жизнь проведший на подлодках.

Комбриг воссиял, именно воссиял, а не огорчился и шуганул свои «эсочки» от причалов. Сам взгромоздился на мостик нашей «эсочки».

— Ну что, хитромудрый татарин, поехали…. Отскакивай и потолкайся в сторонке, пока все отойдут… Погружаться будем последними… — распорядился комбриг, поднявшись на мостик.

Мы отскочили и потихоньку начали смещаться в сторону своей точки. Командир, еще до появления комбрига, успел нацелить меня на точку, отстоявшую от места предыдущей стоянки на два кабельтова ближе к оси бухты, с семидесятиметровой глубиной.

Комбриг по УКВ переговаривался с командирами других «эсок». По их готовности загонял их на грунт: — Молодец! Ныряй и ложись!

Дошла очередь и до нас.

— Мы в своей точке? Место уточнил? Ныряй, не мешкая!…. — последовала его команда из рубки связи на мостик.

Погрузились. Отдали якорь. Легли на грунт. Затаились…

— Ну что, мудрец восточный, чуешь, что и мы не лыком шиты? Как тебе нравится наше предвидение с отработкой этого элемента?… — довольно потирая руки, проговорил комбриг, прохаживаясь по центральному посту. Его мощная фигура, кажется, заполнила все свободное пространство центрального поста, а он топтался, как слон в посудной лавке, не испытывая

неудобств. Из отсеков только-только доложились по команде: «Легли на грунт. Глубина 70 метров. Крен — ноль, дифферент — ноль. Осмотреться в отсеках!» Каждый отсек доложил о своих параметрах наблюдения, о работающих механизмах. Замечаний не выявлено.

— Не наше предвидение, товарищ комбриг, а Ваше. В самый раз мы эту бодягу отработали… — возражает комбригу командир. По восточному мудро. За такое возражение начальник не устраивает субботнюю порку на конюшне своему подчиненному, а вознаграждает его рублем или чаркой.

— Ладно уж вилять хвостом. Не будь я так уверен в своей командирской братии, вряд ли бы решился на такую тренировку для всей бригады, не вытащив на нее поочередно каждого. Ан, рискнул. И все получилось, как надо. Полчасика полежим, поокаем, проведем небольшую тренировочку по ЗПС (звукоподводная связь), и будем всплывать. Первыми. За десять минут до назначенного времени всплытия. Сейчас — режим «тишина»! Я на ЗПС, к акустикам… — и комбриг воткнулся в выгородку акустиков. И оттуда понеслось его раскатистое: «Я — первый! Вызываю на связь — …! Прием!».

А меня, безо всякой восточной мудрости и тактичности, в ежовых рукавицах, да за глотку, ухватил командир.

— Ну так что, штурманец, по вине штурманской боевой части в прошлый раз мы сели верхом на кабель? Как это понимать? Ты же утверждал, что в этом месте нет кабеля?… Что у тебя сейчас на карте?…

Показываю четвертинку карты, но уже с красной зигазугой корректуры о подводном кабеле. Он идет по дну сначала вдоль одного берега бухты, потом пересекает ее поперек и утыкается куда-то в скалы.

— И когда он тут появился?…

— По извещениям мореплавателей, более года тому назад… Перелопатил все извещения, и обнаружил, что корректура карт не производилась…

— Ты флагманскому штурману что-нибудь об этом говорил?…

— Нет, тащ командир. Штурман приедет, пусть сам об этом докладывает. Корректуру я сделал по всем извещениям, до последнего…

— Это ты правильно поступил, как с флагштуром, так и с корректурой. Набирайся опыта, как надо и как не надо служить. Оторвать яйца нашему штурману — будет мало. Он у меня дождется…

— Командир! Всплывай!… — пробасил комбриг, вылезая из

рубочки акустиков. Даже жалко было, что беседа с командиром прервалась. Механик погнал воду из носовой дифферентной цистерны в кормовую, создавая дифферент лодки на корму. Он медленно пополз к отметке в три градуса на корму.

В это время в первом отсеке начали выбирать якорь-цепь и якорь. Лодка легко оторвалась от грунта и начала медленно всплывать. Скоро дифферент с трех градусов на корму резко «клюнул» на нос и замер у нулевой отметки, не меняясь. Это якорь оторвался от грунта.

Из первого отсека следуют спокойные доклады о количестве метров еще не выбранной якорной цепи и, наконец,

— На клюзе — ноль! Якорь — в клюзе!…

— Наложить стопора!…

— Есть наложить стопора!…

— Оба мотора — малый вперед!… — И тут же:

— Боцман, всплывай! — дирижирует процессом всплытия командир..

Лодка все быстрее рвется наверх. С подходом к глубине в 25 метров:

— Продуть среднюю! Стоп оба мотора! — и он начинает поднимать перископ. Несколько секунд, и лодка в позиционном положении. Командир тут же выскакивает на мостик. ВрИО-СИО штурмана, то бишь я, незамедлительно пользуюсь правом штурмана подняться на мостик следом за командиром.

Комбриг остается в радиорубке. Принимает доклады с мостика и начинает устанавливать связь по УКВ со своими «эсочками».

* * *

Отрабатывая моторами для удержания лодки в точке всплытия, наблюдаем за поверхностью бухты. Через несколько минут, как на фантастической картинке, водная гладь стала дырявиться пучеглазыми штырями перископов. Их промытые линзы испускали солнечные зайчики. День был тихим и солнечным, от того и перископы бликовали. Следом за перископами с шумным клекотом вылетали пузыри воздуха, и из гейзера пузырей, как рыбацкий поплавок после поклевки, высовывались рубки «эсочек».

— Вот где музыка подводного бытия, мичманец! Как думаешь, а?… — вдруг спрашивает командир.

— Так точно, тащ командир! Я в восторге! — отвечаю ему, и в самом деле очарованный этой картинкой.

— Да разве может быть служба лучше подводной?!.. — домысливаю свой восторг, но стесняюсь сказать это командиру.

— На подводном флоте стоит служить хотя бы для того, чтобы ощущать каждый момент всплытия. Он всегда нов и всегда непередаваем. Он как первый поцелуй!… — заявляет кавторанг, не первый год командующий «эской», татарин, восточный мудрец возраста Аллаха.

— Мы в своем штурманском классе поклялись друг другу, что если будем служить, то только на подводных лодках… — пораженный откровением командира, заявляю в свою очередь.

— Вот и правильно! Это настоящая работа настоящих мужчин. Желаю тебе успехов на этой службе. А теперь — хватит лирики, будем работать… — тут же посуровел командир.

«Эсочки», продувая концевые группы цистерн главного балласта воздухом низкого давления, побухивая и подымливая дизелями, устремились в одном направлении — к плавпричалам.

Наговорившись с командирами «эсок» и со штабом на УКВ, комбриг и сам поднялся на мостик. Мощная фигура комбрига источала уверенность, силу и добродушие, заполнив маленький мостик до отказа. Сигнальщик уселся на кормовой срез рубки, чтобы высвободить место на мостике.

— Будем подходить последними. Кажется, пока все идет нормально. Стоп! А у тебя что, вместо штурмана стажер? А где штурман?… — спросил комбриг у командира.

— Он в Ленинграде, тащ комбриг. На общефлотских соревнованиях. Через пару дней должен вернуться. Мы обходимся пока без него.

— Да? А я хотел его лично поблагодарить за инициативу с покраской якорного хозяйства. Дело не в покраске, а в проверке якорь-цепи. Это хорошее дело. Так что, выходит, это твоя инициатива, мичманок?

— Никак нет, тащ комбриг. Это мне старпом приказал…

— Ну да ладно. Все равно — хорошо. Как проходит стажировка — с пользой или как?

— Все великолепно, тащ комбриг…

— Насчет великолепия ты подзагнул. В море бы вас потаскать, да боюсь, что сейчас привяжемся не меньше, чем на месячишко. На береговых помойках не настажируешься. Но флот, к счастью, быстро растет. Находитесь в море досыта… — источает добродушие комбриг.

— Штурман! Дай-ка мне пеленг на осветительную мачту, слева по носу, градусов десять… — делает свое дело командир.

Обращение «штурман» обволакивает сердце легкой истомой. Не какой-то там мичманец, мичманок, а Штурман!

— Пеленг пять градусов!

— Боцман! На румб пять градусов!…

Через пятнадцать минут коснулись корпуса уже стоящей у причала «эсочки» и подали носовой конец. Нежно проползли вдоль борта первой лодки и замерли легким уступом относительно причала. Комбриг быстро сошел на причал. На мостик поднялся старпом.

— Так будем стоять, старпом!… — распорядился командир и тоже сошел на плавпричал.

Старпом занялся дальнейшей швартовкой лодки по-штормовому, а на корне плавпричала собрались командиры, что-то докладывая комбригу и получая от него указания.

* * *

Вечером состоялось подведение итогов работы инспекции. Проводилось оно в матросском клубе, с участием всех офицеров подводных лодок и курсантов-стажеров. Докладывали руководители направлений проверки и много чего наговорили и хорошего, и плохого. Все внимательно слушали, теряясь в догадках о конечном результате. Выводы сделал руководитель инспекции удивительно коротко и веско:

— И на Солнце есть пятна. Замечания до вас доведены. Они не криминальны, но вам есть еще над чем поработать. Я хочу поблагодарить комбрига и всех подводников за высокий профессионализм, за стойкость и любовь к службе и нашей Родине. За высокую боеготовность бригады. Оценка — хорошо. Спасибо вам за ратный труд. Поздравляю вас с наступающим праздником — Днем Победы….

Зал грохнул аплодисментами. Руководителем инспекции был заместитель командующего Северным флотом вице-адмирал Петелин Александр Иванович. Герой Советского Союза. Подводник высочайшего класса. Инспекция тут же выехала в Североморск на автобусе, а комбриг повел совещание дальше, но тоже был краток.

— Завтра предпраздничный день. Наведем порядок на наших «эсочках», на берегу и в казармах. В девятнадцать часов здесь, в клубе, вечер отдыха подводников и их семей. Девятого мая — празднование Дня Победы в режиме свадебной лошади. Результаты зимнего периода обучения и инспекции обнародуем в приказе, на торжественном собрании. Офицеры свободны!…

Робертино Лоретти

Вечер отдыха офицеров, сверхсрочников и их семей был удивительно доброжелательным и веселым. Звездой вечера стал… — Роберт С.…в. Робертино Лоретти бригады.

* * *

В пятидесятые годы прошлого, XX века, голос итальянского мальчонки — жаворонка преодолел железный занавес нашей страны и очаровал всех слушателей, от младенцев до старцев. Его песни были переведены на русский язык и исполнялись юными талантами во всех уголках необъятной страны. Очень популярны были: и Робертино, и его последователи.

Кличка штурмана, у которого я должен был стажироваться — Робертино Лоретти — основывалась не только на некотором сходстве имен, но и… популярности. Я его еще не видел, но о популярности уже был наслышан. Имя у него было Роберт, с ненашенским наполнением фамилии на букву «С». Сохраню ее в тайне, не ради него, а ради первоосновы его популярности.

Лейтенант Роберт С.…..в громко заявил о себе на весь гарнизон тем, что произвел на свет сразу двойню, двух девчушек. Во всех уголках бригады и всего небольшого гарнизона это событие было преподнесено им, как нечто необычное, самим Робертом выстраданное. Судьбой двойняшек очень скоро озаботил свой экипаж, соседний по этажу казармы, да и весь гарнизон с его медслужбой и женсоветом. Тем и стал популярен. Дальше — больше. Роберт обладал талантом энтузиаста-зачинателя. Где бы, что бы и кем бы не зачиналось, Роберт — тут как тут. И уже в передовиках. Вся система нашей жизни, с бесконечными зачинами-починами, была в расторопных руках Роберта, как игровое поле настольного футбола. По этой части его популярность была никак не меньше, чем у Робертино Лоретти. Отсюда и кличка. Не без сарказма.

Роберт был популяризатором починов-зачинов, но убежденным лодырем в исполнении своих непосредственных функциональных обязанностей. Свое кровное дело запускал до такой степени, что любой другой на его месте сгорел бы, как швед под Полтавой, или был бы обвешан фитилями, как еж иголками. Из-за популярности его даже за сомнительную профпригодность не наказывали, а отправляли куда угодно, даже

с повышением, но с глаз долой. Всевозможные неприятные последствия лодырничества он преодолевал с такой же легкостью, как водоплавающая птица сбрасывает со своего оперения воду. Непромокаемый и несгораемый Роберт С……в.

* * *

Так легла моя карта, что попал на предвыпускную стажировку именно к нему.

Старпом «эсочки» сразу озадачил:

— Пока штурмана нет, будешь у меня на подхвате…

Частенько корабельный (лодочный) старпом предстает в образе этакого волкодава или держиморды:

«…Капитан, обветренный, как скалы,

и старпом наш, серый, как утес…»

К этому старпому иронические ярлыки не клеились. Крепкий, даже кряжистый, мужик чисто славянской наружности. Немногословный. Если и матерился, то как-то интеллигентно, по-аптекарски дозируя количество крепких выражений. Обстоятельный аккуратист, в чем я сразу убедился.

— Подхватывать тебе есть что. В прошлом я был штурманом, и потому органически не переношу бардака в документации. Сам понимаешь, в море мне было не до нее. Как говорят, в ней и конь не валялся. Думаю, что и в штурманской документации дела обстоят не лучше. Грядущая инспекция много чего может в ней… не найти. Займись, пожалуйста, всем этим. И экстренно…

Задачи мне были поставлены. Цели ясны. Так и началась стажировка. Над старпомовской отчетной документацией корпел в казарме. Её «запущенность» — самооговор старпома. Что-то надо было сделать «в петухах», для ублажения взора ОУСовцев. К полному удовлетворению старпома все быстро намалевал и состыковал. А вот отчетная документация моего непосредственного наставника, штурмана, квинтэссенция труда судоводителя: точность плюс точность, аккуратность в квадрате, являла собой нечто совершенно противоположное. Не только «закавычила» этот принцип, но и обнесла его колючей проволокой.

* * *

Первое же посещение лодки скукожило мою рожу не только отсутствием штурманской рубки, как таковой, но и состоянием

штурманского хозяйства. Тем не менее, не рискнул до появления хозяина что-то изменять в несусветном бардаке. Штурманское место в центральном посту обозначалось маленьким прокладочным столиком, не больше вагонного. На нем можно было закрепить морскую навигационную карту, лишь сложив ее вчетверо. Над репитерами курса и скорости нависала машинка клапана вентиляции с поддоном. Какие-то шкафчики и сусеки, закрытые и опечатанные тесемочкой с пластилиновой плямбой, хранили секретную документацию штурмана. Парусиновые мешки-чемоданы с несекретными документами торчали в проемах шпаций. Если бы не мой собственный комплект прокладочного инструмента (параллельная линейка, транспортир, измеритель и логарифмическая линейка), приобретенный еще на первом курсе и таскаемый на все практики, то на выходе в точку рассредоточения мне было бы нечем работать. Не смог отыскать эти атрибуты штурманского труда даже с помощью боцмана и старшины команды штурманских электриков. Они предположили, что Роберт забирает их в казарму и там хранит.

После завершения операции «Якорь» все-таки влез в мешки-баулы с простой (несекретной) документацией. Одного взгляда на сборники «Извещений мореплавателям» было достаточно, чтобы уяснить — Робертино этой мурой не интересовался никогда. По крайней мере — последние два года. Даже ленивые штурмана, хотя бы для проверяющих, делают в них пометки — «Карты откорректированы, дата, подпись…», пусть даже ничего не делая на самих картах. Судя по всему, Робертино был убежденным бездельником, в духе всех глашатаев-зачинателей. Прокукарекал, а там хоть не рассветай. Он даже липовых пометок не делал. И не только по северному театру, но и по Ура-губе, по своей базе. О проложенном кабеле было «Извещение…» двухлетней давности. Сделай Роберт своевременную корректуру и доложи об этом флагштурману, в штабных документах не было бы ляпа с точкой рассредоточения в месте, где постановка на якорь категорически запрещена. Но не сделал. Удивительное дело, но со штурманскими обязанностями в море он справлялся без проколов все четыре года. Не потея от усердия. Может потому, что его рабочее место всегда было под оком командира и дланью старпома, в прошлом — отличного штурмана.

В чем он был совершенно незаменим, так это в качестве участника любых слетов, партконференций и спортивных соревнований. В состязаниях, кстати, он тоже не потел. Слыл отличным стрелком из пистолета.

* * *

Спорт на флоте — это: Равняйсь! Смирно! На соревнование — шагом марш!

Флагманский мускул (начальник физподготовки и спорта) распишет, кому и в чем соревноваться. Важен не результат, а участие. «Баранка» — грех великий! Плавсостав, что с него возьмешь!

Бригада «эсок», откувыркавшись в завесах, притулилась к родным причалам. Флагмускул — тут как тут:

— Роберт! Бригаде, эскадре, да что там, всему флоту грозит «баранка». Нет в сборной бойца с орлиным глазом и твердой рукой. Стрелка. Выручай!

— В чем вопрос?! Защищу честь бригады и флота! — успокоил его Робертино.

Прямо с корабля, мимоходом пересчитав семейство (жена + близняшки), он отправился на бал соревнований.

На завершающем этапе общефлотских соревнований, в Ленинграде, для его участников был дан концерт небольшой труппой ленинградских актеров. Не знаменитых, но молодых и талантливых «многостаночников» актерского труда — словесного, вокального и танцевального жанра, под собственный аккомпанемент. Не избалованные заслуженностью и большими заработками, они были весьма мобильны и неприхотливы.

Роберт, как всегда и на всех соревнованиях, высокими результатами не прославился. Заработав очередную грамотку «за участие», преуспел в другом. Уболтал труппку актеров проехаться по флотским гарнизонам с концертами. Восприняли они это предложение с энтузиазмом, и вместе с группой флотских «спортсменов» выехали на Северный флот. Безусловно, их первый концерт состоялся в Ура-губе. Веселили они подводный люд вместе с семьями до глубокой ночи, прерываясь только на короткие антракты для передыха и посещения специальной комнаты. В ней они оценяли флотское радушие и хлебосольство. Во время антрактов отдыхающий народ танцевал под духовой оркестр бригады.

Командиры были столь приветливы и щедры, что поручили своих жен заботам мичманов-стажеров. Галантность — не последний пунктик в культуре и профпригодности будущего флотского офицера. Мы очень старались не посрамить гардемаринскую честь. Но явно проигрывали в этом вопросе Роберту. Он был гвоздем вечера! Как Робертино Лоретти.

Жена комбрига даже слегка притомилась от его галантности. Вальсировал, стервец, весьма искусно и неутомимо.

Комбриг, как флагман и хозяин бала, демонстрировал щедрость и радушие, предпочитая обретаться в среде командиров и приезжих гостей.

— И всё-таки твой штурман — молодец! Хотя и спортсмен. Недаром я хотел его поощрить. Как думаешь, может, отправим его в этом году на классы? Капитан-лейтенант, как никак, не век же ему куковать в штурманах… — ошарашил он вопросом-предложением своего любимчика из командиров. Татарина.

Надо знать, что такое «классы», чтобы оценить царственную щедрость комбрига.

* * *

Высшие офицерские классы ВМФ, классическое учебное заведение! Не обремененное углубленным изучением идеологических и других прикладных наук, оно насыщало слушателя выжимками, сливками концентрированного опыта флотской профессии. Десять месяцев учебы, и перед военмором открываются дороги для успешной службы в качестве флагманского специалиста или командира корабля любого ранга.

Кроме открывающихся перспектив — это целый год(!!!) жизни в северной столице, среди всех благ цивилизации. Рабочий (учебный) день — с девяти(!!!) до семнадцати(!!!), при единственном(!!!) суточном дежурстве в месяц. Неслыханно! Для страждущих самосовершенствования — самоподготовка с семнадцати до девятнадцати, при полном обеспечении научными силами и средствами. На рекомендательной основе. Ее придерживаются те, кто мечтает о красных корочках, потирая синие носы. Основная масса слушателей строго следует завету: «В семнадцать ноль-ноль — море на замок!» Офицеры пользуются счастливой возможностью отдохнуть за все годы, проведенные во флотских тьму-тараканях. Да и с некоторым запасом на будущее.

Попасть на классы — голубая мечта состоявшегося флотского офицера. Он — основная тягловая сила флота. Крайне нужен на корабле. Гордится тем, что он такой «нужник», кряхтит, но пашет. Притомится и вякнет: «Хочу подучиться!» Ему отвечают: «Ты, безусловно, этого заслуживаешь. Но кто же будет пахать? Как-нибудь потом пошлем непременно…» Терпит, пашет дальше. А тут — дзинь! — прозвенел последний звонок. По возрасту. Стукнуло двадцать девять лет военмору. Чему, да и главное, зачем его учить? Ему одна дорога — в клячи, до полного износа.

Так что — направление на классы было чем-то на уровне высшей награды флотскому офицеру. Манна небесная!

* * *

От такого предложения командир опешил. Но лишь на мгновение. В нем сработал многовековой инстинкт своего народа — лучше посиживать в зависимых, но у Христа за пазухой, чем быть независимым на задворках.

— Ага, тащ комбриг! Совершенно с Вами согласен. Пусть съездит. Подучится. Хоть завтра… — быстро соглашается он. Может, слишком быстро. Как говорят, подозрительно быстро.

— Темнишь ты что-то, хитромудрый татарин. Изображаешь из себя сироту казанскую. Ну да ладно, мы это еще успеем обсудить… Потанцуйте хоть со своими женами. Курсанты, поди, притомились их тискать. Ха-ха…. — усмехнулся комбриг. Этот разговор слышал сам, так как привел жену командира, расшаркиваясь перед ней и им после вальса.

— Ты же знаешь, голубушка, что в танцах я не горазд. Может, еще потанцуешь с этим мичманцом?… — тут же предложил командир.

— С огромным удовольствием… — отвечает она. Пресимпатичнейшая дама лет около тридцати. Стройная смуглянка совсем не татарского обличья.

— Вот видишь, мичманец? Уважь и меня, доставь моей половинке огромное удовольствие, пока мы тут покалякаем… — подался он вместе с другими командирами за комбригом. В «совещательную» спецкомнату. Прекрасный был вечер отдыха.

В конце вечера пообщался и со старпомом. Он уже был в курсе разговора командира с комбригом о судьбе Роберта.

— На фоне сегодняшней, взметнувшейся вверх, популярности нашего Робертино, как пить дать, поедет он на классы. Ну и хрен с ним! Может, к нам придешь после выпуска? А что? Ты пришелся, как говорится, ко двору. Подмогнем запросом, в случае чего. Как ты на это смотришь?…

— Пока не знаю, тащ капитан 3 ранга. Наш руководитель договорился здесь с Петелиным о продолжении стажировки на крейсерских подлодках. Числа двадцатого он повезет нас в губу Ягельная….

— Ну, смотри. Но подумай над моим предложением. Примем с радостью….

Актеры, весьма тронутые радушным приемом, по инициативе Робертино, задержались с отъездом до пятнадцати часов 9 мая. После построения и парадирования, с одиннадцати до тринадцати часов, для матросов был дан не менее великолепный шефский концерт.

На исходе Полярного дня этого же года Роберт С…в отбыл на

командирские классы. Заслужил!

P. S. На флоте имеет хождение присказка: Не можешь работать — иди командовать. Обмишулился с командованием — иди учить. Если хреновый из тебя получается учитель — в самый раз определяться в инспектора.

Робертино умудрится стать командиром ракетного подводного крейсера стратегического назначения (рпк СН) с дивным названием «Ленинец». Что-то на нем «зачинял». Поскольку он не знал и не стремился узнать хоть что-то из области управления этим подводным крейсерюгой, то через пару лет он был назначен… Куда бы вы думали? Правильно. В училище. Обучать и ковать молодые кадры флота. В инспектора не пробился не по недостатку «талантов». Союз развалился. А вместе с ним и флот. Нечего стало инспектировать.

День подводника

Праздники бывают разные: государственные, церковные, семейные, личные… В стране утвержденного атеизма церковные праздники общими не признавались и были отнесены в разряд личных и… запретных. Запретный плод всегда сладок. Отмечались церковные праздники кулуарно, но добротно. И очень даже часто — с хреновыми последствиями. Атеизм, особенно у вояки, должен быть воинственным, а не ущербным. Понимать надо! Общегосударственные праздники для тех же вояк — это усиление боевой готовности. Как свадьба для лошади — весь в позументах, а задница в мыле. Еще точнее — на чужом пиру твое похмелье. Вояки обожают праздники личные. Оттягиваются на них по полной программе. Иногда до парткомиссии. Очень чтят праздники профессиональные. На уровне личных. Отмечают их ежемесячно. Как получка, так, скажем, и день Подводника. Майский «День Подводника» отметить широко и по широте (в градусах) — сам Бог велел! Уж очень замечательные события сконцентрировались в один букет: окончание зимнего периода Б и ПП (боевой и политической подготовки); инспекция — без дралова и порева; Полярный день, заглянувший в окна; канун летнего периода Б и ПП; и, наконец, сама получка. Согласно судовой роли, то бишь, по ранжиру, по весу и по жиру, зашхерились по закуткам казармы и стали «отмечать». Для затравки провели апробацию водчонки, коньяка-маньяка, под один и тот же, но вдохновенный тост штурмана «С-…»:

Не пьянства ради, а пользы для,
Не через день, а каждый день,
Не по чарочке, а по стопочке,
Во славу Божию… Аминь!

Интеллигентную «казенку» (водка, коньяк) полирнули живительной влагой. Шилом. Корабельным спиртом, разведенным по широте места употребления (69 град 15 мин). Сразу захорошело.

— Вот теперь можно шлепать к родному причалу! — дал отмашку на завершение праздника тот же штурман. Заматерелый каплей. «Вечный штурман», как он всем представлялся. А был он представителем мудрого племени, но вечно притесняемого. Отчаянный оптимист. Частенько заявлял:

— Штурман — это не только моя профессия, но и, можно сказать, фамилия. Менять их я не собираюсь…

В партию его вежливо не приглашали, а он в нее и не рвался. И на это у него было свое пояснение:

— Похмелье — само по себе не в радость, а если оно не стопкой локализуется, а парткомиссией, то это уже геноцид. Мне его и дома хватает…

Росточка он был, что ни на есть подводного. Без бицепсов в положенных местах, но с множеством извилин под черепной коробкой. Про таких говорят: ума — палата! Особые приметы: пилотка, венчающая лысоватый череп. Под ней — плутоватая рожица Вини-Пуха, вещающая мультфильмовским голосом Леонова. Ниже — флотская канадка (кожаная куртка), из которой торчат ноги в сапогах. В этой фигурке, как в «эсочке», всего было напихано на полную автономность: ума, юмора, стойкости и… непотопляемости. Где-то в нем располагались и цистерны главного балласта, обеспечивающие его запас плавучести. До состояния «кувалды» он себя не доводил, ограничиваясь «позиционным» положением. По праздникам. В промежутках — ежедневно остопаривался.

— Жизнь — это борьба! Борюсь за независимость от домашнего геноцида проверенным способом — стопарем. После него мне и сам черт не брат! И с Машкой легче разговаривать… — бормотал он, поощряя себя вечером стопкой шила. И шел домой.

Поскольку шильное довольствие «эсочки» было столь мизерным, что его хватало не более, чем на один «День Подводника», то приходилось подключать тактический резерв — заначку. Заначка — это эпохальное изобретение советского главы семьи, страждущего независимости и суверенитета. Семья, как основная ячейка советского общества, во все серые будни бытия выкраивала крохи от зарплаты и ныкала их на книжке Сбербанка или просто в банке, на кухне. Как стратегический резерв на черный день. Глава семьи, полководец, упреждая жену, отщипывал от получки свою толику тугриков, на свой тактический резерв. Прятал его от разведки супротивной стороны (жены) так, что порой и сам найти не мог. В зависимости от пристрастий «полководца», получка и заначка иногда выступали в одной весовой категории.

В сявзи с тем, что нашего героя всегда и во всех случаях величали Штурманом (с большой буквы), ему не просто внимали, но и выполняли его указивки неукоснительно и безоговорочно. А как же иначе? Сам командир выполняет его рекомендации, а уж внутрикорпусная шантрапа реагировала на них, как на приказ.

— Прежде чем шлепать по домам или по дамам, материальную часть привести в исходное состояние. Замести следы праздника и разложить по схронам документацию. Простую и секретную. Не перепутайте местами. Двигаемся домой

завесой, — порекомендовал Штурман, когда «полировочная» бутылка шила была опустошена и «продезинфицирована». В бутылку из-под «Советского Шампанского» или «Монастырской избы», познавших вкус шила, швыряется горящая спичка и … Пуфф!!! Нет и следов шила!

Из остатков закуси формируются поощрительные продпайки для собачьего «штаба». Будут сопровождать завесу до жилого городка. Рассована документация: простая (получка) и секретная (заначка). Никаких следов праздника.

— Материальная часть в исходном положении. Личный состав здоров и почти готов… — докладывает ответственный за праздник, минер или связист. Тайные вечери подводничков, атеистов и марксистов, опираются на трагический опыт Христа. Среди дюжины апостолов всегда найдется Иуда. Поэтому «празднуют» тройками. Все мужики и повсеместно. В кабаке, в буфете, на службе и работе. В подворотне, на скамейке и даже в чрезвычайке. Менталитет называется!

— От мест отойти! — разрешает Штурман.

Троица выходит из казармы под восторженный брёх Брига, Нюши, Флюгера, Пробы и Бирки.

Бриг, как опытный корсар, безошибочно определял наступление «Дня Подводника» и перемещал свою «эскадру» от камбуза на коммуникации троек.

«Завеса» во главе со «штабом» добрый час форсирует сугробы и лужи от казарменного городка до жилого. В городке «штаб», щедро одаренный продпайком, ретируется к казармам. Вдруг, да еще какая-нибудь «завесочка» вывалится. Корсарство эскадры Брига в одну праздничную ночь было не менее результативным, чем действия корсаров Екатерины Великой на коммуникациях турок в Средиземноморье.

P. S. Хорошо то, что хорошо кончается. Праздники всегда имели конечный результат. Случалось, завершались выводами парткомиссии. Чаще — междусобойчиком. На перекуре после «проворота» (осмотр, проверка и проворачивание технических средств). Травля — это обмен опытом. По-флотски.

Заначка

На ежевечерней планерке БП (боевой подготовки) у старпома очередность докладов незыблема. Начинает штурман (БЧ-1) и заканчивает механик (БЧ-5). «Бычки» (командиры боевых частей) складно врут о выполнении текущего плана и вбивают туфту на следующий день. Старпом верстает общекорабельный план и утверждает его у командира. План — закон и руководство к действию. В первозданном виде он действует до утра. В журнале суточных планов Б и ПП старпома. Но… жизнь вносит свои коррективы. С утра план может полететь к чертям собачьим. Но на два элемента суточного плана никто не посягает: подъем флага и «проворот». Древнейший флотский ритуал. Предваряется он построением, на котором старпом производит оценку наличных сил экипажа и его работоспособности. По виду, цвету и запаху. Особенно — после праздничных отдохновений. Не без помощи замполита выявляются кандидатуры для охвата заботами парткомиссии или междусобойчика. Далее — трогательная встреча командира. Его: «Здрасьте!» экипажу и «Здрам желам!» в ответ. Флаг до места и «Все вниз!»

Часик — осмотр, проверка оружия и технических средств. Проворачивание их вручную, в электрическую, гидравликой и воздухом. Музыка единения человеческих душ и железа! И первый перерыв. На перекур и проворот языков.

Недреманное око замполита узрело экипаж вполне работоспособным и не нуждающимся в партийном влиянии. Суровый взгляд старпома усёк непозволительное пренебрежение образцовым внешним видом со стороны штурмана. Ниже пилотки у него на полрожи чернели шарами громадные солнцезащитные очки. Запахло междусобойчиком.

— Штурман! Тебе не кажется, что пляжные очки при построении на подъем флага несколько неуместны? — возник старпом.

— Не кажется. Одел по великой нужде и рекомендации доктора. Глаза от солнца слезятся. Ослепнуть могу… — соврал штурман.

Доктор удивленно глянул на «потенциального слепца», но на вопросительный взгляд старпома подтвердил:

— Да. Это моя рекомендация. Пусть недельку походит в очках. Может, глаза и адаптируются к яркому солнцу. Нет, так придется завалить его в госпиталь…

— Ну уж хрен ему, а не госпиталь. Проморгается. Можешь, штурман, еще и противогаз надрючить.

Старпом отвязался, но жгучий интерес к тому, что скрывается под очками у штурмана, остался. И не столько к тому, что под очками, а к первопричине их появления.

— Штурман! Сними паранджу, я тебе свеженький НАВИМ (навигационное извещение мореплавателям) покажу… — подвалил к нему связист во время проворота.

— Всему свое время. Отвали… — буркнул штурман.

Дождались перекура. Очередная штурманская байка сгрудила в курилке и курящих, и некурящих, как только минер проговорил:

— Штурман! Не тяни резину. Сними очки. Мы тебе вытрем слезы, а ты рассказывай.

Под левым глазом штурмана фиолетово набухал и под переносицей переползал к правому здоровенный фингал.

— Где же это тебя угораздило отхватить такое украшение? Мы же, вроде, без замечаний пришлепали в городок… — участливо осведомился минер. Но не удержался, хохотнул вместе с остальными.

— Машка, стерва, сподобила! Моим же ботинком… — тяжко вздохнув, вещает штурман. Вернув на нос очки, без дополнительных просьб рассказывает он историю возникновения фингала. Откровенно, будто речь ведет не о себе.

— Когда подходил к дому, не очень удачно форсировал водную преграду. Мне бы, дураку, обойти стороной гигантскую и глубокую лужу, а я поперся пересекать ее вброд. Начерпал полные ботинки воды и сам вымазался по уши. Машка прямо на пороге ошарашила вопросом:

— Где это тебя черти носили?!!

— Да вот, уже в городке попались мне навстречу два амбала, один с меня, другой чуть поменьше. Дай, говорят, закурить! Знаю я эти «дай закурить!» Пришлось подкинуть им…

Машка, зараза, залилась смехом и спрашивает:

— Это ж какие такие амбалы, с тебя и поменьше? Ты, случаем, не первоклашек загулявших колошматил? Ври, да не завирайся. Зарплату получил?

— Да. Вот… — отдаю ей получку.

— Почему так мало?

— И этому радуйся… С меня сейчас удерживают из зарплаты за потерянный якорь. Слышала, мы его в апреле потеряли?… — навешиваю ей лапшу на уши. Очень удачно вспомнил о потере «яшки» нашими соседями, татарвой.

— А почему с тебя высчитывают?! — перешла Машка на прокурорский тон и руки в бока уперла.

— Потому! Потому что это мое заведование. И не с одного меня высчитывают. С командира и старпома тоже.

— Это другое дело! А то все с тебя, да с тебя… — подобрела Машка.

— Садись ужинать, амбал крученный. Дети уже спят.

— А за «День Подводника» что стопочку не предлагаешь? — обнаглел я маленько.

— Ты мало наподводничался?! Ешь и отправляйся спать, пока я тебя скалкой не остопарила…

Утром одеваюсь перед уходом на службу, а она, как всегда, торчит в прихожей. Обуваю ботинки. Чую, в одном что-то мешает ноге. Вытряхнул из него это «что-то», а там оказалась измочаленная вдрызг… заначка! Машка мгновенно это усекла.

— Так вот куда и за что у тебя высчитывают! Я тебе покажу утерянный якорь!

Схватила ботинок и хряснула меня по морде. Аж искры из глаз посыпались! И какой черт меня надоумил занычить тугрики в ботинок? Еле ноги унес… Бедный я, бедный Штурман! Из гетто лодки пришлепаешь домой, а там ждет тебя геноцид… — скорбно завершил он свой рассказ. Под хохот собратьев.

Морж

Ракетный подводный крейсер стоит на якоре. На рейде с поэтическим названием — Кильдин Могильный. Отрабатывает элементы «высокой морской культуры». Эта «культура» не рекомендует заниматься ловом рыбы с борта военного корабля. Но рыбки-то, свежей, страсть как хочется! Поэтому в день постановки на якорь старпом не стал записывать в журнал суточных планов отработку «морской культуры и т. д. и т.п.» Организовали лов рыбы на бригадном подряде. Неплохо получилось. За один день на дверные хромированные ручки натаскали столько трески, что ее трескали все дни стоянки. После рыбалки взялись за «морскую культуру». В ней есть препротивный пунктик — «Человек за бортом». Это маневр высокоэнергичного, быстрого спасения человека, упавшего за борт. Спасать надо — ну очень быстро, пока человек не успел окочуриться в холоднющей забортной воде. Надводники швыряют за борт ящик и начинают его быстренько «спасать». Вываливают за борт шлюпку с гребцами, корабль вертится вокруг оного ящика, до самого его излова. «Живого» или «мертвого». Состояние «спасаемого» определяет старпом по секундомеру. Уложились в несколько минут — спасли, нет — начинай все сначала. Есть определенный элемент веселья и в ритуальном деле.

Спасение человека, оказавшегося за бортом подводной лодки — занятие малоперспективное. Сам свалился — сам и вылезай. Нет на подводной лодке шлюпок с лихими гребцами! Есть спасательно-сигнальные шары, круги, жилеты. Если не экипировался достойным образом, перед тем как свалиться за борт, — плохи твои дела. Поэтому «высокая морская культура» для подводника предусматривает безукоризненное знание и выполнение инструкции И.Ильфа и Е.Петрова: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Спасение «утопленника» — ящика, если не привяжешь к нему сигнальный конец, желаемого результата не приносили. Не кидался он за спасательными кругами и шарами! Шпарил он от подводной лодки, по течению и ветру, в даль морскую.

Сниматься с якоря и гнаться за ним — хлопотно и долго. Так и записали бы норматив по спасению человека за бортом по принципу: палец-пол-потолок. Вдруг отыскался на экипаже «морж». Молодой лейтенант. Часа полтора он охмурял своим предложением старпома. Допек. Тот согласился. Обмотали «моржа», как куклу, всеми средствами спасения и позволили свалиться за борт.

Он, стервец, не позволил выдернуть себя на борт сразу, а обплыл носовую оконечность лодки и вылез по штормтрапу на левом борту, напротив входной двери рубки. Сам. Даже не пришлось тянуть его на сигнальных концах. Проплыл метров пятьдесят и потратил на это не больше трех минут. Норматив был «отработан» фактически и с большим перекрытием. Молва об этом докатилась до командирской каюты. Командир выскочил на носовую палубу.

— Это еще что за х … моржовый у нас отыскался! Старпом! Зайдите ко мне в каюту, — оценил он результаты учения «Человек за бортом». И запретил «совершенствование» этого элемента.

Запрет — запретом, но моржевание (моржизм) — это не героический порыв, а болезнь. Сдвиг по фазе.

* * *

Молодой лейтенант — «морж» заколебал своими просьбами «собачью» вахту — с 0400 до 0800 утра. Выползет, злодей, часов в 5 утра. Бултых в воду с правого борта и через пару минут вылезает на левом борту. По штормтрапу. Довольный. И красный, как ошпаренный кипятком рак! Он доволен. Но вот-вот об этом дознается командир. Не миновать вахте фитилей. На слабые возражения вахты «морж» реагировал неизменным:

— Не бзди бояться, мужики!

Не закладывать же его командиру. Но и надо бы как-то отвадить. Не ровен час, утопнет или командир дознается. Сообразили. Тщательно отследили, чтобы баллон гальюна третьего отсека (левый борт, в одной плоскости с входной рубочной дверью), не продувался. Дня два. Третью ночь встретили во всеоружии.

* * *

«Морж» высунулся из рубочного люка, как в полынье. Как и в предыдущие два дня — в 5 утра.

— Привет, мужики! На палубе никого? Так я пошел?…

— Давай…

Гикнув, сиганул с правого борта. Повизгивая и покрякивая, погреб вокруг носа подводной лодки. Чайки, как всегда, подняли возмущенно — удивленный гвалт. В пловце они заподозрили злостного конкурента на пищевые отходы. На мостике вахтенный

офицер скомандовал:

— Трюмный центрального поста! Приготовить баллон гальюна к продуванию!…

— Есть приготовить гальюн к продуванию!…

«Морж» огибает носовую оконечность подлодки. Радостно машет руками. Вахтенный офицер отвечает тем же, зорко наблюдая за ним и поддерживая связь с трюмным центрального поста:

— Трюмный! Гальюн — товсь!…

— Есть товсь!…

Пловец финиширует у штормтрапа под команду вахтенного офицера:

— Гальюн! Пли!!!

Подводники, от добротной и регулярной пищи, от малоподвижности, гальюнные свои мероприятия проводят в стенаниях и всхлипах, сопровождаемых философским умозаключением:

— Свежо питание, да серится с трудом!

И тем не менее, за двое суток четырехсотлитровый баллон гальюна заполняется под «завязку». Воздух высокого давления, поданный в баллон, выстреливает все его содержимое за борт. Мощный гейзер из воды и фекалий подхватил «моржа», приподнял его в воздух и вместе с ним рухнул в воду у борта. Чайки взмыли вверх и в страхе отлетели подальше от корабля. «Морж » вылез на палубу в жутком виде. Если бы не система смыва палубы и якорной цепи, подготовленная теми же вахтенным офицером и трюмным центрального поста, ему пришлось бы избавляться от «лапши» гальюна «вручную». Под струями помпы «моржизм» продолжался еще минут десять, пока не были смыты все последствия гейзера как с «моржа», так и с палубы. Устойчивая вонь еще долго витала над кораблем, отпугивая чаек. В вахтенном журнале центрального поста подводной лодки появилась запись: «Ревизионизм и моржизм — злостные враги марксизма-ленинизма! Они не пройдут! Вахтенный офицер, старший лейтенант второго срока носки — подпись».

Перистальтика

На заводские ходовые испытания подводного крейсера стремится попасть вся судоверфь. Как же, экзотика! Опять же, солидная надбавка к зарплате. Несмотря на безжалостную утруску сдаточной команды, полтысячи народа юркнут в прочный корпус. С той же настойчивостью, что и в отходящий автобус. Плюс полторы сотни экипажа. В прочном корпусе образуется муравейник. Но в природном муравейнике существует четкая организация: кому, когда и что делать. Лодочный чем-то напоминает Ноев ковчег. Только в отличие от него — в каждой паре по твари. Если члены экипажа на любой установленный сигнал, команду реагируют с быстротой и дисциплинированностью муравья, то сдаточная команда с точностью до наоборот. Дружное и экстренное проникновение в прочный корпус бывает у неё только у достроечной стенки, перед выходом. В море начинается «экзотика»: — отменный флотский харч четыре раза в сутки; — сон до тех пор, пока не поднимут пинком и;… длинные, долгие очереди в гальюн.

В промежутках, в три смены: отладка, наладка и предъявление систем заказчику. Не без этого. И все-таки, самый экзотический элемент ходовых испытаний — очередуха в подводный гальюн. Когда сдатчик насладится ею по самое горло, он ждет очередного всплытия, как манны небесной. Для таких вот случаев в ограждении рубки перед выходом сооружается надводный гальюн. Временный. На одну дучку. Перед всплытием подводного крейсера только нижний рубочный люк ограждает командира от бодливых голов страждущих немедленно выскочить наверх. Через десять минут после всплытия сдаточная команда рассредоточивается не только в ограждении рубки, но и в надстройке ракетной палубы. Горе тому подводному крейсеру, который по каким-то причинам больше не будет погружаться. Заявится к причалу зловонной лоханью. Как правило, за кратковременным всплытием следует очередное погружение. И как можно быстрее. Напряженный план испытаний того требует.

* * *

Сигнал и команда:

— По местам стоять! К погружению! — давно загнала экипаж в отсеки. Остается загнать вниз сдаточную команду. А вот тут-то и выявляются в каждой паре по твари, которая считает, что

вполне успеет вниз на полкорпуса впереди командира. Последним с мостика уходит командир. Он задраивает верхний рубочный люк. И загоняет лодку в глубину.

Всей сдаточной команде каждый раз, чуть ли не под роспись, доводился трагикомический случай. Один зазевавшийся посетитель надводного гальюна спас себя только тем, что не стал надевать штаны, когда лодка пошла в глубину. Наоборот, шустренько сбросил их и… надрючил на командирский перископ. И сам его облапил, как любимую девушку в вожделении. Командир не стал нырять вслепую, отдраил рубочный люк. Глядь — а на его родном и любимейшем, командирском (!) перископе насажена голая жопа! Как вы среагируете на такое явление?! Вот именно. Во избежание насадки голых задниц на командирский перископ, старпом перед погружением лично оббегает все закоулки надстроек и голосом бизона орет:

— Все вниз! Погружаемся!….

Старпом — это я. Все оббежал. Наорался досыта. Везде гулкая тишина. Вдруг, чу! Из выгородки надводного гальюна слышны постанывания полнейшего удовлетворения.

Заглянул через верх: — Точно! Знакомая вязаная шапочка! И два дня назад, и четыре, при подобных погружениях после всплытия, мне приходилось силком выцарапывать из выгородки эту «шапочку».

— Пп-па-жа-луй-ста! Мм-ми-ну-точ-ку! Я сей-час!… — сипел он, стеная в выгородке. Не иначе как «рожал» трехметрового удава возраста половой зрелости. Допек он меня!

Пулей поднимаюсь на мостик и шепчу командиру свой план. Он его одобряет, и мы начинаем действовать

— Товарищ командир! Ограждение рубки осмотрено. Людей нет. Можно погружаться. Прошу разрешения вниз?…

— Есть! Погружаемся…

Спускаюсь с мостика к рубочному люку, но не лезу в него, а под козырьком рубки возвращаюсь на мостик.

Проорав пару-тройку раз «Погружаемся!», командир хлопает над собой рубочным люком и из боевой рубки дает команду на заполнение концевых групп цистерн главного балласта. Вместе со свистом воздуха, вырвавшегося из клапанов вентиляции концевых групп, как джин из бутылки, из гальюнной выгородки вылетел «мечтатель» в вязаной шапочке, путаясь в приспущенных штанах. Он присел перед люком и завопил:

— Я здесь! Не погружайтесь!!… — пошлепав ладошками по нему, как заяц на барабане, он начал яростно и торопливо крутить барашек клапана вентиляции.

Этого и ждал командир, торчащий в шахте люка. Он отдраил

люк и выскочил наверх.

«Шапочка», судорожно натягивающая штаны, явилась пред рассерженными очами командира. Несколько мгновений, борясь с неудержимым хохотом, командир, как серый волк, разглядывал эту Красную Шапочку, а потом рявкнул:

— Вы откуда взялись! (В Бога, в мать, и в Карабаса-Барабаса). Вы что, не слышали команды — «Погружаемся?!» Старпом осип от крика. Я орал, как хрен недорезанный, а он здесь болтается? Где вы были, с какого х… сорвались?!…

— В туалете … ппр-о-стите в гальюне был. Пе-ри-сталь-ти-ка, пони-ма-ете-ли, меня подводит…

— Немедленно вниз!… — громыхает «железом» командир.

И весьма своевременно. На мостике, за герметичной стойкой пеленгатора, корчился от сдерживаемого хохота старпом.

Мы погрузились после того, как и командир перестал хохотать над «перистальтикой».

Пендя

На нашем подводном ракетоносце (три ракетно-ядерных дубины на борту), старпом был не просто значимой фигурой, а достопримечательной. Он не был держимордой, которого и собаки боятся. Не был матерщинником, как все нормальные моряки. Не был карьеристом. Не пил водку и даже шило. Не хватал с неба звезд. Не выклянчивал силуминовые звездочки себе на погоны. Сплошные «не», даже придраться не к чему. В-общем, был не от мира сего, моряцкого. А дальше — все, что у него было.

Был он большим собирателем анекдотов и афоризмов. Охотно доносил их до масс. Любой анкдот он перевирал до полной потери его ядрености, а на мате краснел пуще созревшей для первых свиданий девицы. Был рассеян — до неповторимости. Забывчив — пуще рассеянности. Аккуратист, но только в документах «Бермудского треугольника». Все корабельные мероприятия по дням и по часам должны фигурировать и совпадать безукоризненно в трех журналах: боевой подготовки, суточных планов корабля и боевых частей. В этом «треугольнике» страсть, как любят покопаться ОУСовцы (отдел устройства службы). Ревизоры и контролеры — почище финансовых. Подводником можешь ты не быть, а вот пред ОУСовцем предстать обязан! Что такое ОУС и из кого он состоит, тема особая, на целую книгу хватит. Речь о нашем старпоме. Он очень чтил ОУСовцев, поэтому вылизывал все углы «треугольника» до блеска надраенной медяшки.

По рассеянности мог где-то оставить корабельную печать. Не до полного ее исчезновения или использования кем-то в корыстных, или, Боже избавь, вражеских целях. На поиски печати он привлекал офицеров, свободных, по его разумению, от дум по укреплению боеготовности корабля. Неожиданно вспомнив, когда и для чего держал в руках металлический цилиндрик с гербовой печатью, дергал за рукав ближайшего к нему офицера и шептал на ухо:

— Слушай, я вспомнил, где она может быть. Вчера вечером, дома, что-то чинил в телевизоре. Подгибал какую-то загогулину. Пальцами было больно, так я печатью придавил и постучал. Сразу контакт стал лучше, и экран перестал снежить. Сбегай, пожалуйста, ко мне домой, загляни под заднюю крышку телевизора. Печать, наверняка, там. Я Люське (его жена) сейчас позвоню, а ты сбегай …

Его рассеянность усугублялась вечной озабоченностью о выполнении плана Б и ПП (боевой и политической подготовки).

Он пребывал в ней с раннего утра. Облачаясь в спецробу, непременно натягивал штаны задом наперед. Штаны были «унифицированного» покроя, то бишь никакого. Пояс на резинке, на коленях и на заднице — как заплаты упрочения. Надрючит этак штаны и спешит к строю экипажа, не замечая что нажопник впереди пузырится у него парусом чайного клипера. Продефилировав перед строем «под парусом», проверив наличие и отсутствие, встречал командира.

На командирское «Здрасте!» экипаж орал «Здрам желам!!!». После этого командир здоровался со старпомом за руку и деликатно шептал ему на ухо:

— Спустить паруса!

— Ох-х ты, мама моя родная! Опять надел штаны задом наперед… — тихонько сокрушался старпом и юркал за строй экипажа. Переодевал штаны, пока командир обходил строй и здоровался за руку со всеми офицерами. Вахтенный офицер, стоя на мостике, внимательно следил за деяниями старпома и за временем. Когда все «срасталось», орал:

— Тащ командир! Время вышло!…

— Флаг поднять! — приказывал командир. Когда флаг поднимали «до места», оживал от задумчивости старпом.

— Все вниз! — загонял он экипаж в лодку. Всё! День Б и ПП начался. Дирижирует «войнушкой» старпом.

* * *

Старпом никого и никак не наказывал своей дисциплинарной властью. Тихо и сокрушенно отчитывая подчиненного за прегрешения, обретал вид человека, страдающего от зубной боли. За бездонную доброту и порядочность офицеры прощали ему все, даже его любовь к двух-трехчасовым посиделкам на ежесуточных планерках Б и ПП. Они начинались в семнадцать и длились до… Здесь он демонстрировал неуемную страсть к афоризмам, позаимствованным из прочитанных книг, но исковерканным им до неузнаваемости, как и анекдоты. Если где-то офицеров драли за то, что они являлись на совещание без прошнурованных и учтенных (для служебного пользования — ДСП) книжек, то у нас их имел и таскал за собой каждый подводник. Чтобы записывать «перлы» старпома. Менялись ими и коллекционировали.

Дотошно опросив каждого «бычка» (командира боевой части), про «вып» и не «вып» в его хозяйстве и как это отражается на «треугольнике», подытоживал планерку своим любимым перлом:

— Ну что ж, я смотрю, что у нас кроме положительных

минусов в работе, есть и отрицательные плюсы!… — и выжидательно взглядывал на офицеров.

Они, скорописью, что-то строчили в своих книжках, глотая слюну, и сцепляя скулы судорогой, чтобы не заржать.

— И не надо петь себе референды!… — суровел старпом.

Пока не исчерпает весь запас афоризмов на свой лад, не замолкнет. Когда очень устанет рыться в недрах своей памяти в поисках образного выражения, вдруг спохватится, глянет на часы и молвит:

— Надо же! Уже вечерний чай пора пить, время 21 час. Я-то все равно не собирался домой идти, а вы-то чего здесь высиживаете?!…

— Офицеры свободны!

С приходом нового и языкатого минера «академика», у старпома появилась «кликуха» — Пендя, а его «перлы» стали именоваться «пендюринками».

Курва

Ракетный подводный крейсер, сами понимаете, стратегического назначения, стал в сухой док на планово-предупредительный ремонт и кое-какую модернизацию. Срок стоянки в доке не более 2-х недель, другие стоят в очереди. По первой сизигии (максимальная приливная волна) вошел, по второй надо выйти. Судоремонтники мигом превратили подлодку в преддверие ада.

В этом аду прекрасно себя чувствовал только трюмный центрального поста матрос Курвилов. В лодке муравейник, но гальюны и вся трюмная система на замке. Не подступись! Помыться и опростаться нельзя, и спать невозможно. А вот Курвилов мог. Он «нырял» в трюм и обняв свое любимое детище — ГОН (главный осушительный насос), спал от вызова до вызова. Производственные шумы действовали на него, как колыбельная песня.

Накануне первого воскресного дня стоянки, комдива (командир дивизиона живучести) осенила мысль привести аварийный инструмент в идеальное состояние

— Тридцать пятый!… — энергично проорал он по «Каштану» в трюм, намереваясь вызвать на связь командира боевого поста матроса Курвилова. Молчок.

— Тридцать пятый!!… — повторил он вызов. Уже нервно. Молчок.

— Тридцать пятый!!!… — истеричный вопль комдива имел тот же результат.

Выкрикивая всю ненормативную лексику, комдив посыпался горохом в трюм центрального поста. Там он нашел и разбудил Курвилова и…, как гласила объяснительная записка комдива, очень четко поставил ему задачу на воскресный день (на лодке затишье от судоремонтников) по части ремонта и обслуги аварийного инструмента. Что-то наточить (ножовки, топоры), что-то подкрасить аварийкой (доски, упоры и прочая)…

— Топор должен быть так отточен, чтобы одним ударом разрубал кабель. Ты понял меня, Курвилов?…

Заканчивая постановку задачи, комдив на какой-то деревяшке рубанул по огрызку силового кабеля.

— Понял, тащ комдив,… — заверил Курвилов.

Весь воскресный день он старательно точил топоры и испытывал их на разруб силового кабеля. Бухта кабеля, высунувшаяся откуда-то из-под пайол, показалась ему бесхозной. Искромсал он этот кабель на мелкие кусочки, как капусту. Весь

понедельник судоремонтники бились о переборки в истерике по поводу проложенного ими кабеля под новую радионавигационную аппаратуру и кем-то изрубленного на куски.

Особисты развернули активный поиск диверсионной группы оголтелого американского империализма. Комдив, не загружая внутрикорабельную связь своим заполошным матом, лично шмонал все трюма подводной лодки в поисках «диверсанта». По второму заходу в трюм центрального поста, матрос был обнаружен под пайолами трюма. Безмятежно спящим. От сознания хорошо сделанного дела.

— Курвилов, ты пробовал топоры на разруб кабеля?… — спросил комдив, за шкирку вытаскивая его на свет Божий.

— Так точно! — радостно осклабился тот.

— Курвилов! Ты курва! — оценил его труды комдив, горестно вздохнув. И пошел писать покаянную записку особистам.

Полярная звезда

Плавбаза подводных лодок «Полярная звезда» (ПБ плпл «ПЗ») свою юность отдала кайзеровским подводникам, молодость — фашистским. В «сорок пять — баба ягодка опять» досталась советским.

Истаскалась и одряхлела до такой степени, что кроме забот о себе самой подводникам и предложить ничего не могла. Допекла она всех своей старостью и неизлечимыми болячками.

Поступило распоряжение: «ПБ плпл «Полярная звезда» списать в п…у!» Списали. Сняли со всех видов довольствия. Отволокли на судоверфь для разделки на иголки и прочие полезные вещи. Стырили с нее все, что блестело или как-то могло сгодиться в хозяйстве. Экипаж расформировали, оставив на ПБ:

— одного офицера, не забывшего буквы и способного, по мере надобности, расписаться в получении приказания «срезать то-то и отдать тому-то»;

— десяток матросов с ВУСом (военно-учетная специальность) широкого профиля. Чтобы могли срезать, отдавать, грузить. Всё. Штатными на плавбазе оставались только прусаки-тараканы и крысы. В невообразимом количестве и невероятного размера. Казалось, что прусаки и крысы еще помнили подводников кайзера. И с того времени росли, росли, не старея. Вымахали до таких размеров, что уже никак не вписывались в термин «тварь Божья». Сатанинское отродье!

Стоит «ПЗ» у отстойного причала. Не тонет, потому как мелко, и швартовые концы не дают скопытиться на борт. Но раз в полсуток меняет крен (13-15 градусов) на один или другой борт. Перед изменением крена по всем подволокам слышится писк и топот крысиного поголовья. Перебегают с борта на борт, сволоты!

Наступило время, когда «ПЗ», как в предсмертных конвульсиях, стала валяться с борта на борт, когда ей заблагорассудится. Видимо, крысы окончательно превратили её в свой аттракцион — качели.

И тут-то вдруг вспомнили, что береговых казарм для экипажей строящихся подводных лодок нет. А построены они будут не раньше, чем состарятся эти самые лодки, еще строящиеся. На отстойный причал прибыло высокое начальство. Даже с причала было видно, что корпус у «ПЗ» из отличной крупповской стали. Еще послужит!!! И уехало, даже не поднявшись на борт.

— Зря торчали у трапа целый час, как дураки — с чистой шеей, — подумал офицер «ПЗ» и отпустил своих матросов-

многостаночников.

Нам беда — не беда, была бы краска! Весь флот держится на ней. И поэтому на плаву. Плавбазе приказали жить дальше и обеспечивать проживание экипажей. Без восстановления в правах на штаты и довольствие. Краску подводники добудут сами. И покрасят тоже сами. Всё.

«Бабка» уже здорова и мечтает снова, чтоб «…четверо налетчиков выхватнули честь…» На «ПЗ» стали жить от двух до четырех экипажей.

В кают-компании один матрос-вестовой обслуживал столы, а второй — непрерывно изгонял шваброй крыс, заявившихся на обед. Отбиваться от тараканов приходилось самим столующимся. Особенно досаждали прусаки-десантники. Только офицерик занесет ложку над тарелкой со флотскими щами, а тут — бац! В тарелку с подволока шлепнулся «десантник» величиной с лапоть. Щи — на скатерти и на штанах.

Кайзеровская старуха еще лет десять, переваливаясь с борта на борт, как цапля с ноги на ногу на болоте, стояла у отстойного причала. И дивилась стойкости и неприхотливости подводников. А что им нужно, кроме прочного корпуса?

— Жопа в масле, х… в тавоте,

Но зато — в подводном флоте!

Механизм физиологической разгрузки

Мифы, сказки, враки, анекдоты, одним словом — байки, помогают человеку скрашивать трудности быстротекущей жизни и выживать на грани возможного. Не каждую из них можно рассказать на дипломатическом приеме или при светской беседе в салоне среди чопорных мадмуазелей. Но если уж читатель добрался до этой странички, то и эта байка старых подводников может оказаться ему интересной.

— Одному корреспонденту очень захотелось написать правдивый очерк или повесть о подводниках. Долго добивался во всех инстанциях, чтобы ему разрешили сходить в поход. Добился. Загрузился в лодку и начал вникать в жизнь подводную. Через несколько дней вник настолько, что перестал дрожать, как осиновый лист. Стал есть и спать от пуза. Вахту стоять не надо. Захорошело ему от такой райской жизни. Снятся ему искусительницы, спасу нет. Начал он осторожненько выяснять, как же разрешается этот животрепещущий вопрос на лодке. У одного поинтересуется, у другого, как бы шутя, но дельного ответа не получает. Или хихикают над ним, или посылают по обыкновению нашенскому. Круглосуточная квадратность плоти допекла его в конец. Решил он поговорить на эту тему с главным боцманом. Напрямую. Очень был балагуристым боцман, веселил весь центральный пост, пока сидел на рулях.

— Слушай, Петя, объясни мне, пожалуйста, неужели вы месяцами терпите? — зашептал корреспондент боцману в каком-то закутке.

— Чего терпим? — не понял боцман.

— Ну, без этого, сам понимаешь. Без баб же жить нельзя…

— А-а, ты об этом. Зачем терпим? Баб нет, это точно. Заменитель есть, но сам понимаешь, и очередь на него — дай Боже. Могу договориться, если приперло, — боцман уже включился в стихию розыгрыша.

— Договорились. Мне для правдивости очерка это, ой как нужно.

— Завтра ночью я тебя позову, — пообещал боцман.

И позвал. И привел корреспондента в какой-то полутемный закуток девятого отсека. Жилого.

— Вот, пожалуйста. Можешь спустить пары. Я сейчас уйду, а ты спускай.

— Что это? — опешил корреспондент, глядя на переборку,

где был, с большим знанием и любовью изображен лобок со всеми прелестями и даже пушистым треугольником.

— Что это за пакость?! — запривередничал корреспондент.

— Это не пакость, а эрзац-п…а. Лучше, чем настоящая. И другой у нас нет. Не хочешь — как хочешь! Пошли отсюда. И помалкивай о том, что был здесь, — сердито отчитывает боцман корреспондента.

Уходят.

Еще пару дней корреспондент отъедался на тучных подводных хлебах, мучался с хотимчиком. Петьку, главного боцмана, да еще рулевого, он считал очень значимой фигурой на корабле. Фигурой, если не первой, то и не второй. А как же? Главный, да еще рулевой! Что-то сродни: партия — наш рулевой. Маялся, маялся и решился.

— Петр, понимаешь, законы жанра… опять же соцреализм, — замямлил он в ухо боцману.

— Понимаю. Законы жанра. Воплощение в образ и т. д. Созрел? Сегодня, где-нибудь после двадцати трех часов, я тебе организую вхождение в образ. Так уж и быть, — мгновенно врубился боцман.

— Будь готов явиться по моему вызову срочно. Чтобы я тебя не искал, — добавил он.

— Всегда готов! — по-пионерски отвечает корреспондент.

— На флоте отвечают «Есть!». Пора бы уже и привыкнуть, — бурчит боцман.

— Есть! — исправляется корреспондент и даже вытягивается в струнку и шлепает пятками тапочек.

— То-то же! Вольно! — добреет боцман.

Не писалось корреспонденту в этот день. Томленья жар гонял его по всей лодке, из отсека в отсек. Как шизик, расхохотался в голос над собственной мыслью о цветах и бутылке хорошего вина, когда вкушал вечерний чай в кают-компании.

— Все мужики! У журналюги крыша поехала, — сделал вывод вестовой, когда корреспондент вышел из кают-компании.

«Цветы может быть и смешно, а подмыться не помешает», — осенила мысль корреспондента, и он кинулся на ее осуществление по проторенной дорожке.

Благоприобретенный дружбан, Мишка — спецтрюмный реакторного отсека, всегда шел навстречу (за пачку сигарет — не без этого), и организовывал ему душик.

Чистенький и благоухающий, как жених перед венчанием в церкви, в двадцать три часа корреспондент уже ошивался в центральном посту, якобы собирая материал. Главного боцмана он не узрел, на рулях сидел матрос-боцманенок. Он-то и поманил

пальчиком корреспондента.

— Главный боцман ждет Вас в условленном месте, — заговорчески прошептал ему на ухо боцманенок.

— Есть! Ага! Хорошо. Я понял, — стушевалась творческая личность, но бодро ринулась к люку… во второй отсек.

— Не туда! Вам в корму, — поправил его боцманенок.

Корреспондент крутанулся на обратный курс, и мигом исчез за люком в четвертый отсек. В девятом отсеке главного боцмана ему искать не пришлось. Он его ждал на проходной палубе у люка.

— Корреспондент Белов прибыл по Вашему приказанию, товарищ главный боцман! — то ли в шутку, то ли от непонятного волнения брякает он.

— Есть! Сверяем часы: сейчас двадцать три часа двадцать минут. На все про все Вам отводится тридцать минут. В двадцать четыре или в ноль часов, встречаемся в центральном, — без тени иронии напутствует Белова главный боцман-рулевой.

— Да, да! Конечно. Я понимаю, — возбужденно бормочет Белов.

— Не заблудишься? Или тебя проводить?

— Нет, нет. Я сам.

— До встречи в центральном.

И боцман исчезает в люке восьмого отсека.

Белов шмыгает в затененный закуток. Он не знает, что это закуток отдыха боцманят в походе.

В центральном посту Белов объявился, когда вахтенный инженер-механик подал команду в отсеки:

— Первой боевой смене заступить!

Главный боцман умащивался на стульчик-раскладушку перед манипуляторами гидроприводов горизонтальных и вертикального руля. С постов производились доклады о заступлении на вахту. Доложил о заступлении и главный боцман:

— На тридцать первом боевом посту первая боевая смена на вахту заступила. Курс — 180˚, глубина погружения — 180 метров, крен — 0˚, дифферент — 0,5˚ на нос, ход двенадцать узлов, лодка слушается рулей хорошо. Вахтенный поста мичман Квакин.

Белов совсем было уже собрался подвалить к боцману, но тут вахтенный механик стал принимать доклады из отсеков. Решил подождать окончания докладов.

Первый доклад из первого отсека.

— Есть первый! — механик щелкает тумблером «Каштана».

— Есть второй!

Далее порядок докладов меняется, и начинают докладывать кормовые отсеки:

— Есть десятый!

— В девятом отсеке первая боевая смена на вахту заступила. В работе… (перечисление работающих механизмов). Есть замечание. Не работает механизм физиологической разгрузки экипажа. На вахте отсутствует вахтенный Белов, — докладывает девятый отсек.

— Есть девятый! Сейчас разыщем Белова. О его прибытии в отсек и заступлении на вахту доложить в центральный, — механик щелкает следующим тумблером.

— Есть восьмой!

……..

— Есть четвертый! — механик закончил прием докладов и вперивает суровый взгляд на Белова.

Тот, в позе испуганного тушканчика, таращит непонимающие глаза.

— В чем дело, товарищ Белов? Почему вы здесь, а не на вахте в девятом?! — механик — сама суровость.

— Какой бардак! — подливает масло в огонь вахтенный офицер.

— Ды-ы-к, тащ… я вроде бы не расписан на вахты, — начинает лепетать Белов, но его прерывает боцман.

— Это не его вина, а моя. Не во всем проинструктировал Белова. Я ему сейчас объясню. Подойдите ко мне.

Белов подходит к боцману.

— Тебе как, понравилась наша эрзац… в общем, механизм физиологической разгрузки? Да? Вот видишь, а ты мне в первый раз не поверил. Ну, а как ты думаешь, чем достигается реальный, правдивый эффект механизма? Не знаешь? Вот теперь будешь знать. На одной вахте сходишь в закуток, спустишь пары, так сказать, физиологически разгрузишься. А на другой вахте, будь любезен, помоги и товарищу разгрузиться, — поясняет боцман по секрету всему свету.

— Как это?

— А так! Любишь кататься — люби и саночки возить. Место вахтенного на механизме физиологической разгрузки — девятый отсек, но с другой стороны тонюсенькой переборочки известного тебе закуточка. Форма одежды — без штанов, и уперев зад в обозначенный на переборке ложемент. Понял? Я заметил, что ты явился в девятый подмытым. Так что можешь отправляться на вахту, не мешкая, — суровеет боцман.

Вахта отсека молча и насупленно разглядывает корреспондента.

— Так надо же было… — пытается возникнуть Белов.

— Надо или не надо, но уже было. У нас по этой части

порядок суровый. Сам погибай, а товарищей выручай. Так что, дуй на вахту, — главный рулевой уже в открытую демонстрировал неумолимость и суровость.

Демократический централизм в эпоху соцреализма.

«Вот тебе и правдивость! Что же я об этом напишу?» — уныло подумал Белов, но покорно пошлепал к кормовой переборке отсека.

Когда кремальера люка пошла вверх, гомерический хохот прокатился по центральному. Оседлав комингс люка, Белов окинул непонимающим взглядом хохочущий отсек и продолжил свой путь.

Дядька

Все. Наш рпк СН свое отходил. Почему? Хотели бы и мы об этом знать. Для шестнадцатилетнего возраста вроде бы рановато отправляться на резку. Так решили на «верху». На Большом Козловском, в Главном Штабе ВМФ. А может, и еще выше. Им виднее. И прислали соответствующую директиву: «… оружие выгрузить. Переход на судоверфь совершить в надводном положении, в строго оговоренные сроки … и т.д.» Это чтобы американские фотоспутники засняли «на память» этот самый рпк СН, идущий превращаться в иголки. Нам сейчас не нужны рпк СНы. Нам сейчас нужны иголки. Очень много иголок. Чтобы чинить штаны на драной ррреволюционной жопе. Очень мудрое и дальновидное решение.

Быстренько выгрузили оружие. Быстренько сняли все возможное и невозможное. Стырили даже необходимое для обеспечения безопасности перехода. Еще быстрее перешерстили экипаж по-принципу: на тебе, Боже, что нам не гоже! Еще раз перешерстили и … урезали. Хватит и двух смен на переход. Сменили командира. Пусть туда идет тот, кто давно устарел и мышей не ловит, или тот, кто случайно оказался в командирском кресле. Как говорится, от греха подальше. В общем, очень быстренько из могучего ракетоносца сделали, ну очень опасную лохань. Доложили о готовности к переходу. Получили закодированный приказ, некогда любимый неким российским императором: К.Е.М. (к такой-то матери).

Такой короткой резолюцией император ссылал проштрафившихся подданных в северную глухомань где, впоследствии, образовался городишко Кемь. В Кольском заливе радостно отрапортовали на Большой Козловский:

— Есть!

И отпихнули бывший рпк СН, а теперь лохань, от причала. Не забыв посадить на него «дядьку» — замкомдива. Уж так повелось на флоте, что на борту, как правило, всегда есть «дядька» — замкомдив или кто еще, с функциями дядьки-наставника. Чтобы он так думал. Но главное, с функцией «козла отпущения». Это само собой подразумевалось. Для спокойствия других козлов. Больших. Мало ли что произойдет с этой лоханью на переходе. Чтоб было с кого спросить. В экипаже-то публика — палец в рот не клади! Спрашивать с них, чтобы то ни было, давно было бесполезно.

* * *

Чапает себе эта лохань прибрежным фарватером, демонстрируя любопытным американским фотоспутникам классические обводы рпк СН.

Июльская теплынь греет резину корпуса и расплавляет мозги корабельной публике. У «козла отпущения», в дальнейшем, для краткости, будем звать его, все-таки, дядькой — на душе сумрачно. Куда ни сунется внимательным взором, всюду «вахтовики» заняты одним: смакованием скорых посещений в городе-судоверфи самого злачного места «РБНа» (ресторан «Белые ночи», официально). Но эта аббревиатура — РБН, давно и на полном основании имела в виду: развод бл…й на ночь.

Поднялся дядька на мостик, а на нём командир и вахтенный офицер, припечатав свои зады к теплой крыше рубки, разглядывают горизонт из-под боевых швартовых рукавиц. Толпы свободного от вахты подводного люда нещадно чадят сигаретами так, что за рпк СНом тянется дымный след, как за пароходом времен Крымской войны. Одурев от дымного чада на «свежем» воздухе, дядька решил пройтись «по низам» и глянуть недремлющим оком на то, что делается в отсеках. Шла зарядка аккумуляторной батареи (АБ). Дядька до атомных лодок успел источить зубы в командирах дизельной подводной лодки. Он-то знал, что зарядка АБ не терпит разрядки в умах. Как чувствовал, что этот рпк СН, став лоханью, обидится и покажет свой норов.

* * *

Только он влез в люк второго отсека, как там рвануло. Палубный настил вспучило, да так, что дядька чуть не влип в подволок. Но удержался, не потерял сознания и духа своего подводницкого.

— Аварийная тревога! Пожар в АБ второго отсека! Всем, кто есть в отсеке! Командую я! Включиться в ИП-46!… — прокричал он и тут же задраил кремальеру люка второго отсека. Зафиксировал ее болтом.

Пробежал к люку в первый отсек и его кремальеру законопатил на болт. Полностью изолировал аварийный отсек от смежных. Выполнил заповедь — сам погибай, но корабль спасай! Два матроса, оказавшиеся на посту электрика и профукавшие нормальную вентиляцию АБ, репетовали его команды в центральный пост и теперь уже действовали по его командам и как того требовала обстановка. Последствия взрыва водородной

смеси в яме АБ были быстро локализованы и не привели к гигантскому пожару только благодаря слаженным и грамотным действиям трех подводников. Их действия были бы еще более стремительными и эффективными, если бы … не политическое обеспечение этого процесса, четвертым подводником. Дорогим замулей. Замполитом-политруком, но, по-прежнему, комиссаром.

Сквозь команды дядьки и доклады матросов в отсек ворвался вопль бизона, насилуемого львом, царем зверей.

Замуля, плотно отобедав, решил утвердиться в верности ленинского курса, для чего упер свои рога в подушку диванчика. В каюте. Утверждался он весь адмиральский час, а потом позволил себе замахнуться на «сквознячок». Привиделся ему Ильич, ну точь в точь такой, каким он был изображен на скале в базе, по дороге на береговой камбуз. Вождь, будто живой, добренько улыбнулся и прокартавил, вскинув ручку: Вегной дагогой, идете, товагищи!»

И тут вдруг бухнуло. Как из салютной пушки. Мало того, сбросило замулю с уютного диванчика прямо на вспученную палубу каюты. Он кинулся было из каюты на свой руководящий пост, но не тут-то было. Дверь каюты заклинило в положении: щель в пол-лица. А в эту щель вползает белесый и смрадный дым. Вот тут-то он и завопил:

— Откройте меня! Немедленно откройте!! Меня заклинило!!! …

Дядька подскочил к замовской щели и рявкнул, сдернув маску противогаза:

— Не орите! Включитесь в ИП-46 и сидите в каюте. Локализуем пожар, потом вызволим…

И отскочил к матросам, помогать им не только словом, но и делом.

Вновь послышались бизоньи вопли:

— Дайте мне противогаз! У моего маска оторвана!!!…

Швырнули ему в щель другой ИП-46.

Вновь вопли о неисправности противогаза.

Дядька сообразил, в чем тут дело.

— Накрути шланг на патрон! Сделай выдох, одень маску. Нажми на пускатель. Сделай глубокий вдох и дыши дальше. Понял меня?…

— Понял…

— Действуй…

Не прошло и минуты, как вопль достиг такой тональности, что не оставалось сомнений: — лев не только насиловал бизона, но и отрывал ему яйца.

— Какого х… ты орешь?! Тебе что, яйца дверью защемило?…

— лишился корректности дядька.

— Я вдохнул, а оттуда пошел очень горячий воздух. Наверное, патрон вспыхнул. Дайте мне другой противогаз!…

— Фу ты ешь твою мать! Это же включился патрон. Значит, все нормально… У тебя в каюте уже два противогаза. Тебе хватит. Еще раз заорешь — убью!…

* * *

Через полчаса начали вентилирование отсека в атмосферу. Через два часа принялись ликвидировать последствия взрыва. Долго искали замулю. Горячий воздух ИП-46 подействовал на него столь размягчающе, что замуля удивился своим переполненным штанам. Хотя до этого страдал хроническими запорами. Жертв и раненных не было. До прихода на судоверфь дядьку и двух электриков корабельной врач потчевал оксигенобаротерапией. Условно. Но, слава Богу, все обошлось. Бывший рпк СН пришел на судоверфь. Через несколько дней дотошные американские фотоспутники с удовлетворением отметили, что очередной советский рпк СН экстренно превращен в лохань. Дурни! Лоханью он стал задолго до прихода на судоверфь.

P. S. Дядьке пофартило, и он не стал «козлом отпущения». Через несколько лет возглавит группу испытателей глубоководных аппаратов. Испытывать будет и сам, оператором. Будет удостоен золотой звезды Героя Советского Союза. Пожалован званием контр-адмирала. Преприятнейшее исключение. Но, ей-ей, он это заслужил. И шел к этому от торпедных аппаратов первого отсека дизелюхи. Мой славный товарищ и друг Валентин Васильевич Холод — белорусский мужик, с острым и пронзительным взглядом. Типично подводного роста, но с громадным опытом подводной службы и бульдожьей хваткой морского волка. Надо было бы использовать его знания на Большом Козловском. Но не нашлось там места для него. Он уже давно в отставке. Из дядек-наставников очень много «наклепали» козлов отпущения и выбросили их на свободный выпас по всему СНГшному миру.

В отставке, правда, и бывший замуля рпк СН-лохани. Но после «мужественного», сверхполитического руководства борьбой с аварийной ситуацией, он очень быстро поскакал по ступеням лестницы, ведущей вверх, к заветным вершинам: начпо, чвс маленький, ЧВС большой… И на Большом Козловском нашлось ему место. Как же, бо-ль-шой ко-зел, на загляденье! Среди

потомственных Больших козлов он не выглядел белой вороной.

ЗКШ

ЗКШ — записная книжка штурмана, рабочий документ, обязанный нести в себе записи наблюдений с правдивостью и точностью на уровне фотографическом. Великолепный продукт гидрографической службы ВМФ СССР, весьма ценимый не только штурманами, но и другими корабельными офицерами. Было время, когда штурмана получали их в гидрографии в любом количестве, потом, несколько позже, в количестве, равном «обходительности» штурмана. Флот рос, как на дрожжах, а снабжение скукоживалось до… кукиша.

Офицер, явившийся на какое угодно совещание без «прошнурованной», пронумерованной и скрепленной печатью «для служебного пользования» записной книжки, обрекал себя на заклание. По закону подлости, офицер без записной книжки выявлялся большим начальником так же мгновенно, как и вонючие, нестиранные носки, спрятанные матросом под подушкой.

Вволю поперчив и сдобрив свое приказующее выступление оголтелой матерщиной (записать ничего невозможно, сплошь непечатная «та-а ссазать» брань), иссякнув в словоблудии, начальник вперивает орлиный взгляд на подчиненных, и…

— Лейтенант! Вы что раззявили коробочку? …(изощренно непечатный оборот) … Для кого и для чего я тут целый час долдоню … Вы что сюда пришли? Соловья слушать, разинув рот?!…

— Вы почему не записываете мои указания, …? Да у вас, я смотрю, и записной книжки — то нет! Как так, мать перетак и через колено …! Что молчите, как будто х… проглотили?!!

— Дык, тащ … — пытается что-то пролепетать нерадивый слушатель.

— Мо-л-чать! Еще раз явитесь на совещание без записной книжки, … будете у меня изучать …Уставы … Наизусть …Нет! Не у меня! В камере! Гау-пт-вахты! Под руководством коменданта! Он вас научит Родину любить!…

Всякий уважающий себя офицер, безусловно, горячо любящий Родину, немедленно обзаводился записной книжкой и демонстрировал эту любовь тщательным конспектированием нужного, не очень, и совсем, казалось бы, не нужного, но изрыгаемого словоохотливым начальником. Так было спокойнее. Опять же, обсуждение записанного на досуге, среди приятелей, могло доставить и удовлетворение. Все корабельные офицеры по части записных книжек паслись у штурманов. ЗКШ — по всем

статьям подходила для этих целей.

А еще эти ЗКШ были хороши тем, что они не подвергались проверкам вышестоящих начальников, оттого в них было много правды и … нашей дури. Беспросветной! Что было, то было. Хотел сказать, что и ничего здесь не попишешь, но передумал. А может это надо воспроизвести?

Может высветить «грабли» на которые мы наступали? А? Глядишь и польза будет.

* * *

Мысль о ЗКШ (их у меня много) пришла после общения с застенчивой и симпатичной девушкой Наташей, рискнувшей сверстать мою книжку. Оборзев от легких похвал первопечатницы Любови Леонидовны, рекомендаций литкорректора Валентины Федоровны, расправил сухенькие плечи и … возомнил себя способным к писательскому труду. А что? Чем черт не шутит, когда Бог спит? Вдруг да смогу выдать «на гора» что-то, достойное пытливого читателя? Не все же упиваются спермо-кровавой начинкой детективов. Толстенькие романы времен социалистического реализма, с высосанными из пальца героями и коллизиями, пылятся на полках. А ведь был реализм. Без всяких там «соц». Хотя бы в ЗКШ.

Наташа, сверстав мою книжку, тоже похвалила, но сделала подсказку, чисто профессиональную:

— Не плохо было бы кое-что добавить, исходя из формата издания… Так будет экономичнее… Вы подумаете об этом?…

Подумал. И решил кое-что добавить из ЗКШ. Так будет реалистичнее и экономичнее. И … попробую издать. А что? Сейчас не надо оббивать пороги Союзов писателей, рецензентов и цензоров. Выбирай издательство, которое тебе по карману и … вперед. Хоть пиши и издавай свой «Майн кампф». Вся загвоздка в финансах. Они у меня, как и в далеком детстве, и во всем нашем роду, как всегда, поют романсы. Но… Общаясь со своими помощниками на ниве моих литературных поползновений и, зарядившись от них оптимизмом, параллельно, сражался за свою достойную (положенную мне ветерану-подводнику) пенсию. Самый демократичный суд в мире, даже в период президентства Кучмы, в самой незалежной Украине, своим решением установил, что пенсионный фонд МО Украины самым беззастенчивым образом, целое десятилетие, обдирал меня как липку, чисто по-большевистски не перечисляя мне той сумы, которая регламентировалась Указами Президента и законами Верховной

Рады Украины.

Караул! Грабят! … возопил я. Суд это подтвердил. Да, грабят. И постановил: Прекратить грабеж! Выплатить компенсацию! Хотя бы за год! И никаких гвоздей! Я возликовал! Компенсации мне хватит на издание хотя бы одной, первой книжки. А там, … глядишь издатели и сами выстроятся в очередь за право издания моих книжек. Расхорохорился, распетушился, ну прям, как в социалистическом реализме. Накропал уже четыре книжки. Над тремя бьется Валентина Федоровна, ругая меня матом (с кем поведешься, от того и наберешься) за мой мат и знаки препинания. Наташа сверстала и вторую книжку, а тут … Оранжевая революция!

Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться!… До боли, до сердечных колик и рвоты — все знакомо. Родина в опасности! Родина в нищете и нужде по вине: целый список. Надо потерпеть. Надо потуже подтянуть пояса и… т.д. и т.п.

Кукиш с маком народу от радетелей за народное благо.

Если выйдет хоть одна моя книжка, — это будет зримая победа не только моя, но и победа реализма над соцреализмом. Дай-то, Бог! Возрадуйся читатель, вместе со мной, если увидишь эту книжку.

Встреча

Несколько дней флотилия стояла на ушах в ожидании посещения Министром Обороны и Главкомом ВМФ. На всем пути высоких гостей, от Москвы до Мурманска, лютовала зима. И на земле, и в воздухе. Который уж день пуржило. Прилет задерживался. Флотилия уже конвульсировала от страха и усердия. И наконец-то, вот оно, оповещение:

— Едут!

Комендант перекрыл все подступы к гарнизону. Дисциплинированное и обученное население закрытого гарнизона затаилось в домах, за зашторенными окнами. Лишь бакланы, не реагируя на указания коменданта, учиняют свару на гарнизонной помойке. Поступило уточнение: не едут, а летят на вертолете. Кавалькада «Волг» с командованием гарнизона ринулась к вертолетной площадке, на сопку к въездному КПП гарнизона. За сим последовало новое уточнение: не едут, не летят, а идут! На катере.

Кавалькада машин с великим трудом оповещенная через службу КПП, опережая собственный визг, покатилась в зону, к «парадному» причалу. В белом мареве тумана (парение залива) послышался сдвоенный рокот двигателей катера, подходящего к причалу и вертолета, где-то, выше туманного покрывала.

На причале — прострация! Ступор! Ибо с катера сходят «сопровождающие их лица» минус: Министр Обороны, Главком ВМФ, Комфлота и несколько других генерал-адмиралов, которые в это же время десантировались на безлюдную вертолетную площадку.

МО и Главком ВМФ «захватывают» самосвал, подъехавший к КПП с гарнизонной помойки. Кряхтя и матерясь, два маршала угнездились в кабину самосвала.

— Вези нас на причал, сынок!… — проявил инициативу Главком ВМФ.

Водитель, стройбатовский боец, в полуобморочном состоянии, памятуя о том, что его «помойке» можно двигаться только по объездной дороге, через сопки, покатил маршалов по колдобинам.

Ошалевшая от промашки кавалькада машин вновь помчалась к вертолетной площадке. По дороге к ней наткнулась на Комфлота, возглавившего пеший переход сановитой группы генерал-адмиралов.

— Где Министр и Главком?! … — прорычал Комфлота.

— Та-щ Командующий! Где …?… — поперхнулся

аналогичным вопросом командующий флотилией, тушканчиком выпрыгнувший из «Волги».

— Ну вы, б…дь, даете! Министр и Главком на каком-то сраном самосвале поехали в зону…

— Мы только что из зоны, нам … ох, ё… твою мать! Они же, наверное, поехали через стройбатовский шанхай!… — ошеломился догадкой, начальник гарнизона. Он же командующий флотилией.

— Ну это вообще п…ц!… — такая оценка обстановки, повисла в воздухе. Поглотив в себя пеший отряд генерал-адмиралов, кавалькада «Волг» и УАЗиков по сугробисто-колдоёбистой дороге помчалась вдогонку за самосвалом. Догнала. Но поздно.

Министра Обороны и Главкома ВМФ уже встретил… «сын степей, калмык», вахтенный КПП на въезде в зону.

Проинструктированный до слез, он железно усвоил только одно: до особого распоряжения в зону не пускать ни-ко-го! А тут вдруг подъезжает задрипанный самосвал, истошно ревет клаксоном, а из кабины, непонятно гримасничая, пялится грязная рожа стройбатовца.

— Зачем гудишь? Нэ пущу! Давай назад, анан сагы (к такой-то матери)… Пришлось Министру и Главкому спешиться и предстать перед калмыцкими очами в пешем строю. Слегка просветлев лицом, калмык подобрел и заявил:

— Тэбэ пущу!… — показал рукой на Главкома.

— А твоя — нет !… — тот же жест в сторону Министра Обороны.

— Почему?! Это же Министр Обороны!… — обиделся за Министра Главком.

— Моя его не знай. Тэбя — знай, его — не знай…

— Как так?… — стушевался Главком, начиная уже нервничать.

— Не знает и все тут. Правильно боец действует. Ты иди, а я тут постою, пока меня кто-то опознает… — улыбаясь проговорил Министр Обороны.

В это время из помещения КПП вывалил старший наряда — мичман, громко ойкнул. Не иначе, как навалив в штаны, снова умчался в помещение. Через секунду оттуда выскочил, пованивая, и истошно заорал:

— Сми-рр-но!

В это время и подскочила кавалькада машин.

— Встретили! Слава Богу! Опознали!

Оперативный дежурный флотилии был снят с дежурства. Начальник ОУС, лично, к имеемым на всех КПП портретам

Главкома ВМФ пришпандорил еще и портрет Министра Обороны.

Бледная спирохета

И какой же русский не любит быстрой езды?! — задавался вопросом русский классик.

И не потому, что этого не любят другие народы.

В России нет дорог, а есть направления, — утверждал другой классик.

Особый смак в быстрой езде, когда ты мчишься по бездорожью. От того и нет нам равных во всяких там авторалли Париж — Дакар. Командующий флотилией, он же начальник закрытого флотского гарнизона, с совершенно типичным русским именем Лев, носился по всем направлениям (дорогам гарнизона) на своей черной «Волге» со скоростью торпеды. Аки лев за добычей! И, несмотря на любовь к быстрой езде, он не ленился остановить как встречную машину, так и попутную, предварительно «спихнув» ее с колдобины дороги в придорожный сугроб. Для профилактической проработки ездоков. Ну а какие он учинял скачки за обогнавшей его машиной — ни в сказке сказать, ни пером описать! И ведь на все у него хватало времени и желания! А может, поэтому носился торпедой? Автомобилисты всех мастей и сословий, зная эту особенность Льва, предпочитали ни-ког-да и ни при ка-ких условиях не сближаться с черной «Волгой» ближе дистанции торпедного выстрела. Если учесть, что в гарнизоне было три начальственные черные «Волги», то можно себе приставить виртуозность водителей гарнизона.

Завидев любую черную «Волгу» (хотя две другие, замов Льва, не представляли опасности), на всякий случай скакали сайгаками по колдобинам «направления» во всех направлениях. Лишь бы не сближаться!

Начальник РТС (радиотехнической службы) подводного крейсера, офицер флота Переоридорога, решил совместить приятное с полезным. Пообедав дома и отдохнув перед дежурством, усадил женушку за руль своего «Жигуленка». Сам сел на правое сиденье. Поучить, родимую, вождению, а заодно с комфортом добраться из городка к месту развода ДВС (дежурно — вахтенной службы), а это около двух километров. Шлепать пешком, в зимнюю стужу — удовольствие не из приятных.

Едут они весьма аккуратненько, с бережением скакуна — Жигуленка, огибая все колдобины, тем самым шастая по «направлению» от обочины к обочине. Со встречными автомобилями разъезжаются учтиво, без помех друг другу. Попутных не обгоняют и за ними никто не тянется и не требует сигналами «уступить лыжню». Благодать! Вдруг сзади

неожиданно насели на «хвост» нетерпеливо мигающие фары. Во мгле и снежной круговерти не очень-то и разберешь, кто там на тебя наседает. Здесь Переоридорога допустил промах. Первый.

— Спокойно! Хрен с ним, пусть мигает! Метров через сто будет получше дорога, там и прижмемся к обочине. Сейчас рули, как рулила!… —успокоил он супругу.

Послышался «лай» клаксона, пугающий супругу и раздражающий Переоридорогу.

— Прибавь газку! И пошел он на х…! — Второй промах.

Мигая фарами, лая клаксоном, сзади идущий автомобиль стал впритирочку обгонять «Жигуленка». Когда он состворился с «Жигуленком», Переоридорога разглядел черную «Волгу».

Он делает третий панический промах

— Пиз…ц! Тормози!! — проорал он и левой рукой крутанул баранку вправо. «Жигуленок» воткнулся мордой в здоровенный сугроб и заглох, а Переоридорога, нарушая все законы физики, влип не в лобовое стекло, а каким-то образом затесался под торпеду. Хоть и оху…шая от неожиданности жена, но принадлежащая к когорте — «в горящую избу войдет, коня на скаку остановит», мгновенно встрепенувшись, с криком:

— Я ему, бл…дь, сейчас покажу! — стала вылезать из машины.

И… увидела Льва, тоже выходящего из «Волги», в пяти метрах от них. Впереди. Она его, конечно, знала и, конечно, увидела, что он взбешен. Еще бы! Ну и что?!

Подзадержавшись дома с адмиральским часом, Лев торопился в штаб. Мчался на свое рабочее место. Впереди замаячил «Жигуленок», походкой пьяного мужика шастающий от обочины к обочине.

— Это кто там ползает по дороге, как бледная спирохета на мокром х…?! А ну посигналь!!… — рявкнул Лев водителю.

От «Жигуленка» — ноль реакции. А ведь должен был тут же скакнуть вбок. Сгинуть в сугробе или стать замертво! Африканские львы, настигающие жертву молчат. Наш Лев рычал и изрыгал проклятия, как будто ему что-то прищемили дверью. Начатое дело по захвату «жертвы» доводил до логического конца.

Громобойный арсенал Льва, припасенный для «жертвы», вдруг враз сменился каким-то нечленораздельным клекотом. Из «Жигуля», навстречу ему следовала взбешенная… львица. Она и в самом деле, напоминала львицу, в своей желтовато-коричневой дубленке, с богатейшей «гривой» белокурых волос, ниспадавших на ворот.

— Вы что себе позволяете?! — пошла в атаку львица.

— О-о! Э-э! Та-а-сса-зать! Вы кто?… — молвил Лев, как будто

львица царапнула ему морду лапой.

Насколько Лев по-громовержски вел себя с подчиненным флотским людом, настолько он был галантен с дамами. Все-таки было в нем что-то от… французов.

— Я — Лена… смилостивилась львица и кокетливо протянула ручку — лапку.

— Чья? Та-а-сса-зать, фамилия?… чмокнув лапку, вопросил Лев.

— Переоридороги!…

— Не понял?!… слегка опешил Лев.

Ему показалось, что львица сказала:

— При с дороги!…

— Жена капитана 3 ранга Переоридороги… уточнила Лена — львица.

— А-а! Вы не ушиблись? Не нужна ли моя помощь?… подхватив Лену под локоток, Лев подвел «львицу» к «Жигуленку».

На правом сидении «Жигуля», кошачьими глазами в ночи, сверкали две латунные пуговицы на каком-то куле. Это доблестный офицер флота, капитан 3 ранга Переоридорога, в позе страуса, засунувшего голову в песок, продолжал прятаться под торпедой.

— Понятно! Я рад, что с Вами ничего не случилось. Если не нужна моя помощь, разрешите откланяться…. — несколько сухо стал расшаркиваться Лев, заглянув в салон «Жигуля».

— Спасибо! Машина исправна. Я сама управлюсь… — учтиво отказалась от помощи «львица».

Черная «Волга» Льва умчалась в темень снежной круговерти.

Капитан 3 ранга Переоридорога в этот день не заступил в дежурство по ракетному подводному крейсеру стратегического назначения (рпк СН). За грубое нарушение ПДД (правил дорожного движения), повлекшее за собой возникновение аварийной ситуации на дороге и могущее привести к ДТП (дорожно транспортное происшествие) с тяжелыми последствиями, приказом начальника гарнизона капитан 3 ранга Переоридорога был подвергнут аресту на пять суток, с содержанием на гауптвахте.

Военный Совет

Старенький фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов не гнушался посоветоваться со своим генералитетом и офицерами помладше перед принятием решения на сражение.

Посоветовался фельдмаршал с подчиненными в Филях, и так надрал задницу императору Наполеону, что тот скакал от Москвы до Варшавы безостановочно. Ускакал бы и до Парижа, но уж больно хороша и любвеобильна была Мария Валевская. Утешился Наполеоша на ее груди и дальше поскакал.

До определенного случая в моем офицерском сознании и наши Военные Советы ассоциировались с Военным Советом в Филях.

В пору своей командирской юности получил уведомление о выступлении на расширенном заседании Военного Совета флотилии. Требовался мой «совет» об «активизации командирской деятельности в обустройстве войск хозяйственным способом». Для непосвященных — «хозяйственный способ обустройства войск» — это когда ворується все необходимое, в ближайших и не очень, окрестностях и матросскими руками, на шильном растворе, сооружается то, что нужно. Якобы задарма. Обуреваемый мыслями о хозспособе и о ВС (Военный Совет) в Филях, два дня корпел над тезисами.

С солдатской поры осточертел мне этот «хозспособ», несмотря на его директивность с самого верха.

— Ну, думаю, разложу я его по полочкам, да с цифрами. Мало не покажется! … — Заявился на наш ВС. Перья дыбом, в башке цифирки пляшут. Сижу, листаю свои «тезисы».

— Привет! Ты что здесь судорожно зубришь, как закоренелый двоечник перед экзаменом? — шлепнул меня по плечу, усаживаясь рядом приятель, Виктор Коблов. Он был постарше меня и по возрасту и по командирству.

— Слушать меня собираются,…

— Ишь, соловей нашелся! Е…ть тебя будут, а не слушать!… — зареготал Виктор.

— ?…

— Вот посмотришь. Каким хоть выступаешь?

— Третьим …

— Может, тебе повезет и половая активность Командующего поиссякнет… Убери свои бумажки. Лучше расскажи… Виктор втянул меня в разговор «за жизнь» …

Начался Военный Совет.

Два первых «соловья» в полуобморочном состоянии покинули

ветку-трибуну. Дошла очередь и до меня. Утомленности Командующего пока не наблюдалось.

— Тезисы своего выступления отдадите секретарю Совета. Поговорим о конкретике, ближе, та-а сса-зать, к телу …

— Когда экипаж заселился в казарму? В каком она была состоянии?… вполне миролюбиво и без тени усталости начал Командующий.

— Три недели назад. Состояние казармы — как после выполнения директивы — отступая, ничего не оставляй врагу! Я думаю … только было «запел» я, но …

— А мне насрать на то, что Вы думаете! … До каких пор Ваши матросы будут растаскивать говно во флягах по всем сопкам?! А! В этом Ваша забота о быте личного состава?! Дать ему фляги, чтобы он срал и ссал в них, а потом растаскивал по сопкам?! (мать-перемать и пр.)…

— Ды-ык, тащ …

Вам что не понятно?! Елки с палками! Может, начальник тыла будет Вам ремонтировать фановую систему?! Вот Вам х…! Что Вы там позаколачивали окна матрасами?! Вы что, партизаны в Брянском лесу? Восстановить отопление!!! Начальник ОУС! Каждый день проверять их казарму! Неделя сроку!!! Е…ть их и резать!!! Разберите руками их говно! Суньте их туда мордой! Он, видите ли, думает! Думка нашелся!…

— Товарищ Командующий! Экипаж не проявляет должной активности в сборе средств («добровольные» денежные взносы и корабельный спирт) и не выделил постоянной бригады личного состава на строительство монумента подводникам, — встрял со своей «озабоченностью» начпо-ЧВС.

Они предпочитают, чтобы их величали просто — Член Военного Совета.

— Во! А на х…я им наш монумент?! Они свой, из говна, сооружают! А что на это скажете?!…

— Скажу, товарищ командующий! …

— Молчать! Будете мямлить, будто х… во рту катать, на тему о чем Вы думаете. Вы можете мне ответить чле-но-раз-дель-но, когда Вы разберетесь в своем говне?!

— А как у Вас дела с хобби? Может хоть здесь у Вас что-то движется?

— Мое «хобби» — служба …

— Ну уж вот Вам х…! Комдив! Он что, до сих пор не знает, что кроме службы у него есть «хобби» — въездное КПП?!

— Знает, товарищ командующий, … — откликается мой комдив.

— Въездное КПП — это лицо гарнизона! Это мое лицо!!!

Комдив! Комендант! Сегодня же! Сам! Посмотрю!!! И если этот «думка»! Этот х… моржовый! Серет мне на морду! При вашем попустительстве! Вам всем! Пи…дец! К ё …й матери! Садись!…

Из «французских» выражений командующего воспроизведена самая малость. Это Вам не Фили. Наши Военные Советы — лобное место для порева и дралова. Своих. Чтоб наполеоны боялись!

Ступени карьерного роста

Лейтенант, прибывший на корабль из училища, естественно и заинтересовано пытался выяснить ступени своего будущего роста. Плох тот, кто не … и т. д. Разевал коробочку на будущие звезды. Мастодонты и динозавры подводной службы тут, как тут. Обрисуют и расскажут. Док (начмед) — Геша и химдым (начхим) — Леня. В их изложении «ступени» таковы.

Лейтенант — это еще не офицер. Эй, ты ушастик, лейтенант, что ли! Много знает, и ни хрена не умеет. Поддается дрессировке по части навыков умения. Пьет мало и с опаской. Вдруг застукают и отнимут. В интимных отношениях с женщинами не задумывается о последствиях. Льет, пока не впадет в обморочную кому (отсюда: —лей-те-нант). Но на службу не опаздывает. Досыпает украдкой. Иногда — стоя.

Старший лейтенант. Это уже офицер. Что-что забыл, но кое-что уже умеет. Роет землю копытом, демонстрируя готовность рвануть с места. В карьер! К карьерному росту. Пьет уверенно и с удовольствием. В интиме с женщинами ста — (старлей) — рается не быть расточительным. Иногда настаивает на перерывах. В кому не впадает, может спать не только стоя, но и на ходу. На службу пока не опаздывает, но может явиться на подъем флага в белом шарфике … впопыхах позаимствованном из гардеробчика любимой. Бю-ю-ст-гальтер (по-иностранному) или лифчик (по-нашему), называется. И это выявляется. Старпомом, конечно. Но это мелочь, а не неприятности. Замполит разведет бурю в стакане воды. Вот где — кошмар! Жуткие они завистники. Дайте им покопаться в чужом белье, и все тут.

Капитан-лейтенант. Устоявшийся офицер. Кое-что знает, но умеет все. Держит себя уверенно и ежесекундно готов к старту: на вышестоящую должность или на пьянку. Не сомневается в правильности избранного пути и в том, что водку пьют — не пьянства ради, а дабы не отвыкнуть. Четко сформировавшийся мужик в отношениях с прекрасным полом. Не проявляет ненасытности, но еще очень часто мурлычет одну и ту же мелодию: «Пора по бабам-с, пора по бабам-с». Заявившись к даме сердца, ночь разграфляет скрупулезно: кап — передышка, кап — передышка с дремотой и перекусом, кап — бегом на службу. Оттого и не спит на службе стоя, как какой-нибудь «лейтенант» или «старлей». Каплей, все-таки. На опыт быстротекущей флотской жизни опирается. Капай, но не лей. У тебя не бездонная бочка. Самая многочисленная прослойка офицеров флота. Флот только на них держится.

Капитан 3 ранга. Это капитан-лейтенант третьего сорта. Не совсем ориентируется в том, что он еще знает. Начинает проявлять разумное отвращение к тому, что умеет. Последователен и неукротим в соблюдении профилактики собственного здоровья (оно нужно флоту): перза (перед завтраком), перо (перед обедом), перу (перед ужином). Если уже обсеменился (завел семью), приучает молодую жену встречать его со службы у порога — со стаканом водки и огурцом на подносе и с подолом (юбки, халатика) в зубах. Ритуал называется: с устатку — в охотку. То и другое исполняет виртуозно и с удовольствием. Но не частит. Переходит на трехсменку. Имеется в виду отношения с женщиной. В своем кондуите он помечает: кап — прямо у порога, кап — перед сном, и кап — поощрительная (и себе, и жене) перед уходом на службу. Вдруг не удастся сегодня сойти домой. Одним словом: каптри.

Чуть-чуть охладевает к карьере. Пьет много и не пьянеет. На жизнь и карьеру смотрит трезво. Кандидат на выдвиженцы, как вверх, так и по горизонтали, но подальше от моря. Старший офицер. Не хухры — мухры!

Капитан 2 ранга. Это не протрезвевший каптри, заболевший недугом карьеризма. О сортности, по отношению к каплею, тут не может быть и речи. Просто пока еще продукт годный к употреблению, но в ограниченные сроки. Запах тухлости уже проскакивает. Знает, что уже ничего не знает, из умений — почти совершенное владение командно-матерным языком. Отношение к водке — как у младенца к грудному молоку матери. Без него (шила, водки, коньяка) он уже не может. Вместо записной книжки таскает в кармане плоскую фляжку. Пока еще обременен одной болезнью — головной болью. Ловко от нее избавляется с помощью фляжечки. После фляжечки у него возникает зуд. Зуд активной деятельности. Руководящей.

— Как тоскуют руки по штурвалу … это они мурлычат. Рулить охота. Ближе к концу рабочего дня они становятся апатичны. Ни карьера, ни пьянка их уже не интересуют. Уже пьяны и откровенны в своих сиюминутных помыслах:

— Эх-х, опять домой. Опять е… ть! Как бы сейчас было хорошо — рога в подушку и вздремнуть минуток шестьсот. К чужим женщинам ходить не рискует. Своя — лишняя. Кап — случается после длительных мытарств, шаловливых ручек женушки, после чего он спит, как убитый. Жене не удается его разбудить и утром. Спящего сбрасывает с супружеского ложа, спящего — выпихивает за порог. Второе кап — сюрприз жене, с неясными сроками его вручения. Чаще всего раз в году. На 8 марта. Все таки, капдва.

Это уже старший офицер с проблемами. Для кадровиков особенно. Что с ним дальше делать?

Капитан 1 ранга. Старший офицер на выданье. Ни о какой сортности или просто доброкачественности и речи быть не может. Воняет старым козлом и подлежит хранению в холодильнике. Очень даже смахивает на старую — престарую деву: — ни уха, ни рыла и приданого — кукиш. Этот мастодонт, динозавр флотской службы, уже ни хрена не знает и не умеет. Владеет командно-матерным языком — в совершенстве, родным — со словарем. Имеет непоколебимую уверенность в том, что водку пьют не ради пьянства, окаянного, а токмо здоровья для. Мужик в стадии философского подхода к своему мужскому достоинству: не стоит, но за то — как хорошо висит!

Жена не испытывает неудобств из-за его частых отсутствий дома (он объясняет крайней необходимостью своего личного присутствия на службе, а сам на ней спит, как сурок, не только ночью, но и днем. Сидя, стоя, лежа и на ходу). Мало того, жена совершенно не обращает внимания на его поползновения к галантности в отношении чужих дам. Было бы что, то бишь, кого ревновать? Столб и то активнее. Заигрывая с дамами, он любит рассказывать один и тот же анекдот:

— Милые дамы, а вы знаете, простите, сколько занимает половой акт настоящего подводника?… — и окидывает их взглядом горного орла.

— Сколько?… — проявляют заинтересованность дамы.

— Два часа … пятьдесят … девять… минут … тридцать… секунд… тянет, с расстановочкой, капраз, промокая платком вспотевшую лысину (не для дам: он судорожно вспоминает свои потуги по этой части раз в году, а может и реже). Вот так-то, вот!…

— Ах-х! … С придыханием реагируют дамы.

— Вот бы нам с таким познакомиться! И что же он за такое время вытворяет? … — живо интересуются не осведомленные, но любвеобильные дамы. Знающие — просто хихикают.

— Давайте, мои хорошие, перекинем по бокалу, за вас, ненаглядные, а потом, так уж и быть, расскажу, что он зверюга — ненасытная, вытворяет…

Поддержка, по части бокала, полная и … явное нетерпение дам, а капраз степенно и неторопливо закусывает. А куда ему спешить? Не на е…лю же! Туда он уже давно не спешит. За ненадобностью.

Особенно жаждущие познаний, конечно, проявляют настойчивость:

— Ну … (имя), чаще уже … (имя, рек) не тяните кота за

хвост, скажите нам немедленно!… — требуют они, надувая губки бантиком. Орлом воспаряет капраз. Всех созерцает скопом и каждую даму в отдельности и цедит, как по капле:

— Пятьдесят…девять… минут…подводник … отдается … во власть… нежных…ручек… партнерши…тридцать … секунд … он … изображает оргазм искусителя на последнем издыхании и … два часа … лежит без сознания. Вот! В этом суть полового акта подводника.

Рассказчика. Капраза.

Это хорошо созревший старший офицер, кандидат, в равной степени, для продвижения в адмиралы — властелины морей, так и … к ешкиной матери. Куда подальше. И на пенсию не вышибешь, и девать некуда. Адмиральские посты зарезервированы для их детей и внуков. Капразов на флоте не так уж много, но и малая их толика — вечная головная боль кадровиков. Не спасает их карманная фляжка.

Адмирал. Это уже не офицер. И даже не старший. В переводе с голландского (голландцы — великие мастаки на непонятные слова: штурман, боцман, лоцман — это одно, а Ланцман, Кацман — другое) адмирал — властелин. Морей, конечно. Что-то вроде небожителя в морском промысле. Вроде маленького божка, но не Бога. Что они знают и умеют, не нашего, офицерского, ума дело. Иногда такое вытворяют. Такое !!! Право слово: чем черт не шутит, пока Бог спит! Кстати, к женщинам адмиралы относятся, как и подобает властелинам — небожителям. По-царски.

Не царское это дело, в пи…е ковыряться!

О ступенях карьерного роста все. Это не я придумал. Так нас, лейтенантов, «профилактировали» НМС Геша и НХС Леня. Мастодонты подводной службы.

Кормчие

Два закадычных друга, Боженко и Бороденко, оба минеры средних подводных лодок, на основе «закадычности» враз порешили круто изменить свою военную судьбу — сменить профессию. В минном деле, как нигде, вся загвоздка в щеколде. Минная «щеколда» им опостылела, командирство не светило по причине «закадычности». На сдачу соответствующих зачетов требовались усилия в приобретении знаний, а в башке — одна «щеколда». И уж больно хлопотное это командирское дело. Над командиром — море начальников, и все его дерут, как сидорову козу, прилюдно, как только он высунется из рубочного люка. Не прельщала их эта стезя. Хотелось ответственной работы. Очень! При полной безответственности.

Эту тему они не раз обсуждали втроем: Боженко, Бороденко и Шило. Так они, с большой буквы, величали корабельный спирт, когда встречались на берегу, после выходов в море. Два закадычных друга и Шило. В бутылке из-под Шампанского. Конечно, «Советского». Боженко «митинговал», а Бороденко отмалчивался, и лишь короткими фразами подводил итоги. Эта их историческая беседа состоялась после многомесячного пребывания в Средиземном море. Империализм там вовсю угрожал нам звериным оскалом, а наш подводничек то давил на жопе чирьи, то выплевывал остатки зубов без всякой врачебной помощи, как мальцы выплевывают молочные зубы.

— К тридцати пяти — сорока годам, радикулитисто-геморройного отца-командира, выпиз…т с флота в какую-нибудь Тьмутаракань и забудут. Мы пойдем другим путем. Марксистско-ленинским… — Изрек авторитетно Бороденко, сделав заявку на мудрость. Его многословие оказалось редким, но метким.

Приглянулась им партийно-политическая работа. Ответственно держать нос по ветру, то бишь с курсом партии и всего делов-то.

Закадычность безжалостно прерывалась длительными походами на разных подлодках, где и пресная вода расходовалась сверхэкономно, а «шило» становилось стратегическим запасом командира. Эта ситуация обеспечила их беспроблемный рост в чинах до капитан-лейтенантов без партийного вмешательства в их души и учетные карточки. А потому, без особых трудностей, получили они направление на учебу. На десятимесячные курсы политсостава флота для углубленного изучения навыков партийно-политической работы.

* * *

Как известно, всякая учеба на курсах, в академиях опирается на два подхода: синий нос — красные корочки, либо красный нос — синие корочки. Друзья остановились на втором подходе. Десять месяцев учебы в Ленинграде, колыбели революции и роддоме комиссаров, пролетели как миг, по строго заведенному порядку.

В800, как на подъеме флага, встреча в рюмочной. Под сенью золоченных крестов и куполов Александро-Невской лавры. По первенькой. За встречу. Энергичный бросок троллейбусом через Неву, до пельменной с рюмочной. По второй — за дам-с!

В 900 — начало углубленного изучения ППР (партийно-политической работы), на Высших офицерских курсах ВМФ, с часовым перерывом на обед. Обед предварялся посещением лавки военторга, где смышленая Зина всегда имела «левый» коньячок. По-третьей, сам Бог велел. За тех, кто в море! Потом еще три часа мук самостоятельной работы над основами ППР. И, наконец-то, море (учеба) — на замок!

В 1700 храм военно-морской науки покидал самый распоследний синеносник. Красноносники уже давно посетили пельменную — рюмочную и по оси моста переместились в рюмочную Александро-Невской лавры. Там подводились итоги напряженного учебного дня. После него рюмка-другая не воспринималась чем-то зазорным. Это было каждодневным ритуалом, частенько вместе с учителями. Получили друзья синие корочки и, с большим сожалением, покинули берега Невы, чтобы вновь оказаться на берегах моря Баренца.

Новоиспеченные «комиссары-политруки» были определены на атомные подводные лодки, завершающие период интенсивного освоения. Учитывая исключительную важность предстоящей им работы, по ходатайству ПУ ВМФ (политуправление ВМФ), Министром Обороны им, обоим, одновременно с выпуском было досрочно присвоено звание «капитан 3 ранга». ПУРы и ГлавПУРы отличались искренней заботой о будущих «представителях ЦК партии на местах». Они бы, с выпуском получили еще и по ордену «За службу Родине», как его получали выпускники политакадемии вместе с «поплавком», но тогда того ордена еще не существовало. И правильно, что их наперед награждали. Иначе в заботах о личном составе они могли забыть о себе.

* * *

В первые дни пребывания в гарнизоне атомных подводных лодок друзья несколько подрастерялись. По неопытности в ППР. В гарнизоне существовал «сухой» закон. Официально, ни одна военторговская лавка ни-ка-ко-го алкоголя не имела. Опять же, по неопытности в ППР, кратковременно попали в легкую зависимость к старпомам. Как каким-нибудь вшивым минерам, штурмано-ракетчикам или механикам, приходилось им унизительно выпрашивать у старпома бутылку шила (спирта) на обслуживание технических средств пропаганды. Много ли можно было выпросить этого шила, если у комиссара в заведовании кинопроектор «Украина» да допотопный магнитофонишко! Вот и все технические средства пропаганды. Шильная норма довольствия — воробью на опохмелку не хватит. Но,… право слово, кто ищет, тот всегда найдет. Тем более — уже профессиональные большевики. Боженко и Бороденко, со всей ответственностью погрузились в тяготы и лишения круглосуточной ППР на местах. Зафиксируют свою любовь к экипажу на подъеме флага, и … — «зам сказал, что много дел и ушел в политотдел».

С бульдозерной настойчивостью вскрывали они пласты тонкостей всеохватной, всепроникающей методологии большевистской марксистко-ленинской теории. В первые же дни самоотверженного труда в политотделе уяснили, что большевикам-комиссарам, ничто человеческое не чуждо. В кровавые революционные будни, наиболее отличившихся, по их определению, награждали красными революционными штанами. Слава Богу, сейчас у всех подводников были штаны. Одни рабочие, в подлодке, другие на выход. Склады военторга ломились от резервного, наградного фонда. В том числе и от всего мыслимого ассортимента из области запретного по «сухому» закону. Запретный плод всегда сладок. Библейская истина.

Как и красные революционные штаны, пакет с набором «запретных плодов» был самым весомым призовым фондом в арсенале ППР. После освоения этого пласта в душах новых комиссаров старпомы заняли подобающее им место. Зависимое, со всеми потрохами. Без изъятий. Любой человек, со всей ответственностью относящийся к любому делу — матереет до материализма. При отсутствии ответственности за материализм и его плоды — звереет.

И пары лет не прошло, как друзья в ППР не только заматерели, но и озверели. От хихиканья по поводу: прав всегда тот, у кого больше прав, пришли к твердому убеждению, что партия — всегда права. Ибо: марксизм — ленинизм вечен, потому

что верен. Вторая истина на уровне библейской. Уверенность в правоте своих деяний у друзей достигла такого уровня, что вызвала опаску даже у более заматерелых комиссаров — политруков. Помните, «партия и Ленин, близнецы-братья (?!), «мы говорим Ленин, подразумеваем — партия» и т.д. Вроде разнополые понятия, но оказались братьями — близнецами.

Боженко и Бороденко, на полном основании, стали как близнецы — братья. Если договаривались о вечерней встрече по телефону, то с соблюдением всех мер большевистской конспирации.

— Тут ко мне заскочил Боря Шило, (бутылка шила) заходи, покалякаем… или…

— Пашка Коньков («призовой» пакет с коньяком) заскочил ко мне. Приходи, покалякаем…… оповещали они друг друга.

Где-то, когда-то притупили бдительность, и прихватили с собой кого-то в четвертые. Произошла утечка информации в заматерелые уши иерархов партийно-политической работы. Они почуяли в этом запах групповщины. Вслед за запахом могла появиться вонь ревизионизма, могущая бросить тень на партийный плетень. Иерархи политотделов звякнули тихонечко в политотдельские колокола, и разлучили братьев-близнецов. Без шума и пыли. По удобному случаю.

* * *

От берегов моря Баренца собирался отойти отряд атомоходов к берегам Тихоокеанским. Небольшая рокировочка, и вот уже Бороденко боевыми листками укрепляет прочность корабельных переборок атомохода от воздействия забортной стихии. И столь в этом деле преуспел, что атомоход благополучно достиг Камчатки. За создание кораблю надежности и прочности кувалды и монолитной сплоченности экипажа Бороденко стал Героем всего Советского Союза. После этого, а точнее после того, как он лишился каждодневного общения с братом-близнецом, он стал скрытен до подозрительности. Разговорчивостью и ранее не страдал. Только каторжный труд на ниве удержания себя в кильватере ленинского курса партии. Смешно сказать, но даже пайковый бокал сухого вина он употреблял только в своей каюте.

Встанет перед зеркалом, произнесет любимый «братьями» тост: «За нас с тобой, брат, и за х… с ними!», погасит свет и хряпнет.

Его многогранный и эффективный метод создания монолитности экипажа оказался столь ценен, что держать Героя в

прочном корпусе какого-то единичного атомохода было бы преступным. Щедро делился он своим опытом многие годы, не щадя сил и здоровья, перемещаясь с одного флота на другой. Оброс ракушками и звездами разной величины и достоинства, не только на груди, но и на погонах. Добрался бы до поста самого главного кормчего ленинского курса, на худой конец, кормчего ГПУ СА и ВМФ. Не успел. Корабль большевизма напоролся на скалы. Кормчие заблудились в тумане собственного словоблудия. Долго пели и плясали по поводу истинного курса, да забыли про овраги и как по ним ходить.

У брата-близнеца, Боженко, дела сложились несколько по иному. Рокировочка, проведенная с ним одновременно с Бороденко, выдвинула Боженко в единоначальники. Он был назначен командиром несамоходной плавказармы, планирующейся к перегону в те же края, куда ушел на атомоходе Бороденко. Чувствуете гениальность рокировки иерархов комиссарского дела? Зародыш групповщины и ревизионизма одним махом выкорчевывался и вышвыривался туда, где и зэк-Макар телят не пас.

Новоприобретенный опыт комиссарства Боженко с лихвой употребил на пользу единоначалия. Плавказарма финской постройки — это не плавучая лохань для барского проживания крыс и выживания подводницкого сословия на уровне кутузки строгого режима. И даже не плавбаза подводных лодок с пушками, торпедами и тактическим номером. Финские судостроители поставляли плавучие отели европейского уровня для геологов и нефтяников, с поэтическими названиями типа «Енисей», «Обь», «Иртыш» и т. д.

По беломоро — балтийскому каналу, через Белое море и далее за Канин Нос, они должны были следовать заказчику. Но … уже на переходе по каналу, построенному зэками, они приобретали зэковские кликухи: ПКЗ-47, ПКЗ-50 или еще какие. В общем, как у людей, то бишь зэков: — заключенный номер … прибыл по Вашему приказанию, гражданин начальник! По финским шхерам следовал плавотель «Енисей», по каналу уже двигался плавучий объект с позывными: «ПКЗ- …» Вот и все. Сервисное наполнение кладовых, кают и всего прочего было настолько продумано финскими корабелами, что вызывало неистребимое желание что-то стибрить, свинтить, слямзить. Новая плавказарма сначала заселялась штабами и служила пристанищем для проживания и проведения банкетных утех высокопоставленных воинских особ, прибывающих на флот с инспекционными целями. По мере старения (разграбления) плавказарма, как отель, теряющий звездочки, приходила на

уровень лохани и уже тогда отправлялась на утеху парочке экипажей подводников. Все по уму, как говориться, по ранжиру, по весу и жиру. И все это многословие к тому, чтобы дать понятие об объекте единоначалия, вверенного заботам капитана 3 ранга Боженко. Для должностей рулевого ленинского курса любой ипостаси он уже стал опасен, а более низкой должности строевого офицера на флоте просто не существовало.

Прямо скажем, что объект был не первой свежести, но еще соответствовал трехзвездочному уровню отеля. Предназначался для обеспечения особых мероприятий и поддерживался в готовности к переходу в места камчатские. С уходом Бороденко Боженко затосковал неимоверно. Не радовал его и жезл единоначальника, ибо он не давал ему права посещения складов «призового фонда». А разлука с братом-близнецом, больше того, закадычным другом, грызла его нестерпимо. Хоть стреляйся! Да нечем. Сейфы для оружия были первозданно пусты, ибо на плавотеле еще не размещались подводники. Опять вмешался случай. Команда плавказармы состояла из пары десятков мичманов и матросов и одного офицера-единоначальника. Формировалась по принципу: на лодке такого бойца держать нельзя. Утопит всех вместе с лодкой. Переводили бойца на тыловой фронт. Когда бартерные деяния тылового бойца достигали активности бойца отряда продразверстки, ссылали его дослуживать на плавсредства тыла флотилии. Плавсредство — это все то, что каким-то чудом держалось на плаву. Массовое бегство крыс с этой лохани служило сигналом для экипажа: — покинуть корабль.

Единоначальник плавотеля Боженко слишком долго выяснял вопрос (еще не имел среди своего экипажа разветвленной сети собственной контрразведки) поступления «запретных плодов» на повседневные нужды подчиненных. Одно было предельно ясно: бойцы были сыты, пьяны и нос в табаке — еже-днев-но! У единоначальника — ни в одном глазу, сутками, а бойцы… только к обеду отходили после вчерашнего. Но к вечерней справке стоять уже не могли. Лежали. Слава Богу, нетчиков не фиксировалось. (По Корабельному Уставу ВМФ СССР — нетчик — матрос, незаконно отсутствующий на корабле — «которого нет»).

Но тут как-то вызвал Боженко к себе единоначальник тыла и огорошил его прямо с порога:

— Боженко! Ты что…(признание об интимной связи с мамой Боженко)!

Сидишь в каюте и водку, поди, хреначишь не просыхая?! (Явное оскорбление). По всему закрытому гарнизону вовсю идет ченч шило на мыло. Постельное белье, одеяла верблюжьей

шерсти, сантехника — все с логотипом «Енисей», заполонили все темные подступы к пустым лавкам военторга! Любой товар — за бутылку водки! (И опять угроза развратных действий самым извращенным способом, но уже с самим Боженко)… — И как бы уже удовлетворив все свои похотливые страсти, смилостивился:

— Иди отсюда к (изнасилованной матери)! Наведи там (где?) порядок! — И совсем уж утомленно-страдальчески:

— И зачем только п… а родит таких мудаков на мою (?) бедную голову?!

— И когда только можно будет передать этот отель-бордель подводникам?!!.. — простонал начальник тыла.

Боженко мигом слинял, и бегом отправился на свой плавотель. Наводить порядок. Душу раздирала убийственная мысль:

— Какой же я дурак!!! (весьма самокритично). И все из-за неправильно поставленного воспитательного процесса! (уничижение). Я это немедленно поправлю! Только индивидуальная работа!! С каждым!!! Непрерывно!!!! Каждодневно! И круг-ло-су-точ-но!… — утвердился в мысли Боженко.

Тяжело дыша, как загнанная лошадь, он поднимался по трапу на свой плавотель. Утвердившись в каюте, отдышался, и немедленно взялся за воспитательный процесс. Вызвал к себе свою «правую руку» — боцмана. Его, конечно, не нашли. Дело двигалось к обеду, и боцман уже не рискнул бы появиться перед единоначальником до утра следующего дня. Мичманюга-боцманюга свое дело знал отменно, а еще лучше время и место встречи с начальниками всех степеней. Боженко переключился на поиски своей «левой руки» — мичмана, заведующего всем трюмно-котельным хозяйством. Сей боец совершенно четко понимал, что его время собственного вознаграждения за труды праведные наступает только после ужина. Маялся жутко, но терпел и находился по первому зову начальников. С него и началась перестройка воспитательного процесса. С ускорением.

* * *

Мичман Кочерга заявился с мордой, слегка подмакияженной машинным маслом и с замасленной тряпкой в руках. Весь вид мичмана свидетельствовал о многотрудности его забот в трюмно-котельном хозяйстве.

— Кочерга! Почему в городке появляются смесители, краны и прочее сантехническое оборудование с маркировкой нашей ПКЗ,

мать вашу так и разэдак!!…

Боженко перебрал все крепкие выражения своего арсенала по поводу всей родословной Кочерги и уже принялся непосредственно за него, в самой извращенной форме, но пришлось прерваться.

В каюту ломился матрос — почтальон за увольнительной запиской для получения корреспонденции на почте городка.

— Вот увольнительная записка. С почты прямо ко мне. Со всей корреспонденцией и посылками, коли таковые будут. Понятно? Идите!

— И ты, Кочерга, иди. И думай над тем, что я тебе сказал…

Вознамерился вызвать следующего из судовой роли, но из динамиков разнеслось:

— Команде обедать!

— Фу ты, черт! Так и надорваться можно! — чертыхнулся Боженко и вскрыл сейф для предобеденного причастия.

«Перо» называется. Перед обедом. Полстакана шила сдобрил водичкой из-под крана раковины (развод по широте), чокнулся с зеркалом, благословил себя излюбленным тостом (как с братом-близнецом) и… употребил. Скоренько отправился на камбуз, чтобы снять пробу и разрешить выдачу обеда команде. Отобедал и позволил себе выполнить распорядок дня неукоснительно. С послеобеденным дремом. Обычно он себя баловал «сквознячком» (или адмиральским часом — от 1330 до 1700), но «сквознячок» был прерван в 1530 вернувшимся почтальоном. Почта состояла из писем и двух посылок для матросов Галушка. Двух близнецов гигантского роста. Почтальон поведал, что у них день рождения.

— Зови сюда Галушек!

Галушки прибыли.

— А ну, вскрывайте посылки. Нет ли от родителей чего-то запретного ко дню рождения.

Галушки подковырнули крышки посылок отверткой. В одной просматривались банки с вареньем, пересыпанные сухофруктами, в другой пластовалось сало. Тщательного досмотра Боженко не произвел. А напрасно.

— Празднуйте день рождения с салом и вареньем. Угощайте друзей. Не вздумайте организовывать выпивон. Поздравляю вас! Ступайте!…

В 22 часа Боженко организовывал экстренное промывание желудков своей команде. Сердобольные родители Галушек между пластами сала заныкали грелку с первачком, да и варенье-компоты были «стерилизованы» первачком. Спасло Галушек сотоварищи, что они не успели приступить к «десерту». Вишневое варенье с косточками, «стерилизованное» первачком,

превращалось в сильнейший яд. Бойцы перелили содержимое грелки в чайник и, несмотря на смердящий дух этого пойла, употребили под сальце. К третьему тосту появились первые отказники и «банкет» переместился в гальюн. Матрос-фельдшер развел два ведра раствора с марганцовкой и заставлял пить раствор до рвоты и поноса.

Оповещенный «контрразведчиком» (одного успел «внедрить») Боженко изъял чайник с остатками зелья и подкреплял усилия матроса-фельдшера своими приказами. Участники банкета выпрастывались от «угощения» почти всю ночь, с матом и стенаниями.

Братья Галушки, сифоня из всех своих природных дыр, еще и убирали, мыли переборки и отхожие места. Довольно длительное время бойцы Боженко остерегались употреблять любое пойло, не украшенное «бескозыркой» (отечественные пробки с язычком на алкоголе). А вот остатки пойла Галушек, вылитые в раковину, натолкнули Боженко на инженерную мысль, которую он, с помощью Кочерги, успешно осуществил. Сточный трубопровод раковины в каюте Боженко украсился двухходовым клапаном с указателями — ЦГВ и ЦПВ. Когда раковина использовалась по прямому назначению, содержимое раковины стекало в ЦГВ — цистерну грязной воды. Во время «активного воспитательного процесса», клапан загодя переключался на сброс содержимого раковины в ЦПВ — цистерну питьевой воды. Цистерной питьевой воды служила пятилитровая бутыль. Нижняя часть под раковиной всегда была закрыта дверцей с внутренним мебельным замком. Идеальное гигиеническое состояние раковины поддерживалось лично самим Боженко.

Перед активным воспитательным процессом Боженко переключал клапан на бутыль, и вызывал потенциального злоумышленника на беседу. Беседа могла длиться часами, когда боец стоял, а Боженко, сидя в кресле, обрисовывал все кары небесные, которые могут свалиться на голову злоумышленника, если он добровольно не расстанется с заготовленным «запретным плодом». Мучительно долгим было стояние того бойца, у которого ничего не было ни в каком схроне. Бедняга стоял и судорожно перебирал возможности своих сотоварищей, на предмет наличия у них чего-то запретного. «Расколовшийся» с покаянным выражением лица приносил бутылку и выставлял ее на стол Боженко.

— Вот и молодец! А теперь открой ее и вылей содержимое в раковину. Так будет лучше для твоего здоровья. И мне будет спокойнее…

Боец выливал содержимое в раковину.

— А теперь ступай! Думаю, ты сделаешь правильные выводы…

Вскоре бойцы сделали «правильные выводы». Как только Боженко кого-то вызывал к себе, немедленно выяснялся вопрос, есть ли что вылить в его раковину. Одна-две бутылки в день делали «активный воспитательный процесс» кратковременным, спорадическим и взаимно приятным.

Имущество ПКЗ конвертировалось в «запретные плоды» на взаимовыгодных условиях для трех сторон. Состояние плавотеля за один год потеряло не менее одной «звездочки». Высокопоставленная комиссия сочла невозможным его перегон к берегам камчатским.

— Начальник тыла без фитилей, что еж без иголок, — обрадовано среагировал на результаты и последствия проверок плавказармы единоначальник тыла и, с пылкой радостью, передал «по фактическому состоянию» плавказарму дивизии, в состав которой планировался приход новых кораблей.

Полгода Боженко дожидался новых постояльцев. Информация об «активном воспитательном процессе» стала ежедневной головной болью комдива. Его прошения о снятии Боженко во все мыслимые инстанции завершались одним и тем же результатом — воспитывайте! А куда ж было его снимать? Капитан 3 ранга, на самой низшей офицерской должности на флоте. К тому же Армия и Флот, после гигантских сокращений, находились в стадии «неукоснительного сбережения кадров».

* * *

Истомившись в ожидании вызванного на «профилактику» подчиненного, Боженко в нетерпении выскакивал на какую-нибудь палубу, для излова любого матроса.

— Товарищ матрос! Ко мне!… — вскрикивал он, завидев живую матросскую душу.

— Пошел на х…! — ответствовала матросская душа и исчезала, быстрее лани, в сумерках лабиринта коридоров и палуб…

— Вот до чего развинтился народ!… сокрушался Боженко, отправлялся в каюту и терпеливо дожидался вызванного. Придет. Куда денется. Вот только изготовится для «чистосердечного раскаяния». Ниже штабной палубы, в матросские низы, Боженко уже не рисковал спускаться.

— Там-то они могут вырубить свет, набить мне морду, а уж потом послать на х…! — совершенно справедливо полагал

Боженко.

Надо ли говорить о том, какая царская жизнь настала у Боженко, когда на борт плавказармы прибыла полутысячная толпа судостроителей, вооруженных всем необходимым для экстренной отделки нового корабля. Полтора месяца райской жизни, заполненной до краев всеми благами, в том числе «шилом», вином и женщинами. Судостроители срочно, на десяток дней, съехали, но началась подготовка плавказармы к кратковременному размещению «царственных» особ, что сулило неплохие перспективы.

Боженко преобразился. Временами был совершенно трезв и весьма деятелен. Носился метеором между причалом и многочисленными провизионками и кладовыми, в которые выгружалось материально-техническое обеспечение предстоящего визита высоких гостей. Начальник тыла, контролирующий подготовку плавказармы и загрузку «спецресурса», даже восхитился преображением Боженко.

— День не пьешь и то человеком становишься! А если бы ты и ночью не квасил — цены бы тебе не было!… — просипел как-то начальник тыла, прикуривая новую сигарету от бычка предыдущей, уже обжигающей ему губы.

Курильщиком и матерщинником он был отъявленным и неисправимым. В этом его монологе — матерщина опущена сознательно. Иначе было бы не уловить смысла того, что он хотел сказать Боженко, пребывая в благодушии.

— Но ты вот что, х… с бугра! Имей ввиду, комдив до того ох…л от тебя, что заготовил бумаги на подпись Главкому и Министру Обороны, чтобы выпиз…ть тебя со службы к е…й матери!… — посвятил он Боженко в перспективу.

— Ну и х… с ним!… — ершисто среагировал Боженко.

— Мы еще посмотрим, что у него из этого получится, — подумал он, не раскрывая своего замысла начальнику тыла.

* * *

В последние три дня перед приездом Министра Обороны и Главкома ВМФ, на ПКЗ побывали начальники всех уровней от комдива до начальника штаба флота. Боженко, отутюженный, розовощекий, всегда был на виду. Деятелен и подобострастен, «врубался» в указания мгновенно и мгновенно же их исполнял, чем приводил начальников в несказанное умиротворение.

И вот настал день испытаний.

— В минном деле, как нигде, вся загвоздка в щеколде, —

талдычил себе Боженко, подразумевая несколько иное.

Услужливость и расторопность взял на вооружение Боженко против злонамеренных намерений комдива. И весьма в этом преуспел. Первым его залпом, пристрелочным… по комдиву, было руководство «чаепитием» высоких гостей. Распорядитель, весь в белоснежном, накрахмаленном одеянии, умело руководящий матросами-вестовыми и всем процессом чаепития, привлек к себе внимание всей свиты. Без исключения. Комдива с его бумагами Боженко взял в «вилку» во время обеда. Под звон хрусталя и столового инструментария. Обед был «по-флотски» гостеприимно-хлебосольным.

Боженко дирижировал процессом безукоризненно, и если бы не намерения высоких гостей продолжить работу после обеда, довел бы ситуацию до массового «брудершафта». Комдив почувствовал «накрытие», но еще не отказался от своего намерения.

Гости после обеда совершили автовояж по окрестностям базы, решая вопросы дальнейшего развития инфраструктуры базы для обеспечения новых кораблей. Мороз-воевода добрался да маршальских костей даже сквозь соболиную подкладку шинелей. На робкое предложение флотского начальства «отведать» и финской сауны, А.А.Гречко неожиданно согласился.

— А что, Сергей Георгиевич (Главком ВМФ — Горшков С.Г.)?! Попаримся, да на вертолет, к самолету, и домой. Почивать будем в Москве…

Флотское начальство экстренно стало готовить к подписанию ворох бумаг, а Министр и Главком определились в сауну. Погреть старые косточки. Процесс отогрева контролировали флотские врачи.

Искушенным банщиком был… Правильно! Боженко.

Парил березовыми и эвкалиптовыми веничками. Плескал на камушки, раствор хрустально чистой водички с чешским пивом. Отпаивал брусничным соком и потчевал сказочно вкусной, царской ягодой морошкой и прочим не вообразимо вкусным и уместным. Промокал пот царственных тел первозданно чистыми простынями, извлекаемыми из герметично запаянных полиэтиленовых пакетов. Три захода на полок не только отогрели сухопутно-морские души маршалов, но и привели военачальников, простите за тавтологию, в весьма благодушное состояние.

Розовенькие маршалы поставили процесс подписания документов на поток, как какое-нибудь протокольное мероприятие. Бумага ложится на стол Главкома, обретает его подпись и тут же перемещается под руку Министра Обороны.

Комдив, заручившись подписями командующего флотилии и флота, ждал момента обсуждения и подписания документов «по личному составу». Очень скоро этот момент настал.

— Прежде, чем подписывать документы по личному составу, хотел бы попросить Вас обратить внимание, на достойнейшего, как мне кажется, офицера. Как Вы думаете, Андрей Антонович?… — произнес Главком.

— ?… о ком же ведет речь Главком? — засветился вопрос в глазах флотских адмиралов.

— Я имею ввиду офицера, что руководил всеми мероприятиями. Кто он?… — продолжил Главком, глядя на комфлота.

— Да, да! Хороший, расторопный офицер! — поддержал его Министр Обороны.

— Командир ПКЗ. Капитан 3 ранга Боженко… — пришлось доложить комдиву.

— Вот, вот! Запишите ему мою личную благодарность и подумайте, как его дальше использовать в плане службы… — высказал свое мнение Главком.

Боженко еще не догадывался, что сауной он «накрыл» намерения комдива первым же «залпом» на поражение.

— Ох, е, твою маму! Хорошо, что я еще не успел подсунуть бумаги на его увольнение. Был бы мне п…дец полный!… — вспотел от собственной мысли комдив.

Через час высокие гости уехали-улетели.

* * *

Менялись Министры Обороны, сменился и Главком. Командиры стратегических ракетоносцев так и не увидели персональных УАЗиков. Адмиральское звание командиров, присваивалось только в результате «подковерных» решений партийно-кадровых органов и совершенно независимо от «боевой» деятельности командира. Сменилось два комдива. Звезданутые одной адмиральской звездой, пошли выше за следующими. Новый комдив, капраз, мечтающий об адмиральстве, предпринял попытку «взяться» за Боженко, ибо тот уже успел лишить ПКЗ последних звезд отеля. Даже советские энциклопедии тех времен не знали паскудного империалистического понятия «бартер», а Боженко «купался» в нем, как рыба в воде. Первая же попытка нового комдива приструнить Боженко, была сведена им на нет благодаря подсказке знающих людей. Боженко — «достойнейший» офицер,

заслуживающий особого внимания со стороны командования. По оценке Верховного Главнокомандования! И не какому-то комдиву переиначивать оценку. Боженко чувствовал себя неприкасаемым и совершенно «незалежным», языком «рідної мови».

А тут еще в базу подводников вернулся брат-близнец, Бороденко. Весь звезданутый и молчаливо-мудрый. Нигде не высовывался со своими речами-призывами. Не выступал с критикой и не демонстрировал неподкупной большевистской суровости. На любые предложения и вопросы начальников и подчиненных реагировал неизменным:

— Это надо осмыслить… И все.

Год-два он что-то обдумывал и осмысливал в своем кабинете, украшая его своей тучной, раздобревшей фигурой со Звездой Героя. И… перемещался в следующий кабинет. В более благоустроенный, в более высокий.

Военторговские спецы, знавшие «связку» Боженко — Бороденко по их определенному пристрастию к «призовому фонду», величали друзей неприхотливо — «алкаши-призеры. Оставшись один, Боженко лишился не только доступа к призовому фонду, но и клички. А впереди Бороденко, с подачи флотских острословов, бежала кликуха: «Мудрец х…в». Правда, политотдельцы предпочитали серьезные партийные псевдонимы. Просто «Мудрец» звучало скромно и безопасно. Кликуху с довеском использовала в своем жаргоне строевая шпана.

Когда штабная палуба ПКЗ стала подвергаться ночным ревизиям боженковской команды на предмет бартерной продукции, новый комдив перенес свой штаб в береговое здание. На ПКЗ разместились два экипажа подводных лодок. Теперь она вполне подходила для них. Боженко дослужился до пенсии. По протекции Бороденко (Мудреца-х…ва), устроился в администрацию какого-то московско-волжского пароходства. Консультантом по организации деловито-отдохновенных малых круизов сановитых пассажиров. Говорят, там он весьма преуспел и сохранил свой титул «достойнейшего» до завершения перестройки.

После вхождения страны в капитализм следы Боженко потерялись, как в тумане.

ПДК

ПДК — пожарно-дезактивационный катер. Непременный участник погрузочно-разгрузочных работ торпедного и ракетного оружия. Вдруг что-то из этих железняк грохнется на причал и взорвется?! ПДК — тут, как тут. Водяной завесой мигом локализует всякую беду — пожар или термоядерный взрыв. Погрузка-выгрузка оружия с ЯБП — стратегическая операция. Кораблей-носителей ЯБП тьма-тьмущая, постоянно кто-то что-то выгружает-загружает, а ПДК — один. Так что он к стационарному причалу как бы прикипел. Электропитание с берега обеспечивало запуск его многочисленных насосов в любое время дня и ночи. ПДК давно торчал у причала и основательно подзабыл, как приятно своим форштевнем-грудью вспарывать морскую волну. Стал подозревать себя в дряхлости и ненужности, как вдруг все изменилось. Оказывается, его «стратегической» мощью управляли какие-то «врио» и «ио», а тут вдруг появился командир — целый лейтенант флота и два матроса-моториста. ПДК вздрогнул и преобразился. Все свободное от обеспечения стратегических операций время он красился и чистился. И вот, наконец-то, флотский макияж завершился длительным дефиле по бухте с гейзерами водяных завес и струй. ПДК сиял от счастья! Он еще молод, силен и хорош собою!! Он влюбился в своего командира и готов был броситься с ним в любой пожар! Жизнь, флотская, налаживалась. ПДК был доволен, а вот командир — не очень.

В командование ПДК вступил Володя Друшлаг. Дважды бывший старший лейтенант, а ныне снова лейтенант флота, командир группы подготовки и старта ракет атомного подводного крейсера. Теперь уже — бывший. Белокурая бестия (ББ). ББ ждал присвоения звания капитан-лейтенанта, когда на столе у замули крейсера объявились две жалобы «прекрасных советских женщин» (так утверждал замуля-замполит), подло отвергнутых ББ в качестве его жен. О безукоризненной моральной чистоте женщин не утверждало, а просто кричало, третье письмо — от имени и за подписью начальника вечернего университета марксизма-ленинизма. На бланке и с печатью. Такое официальное письмо — истина в последней инстанции. Это были последствия двухнедельной доковой стоянки в Пала-губе, прозванной моряками Половой щелью. Не только за чрезвычайно узкий вход в Пала-губу, соседствующую со знаменитой Екатерининской гаванью, разместившей на своих берегах город Александросвск-Полярный, но и наличием не менее любвеобильных, чем Екатерина II, дам. Пусть и советских. Свято место пусто не

бывает, когда мужья годами стращают и вытесняют 6-й американский флот из Средиземноморья — «исконно русских зон влияния». Подводник, пусть и залетный, славен своей ненасытностью, только отогрей его душу. ББ шустро отогрелся и демонстрировал свою удаль мужицкую по двум адресам, не подавая вида, что он в курсе пикантности ситуации. Они молчали, а он и не допытывался. Обе разведенки, но с решительными намерениями на очередных мужей. А вот это не входило в планы убежденного холостяка. Поэтому он учтиво, но без обещаний к дальнейшим встречам, откланялся по обоим адресам и вместе с подлодкой ретировался в свою базу.

Вскоре подлодка ушла в многомесячный поход. Благополучно вернулась. Замполит, передав в политотдел полтонны боевых листов в качестве документального подтверждения своего геройско-изнурительного партийного влияния на массы в походе, не передохнув, приступил к партийному реагированию на письма заявителей и общественности. Собрал партийную ячейку.

— Женись!!! — требовал замполит на партячейке.

— На ком?! — вопрошал ББ.

— На ком угодно! Но женись! Ограничимся партийным взысканием… — настаивал радетель морального кодекса строителей коммунизма.

— Не хочу и не буду! У меня раздвоение личности. Переспать — с той или другой, с превеликим удовольствием. Но жениться?! Ни в жисть!!! — категорически отверг ББ вариант высокопартийного подхода, к урегулированию конфликта.

Карающий меч партийного правосудия в твердых руках замполита грозил отсечением головы. То есть исключением владельца головы из монолитных партийных рядов. Партийная ячейка, вникая в суть вопроса, долго ржала, но замулю не поддержала.

Вышестоящая ячейка «руководящей и направляющей», обвинив корабельную в политической близорукости, очистила ее ряды от «морального разложенца», а заодно и порадела по части очищения погон ББ от старлейских звездочек. И уж никак не могла оставить беспартийного морального разложенца у махояток пульта ГЭУ ракетно-ядерного щита Родины. Загремел ББ, под фанфары, с подводного крейсера на ПДК.

— Вот теперь будет, чем похвастаться перед батей. Я не просто лейтенант флота, а командир корабля. Пора возглавить революцию на отдельно взятом корабле … — заявил Володя, покидая борт подводного крейсера.

И вступил на борт ПДК. Командиром. От его деяний ПДК воспрял духом. Самостоятельность (единоначалие) носила ББ, как

на крыльях. Через месяц не только ПДК из замухрышки-плавсредства тыла флотилии, стал претендовать на вымпел плавединицы флотилии, но и сам ББ приобрел какую-то горделивую осанку. Командирскую. Был замечен в ежевечерних сходах в городок и в утренних возвращениях на свой ПДК в 07.30. Трезвым.

Как-то я нагнал ББ, степенно вышагивающего по причальной стенке в сторону городка, хлопнул по плечу и спросил:

— Далеко ли путь держим, товарищ командир?…

— Палку несу. В семейный очаг…

— ?!…

— Женился. На девушке Люде.

— Ух, ты! Поздравляю. А что ж на свадьбу не позвал? И какого лешего пристаешь, чтобы моя жена запалила все печки и ушла из дома, пока не случится пожар?! … Ты Люде и поручи запалить печки и уйти…

— Дурень ты! Кто же в своем доме пожар учиняет? А потом меня же обвинят в поджоге, чтобы героически потушить пожар…

Перейдя на ПДК, ББ при каждой встрече офицеров с подводного крейсера, просил их об одном одолжении:

— Скажи своей жене, пусть включит все печки, грелки, утюги и слиняет к подругам, пока дым не повалит из дома. Я мигом размотаю свои километры шлангов, потушу пожар. Начальники скажут:

— Молодец ББ! Вернут меня на подлодку и охватят партийным влиянием. Не могу я без лодки и партийного влияния.

Правда, «палки в семейный очаг» ББ носил аж недели две.

Вскоре опять, обходя стоящие у причалов подлодки по делам дежурства, в позднее вечернее время я заприметил ББ, неспешно шагающего из городка.

— Белокурая бестия! Какая нелегкая и куда несет тебя в столь неурочный час?!…

— Не видишь, что ли? Вещи перевожу. Развелся я… — невозмутимо молвил ББ, шагая по бетонке причала и неся в одной руке выпускной альбом, а в другой — стопку журналов «Морской сборник» и «Иностранная литература».

— Что так скоро? Палок не хватило для поддержания огня в семейном очаге?…

— Дурни вы все! Семейные. Льнете к семейному очагу, как мотыльки на свет. Нет у вас полета фантазии. Пока не опалил крылышки, еще попорхаю. На крыльях фантазии …

На ниве самостоятельности и единоначалия ББ «сгорел» и окончательно. Вы помните, что на ПДК вместе с ББ пришли еще два моториста? До появления на ПДК крепили они боеготовность

флота на береговой базе. Один — Дериоко, заведовал учетом и выдачей талонов на автотопливо. Второй — Синепупов, состязался со знаменитым майором Чижом в выращивании свинопоголовья на свинарнике бербазы. Дериоко мастерски превращал талоны на автотопливо в доброкачественный корабельный спирт, а Синепупов, — «падеж» молодняка очень искусно превращал в жареных поросят. Пожалуй, жареные поросята были первичным, а вторичным — падеж. Где-то бойцов тылового фронта крепко занесло и они оказались на плавединице — ПДК. Совсем было стали забывать свою тыловую жизнь, вновь постигая заведование мотористов. Еще чуть-чуть и выбились бы в передовики плавсостава, если бы …. Если бы не появился третий. Земляк Дериоки и Синепупова, матрос автокрановщик Наливайко. На стацпричале сменили автокран. Вместе с новым автокраном и появился земеля Наливайко.

Глубокой ночью северного полярного дня три земляка — Дериоко, Синепупов и Наливайко на автокране навестили тыловой свинарник. Как известно — было бы трое, все остальное найдется. Заглушив поросячий визг извечным способом, надрались корабельного шила до собственного поросячьего визга и на автокране же отправились к месту базирования. На стационарный причал.

Ширины и длины оного не хватило для нормальной «швартовки». Не окажись на торце причала нескольких емкостей для хранения радиоактивных отходов, могучий «КРАЗ» — автокран спроворил бы земляков прямо на стол прожорливых крабов. Бог миловал. Емкости булькнули в бухту, а «КРАЗ» остался на причале. Столь шумное возвращение автокрана на свое штатное место возбудило неподдельный интерес всей дежурно-вахтенной службы всего причального фронта. И не только к его возвращению, но и к самовольному убытию. Куда уезжал? Зачем? Почему? Интерес к утру охватил и душу командования, как в тылу, так и на славном ПДК. Пока автокрановщика Наливайко возили в штаб береговой базы, на допрос с пристрастием, командир ПДК, лейтенант флота ББ, с матросами-мотористами Дериоко и Синепуповым, уже разобрался.

Отдал распоряжение о построении команды ПДК на палубе. Перепоясавшись пистолетным снаряжением, ББ, в прошлом дважды старший лейтенант, взял в руки какую-то папку и, напустив на свое лицо крайнюю степень возмущения и раздражения, вышел к своему построенному экипажу.

Пара мичманов с лицами кающихся грешников (накануне у них был явный перебор) и около десятка матросов созерцали

командира с неподдельным интересом. В строю стояли и Дериоко с Синепуповым в стадии «перенедовыпил». Именно на этом этапе, когда выпито больше, чем могли, но меньше чем хотели и… до состояния самобичевания еще ой, как далеко. Пик отваги и неутоленного желания.

ББ несколько раз прошелся перед строем. Молча. Лишь на поворотах сердито взглядывая на Дериоку и Синепупова.

Как будто решив что-то для себя окончательно, ББ остановился и изрек:

— Все! Повальное пьянство на корабле стало нетерпимым. Это прямая угроза боеготовности корабля, могущая повлечь за собой срыв выполнения задач по обеспечению стратегических операций. Я этого не допущу, всей властью командира корабля.

Матросы Дериоко и Синепупов!

— Есть! — нагловато откликнулись земляки-придурки.

— Выйти из строя!

Дериоко и Синепупов вышли из строя на два шага и повернулись к строю, оказавшись у леерных стоек правого борта палубы ПДК, обращенного к бухте.

ББ развернул папку и начал читать:

— Сегодня ночью матросы Дериоко и Синепупов совместно с автокрановщиком Наливайко, совершили самовольную отлучку на автокране. Употребив спиртные напитки, разъезжали на автокране, по счастливой случайности не утопили автокран. Этот случай говорит о том, что матросы Дериоко и Синепупов не сделали должных выводов после списания их с береговой базы на ПДК. Продолжают пьянствовать и подрывать боеготовность. Властью, данной мне корабельным уставом ВМФ СССР, приказываю: матросов Дериоко и Синепупова приговорить к расстрелу. Приговор привести в исполнение немедленно. Строй и земляки «на откате» опешили и удивленно воззрились на ББ. ББ вытащил из кобуры пистолет и навел его на Дериоку.

Бах!… — прозвучал выстрел.

Дериоко рухнул на палубу. Из-под него немедленно появилась подозрительно светлая струйка жидкости, растекающаяся по палубе. Второй выстрел прозвучал вдогонку Синепупову, сиганувшему через леера в маслянистые воды бухты. Синепупов размашисто греб в сторону ближайшей береговой осушки, сопровождаемый хохотом сотоварищей и криками ББ:

— Вернись! Я все прощу!…

Смекнувшие о розыгрыше мичманы и матросы своим гомерическим хохотом пробудили от обморока Дериоку, вынужденного немедленно отправиться в душевую. Хорошо смеется тот, кто смеется после парткомиссии. ББ было не смешно.

Наставники

На исходе третья неделя похода. Миновали все натовские рубежи ПЛО, слежения за собой не обнаружили и теперь болтаемся на просторах Атлантики. Прячемся. Вдали от интенсивных океанских коммуникаций (дорог). Наша главная задача — скрытность и готовность к нанесению ракетно-ядерного удара. Прятаться нам еще пару месяцев, а потом тишком-тайком шлепать в базу. Старшим на борту — замкомдива Громов Борис Иванович.

Росточка, прямо скажем, ниже среднего, но весьма крепкого телосложения. Он уже крепко «надизелился» (от штурмана до командира дизельной подводной лодки), потом — командир атомной подводной лодки нашего проекта и вот теперь заместитель командира дивизии по подготовке командиров. Строгий в меру, напрочь лишенный хамства, весельчак и балагур. Его лицо описать мне не под силу. Каждая черточка его лица видимым образом источала открытость и доброжелательность. Он и в гневе-то был не страшен, а … обворожителен. Своей нотацией вызывал не страх у провинившегося, а стыд и искреннее раскаяние. На борту был уже опытный командир, но были еще и два командира после академии, не имеющие опыта командования атомоходом. Их-то, в основном, и наставлял Борис Иванович, будущий вице-адмирал и начальник Высших офицерских классов ВМФ СССР. Борис Иванович прекрасно дополнял командира дивизии контр-адмирала Шаповалова Владимира Семеновича. Они были чем-то похожи. Не только ростом, кряжистостью, обстоятельностью и обаянием.

Подводники, от матроса до командира, за глаза, величали комдива — папа Шапа, а замкомдива — дядя Боря. Достойным подражания был и начальник штаба — капитан 1 ранга Юшков Виктор Владимирович, диссонирующий комдиву и замкомдива только одним — ростом. Гигант! Ручища — с совковую лопату. Силы — немеренно, а доброта плещет через край. Он тоже имел «кличку» — Нюша. Видимо, производную от НШ и Юшкова. Его почему-то побаивались. Особенно … офицеры штаба. Не раз слышал тревожный клич какого-нибудь штабиста: «Атас! Нюша идет! Сейчас даст нам пи…ды!». Со времен лейтенантской юности, до отставной скамейки ветерана, заслышав слова песни из кинофильма «Офицеры»:

«Наш командир боевой,

Мы все пойдем за тобой…» — немедленно отношу их к этим офицерам-адмиралам. Они были нашими Наставниками. С

большой буквы.

В семидесятых годах, деградирующая «руководящая и направляющая сила общества» начала плодить новую плеяду генерал-адмиралов. Под стать себе. Держиморд и скалозубов. Есть! Так точно! Никак нет! Ешь твою мать!!! Вижу грудь четвертого дурака, считая себя первым.

Но… Мне несказанно повезло, что я еще застал Жуковых, Кузнецовых. Наших Кутузовых и Ушаковых. Помимо Бориса Ивановича, командиров-стажеров, были и другие нештатные личности на борту. Один из них — однокашник Бориса Ивановича, но в чине капитан-лейтенанта. Кузнецов Борис Александрович — командир группы ОСНАЗ. Радиоразведка. Пахари моря. Считалось, что их выходы в море на подлодках сродни или близки к увеселительному морскому круизу. А что? Чем не круизный режим, если лодка подвсплывает на сеанс связи и определения места не более, чем на 5-10 минут и раз в сутки? Послушал эфир, обработал информацию, доложил командиру и … рога в подушку. До следующего подвсплытия. Рай для отдельно взятой группы ОСНАЗ, на отдельно взятой подводной лодке! Так считало их высокое береговое начальство. Экономило на «нештатности» групп и запрягало группы на безвылазность из морей. Вернулись из похода на одной подводной лодке, а под парами уже стоит другая. Хорошо еще, если на пару — тройку дней удастся заскочить домой, детей пересчитать, женушку провернуть вручную. Все. Иди дальше, нажирай холку, барствуй! Штатная категория командира группы — капитан-лейтенант. А зачем ему звезды средней величины давать? Групман — он и есть групман. Пусть он довольствуется малыми звездочками. Их у него на каждом погоне по горсти. Как на звездном небосклоне. На борту к этим ребятам относились весьма уважительно.

* * *

Рай боевого патрулирования заключался в том, что его размеренную жизнь (боевая готовность № 2, подводная), трехсменная вахта и, в промежутках — сон, еда, досуг (балдей — не хочу!), слегка омрачали лишь : боевые тревоги для подвсплытия на перископ, занятия, тренировки, учебно-аварийные тревоги по борьбе за живучесть корабля. Это все планово. Внепланово — обнаружение слежения за лодкой и … фактические аварийные ситуации.

Основная заповедь подводника — при обнаружении нештатного появления воды или запаха гари — немедленное

объявление аварийной тревоги для всего (!) корабля. Учебные тревоги объявляли только командир и старпом, но аварийную тревогу обязан был объявить любой (!), находящийся на борту человек. Первое поколение атомных подводных лодок было весьма щедрым на различные штучки, стыдливо именуемые «аварийная ситуация». Не погрешу против истины, если скажу, что это «добро» выплывало не менее одного-двух раз в сутки. Поэтому учебно-аварийных тревог почти не объявлялось. Фактических хватало. Но не об этом речь. Собирался коротенько рассказать о своей «мести» приятелю за его «козу» при сдаче зачетов на берегу, а сам шлындаю вокруг да около.

Короче. Прорвались мы на просторы Атлантики и зажили «райской» жизнью. Я — штурман, а приятель — уже помощник командира, капитан 3 ранга Жуков Борис Петрович. Но без допуска к самостоятельному управлению кораблем. И на счет «приятеля» я несколько подзагнул. Он заканчивал штурманский факультет училища в год, когда я там появился в первый раз и, разинув рот, слушал травлю моряков на Минном дворе училища. Но сейчас я уже был командиром БЧ-1 («бычком» — старшим штурманом), а помощник командира, хоть структурно и относился к группе командования атомоходом, но фактически был, более близок к «бычкам». Опять же, оба были штурманами и выпускались из одного училища. На берегу он носился с зачетными листами, по суровой необходимости, а я, прямо скажу, из чувства здорового карьеризма.

Борис Жуков, зная о «примочках» флагминера флотилии, пройдя через зачет у него, науськал меня на «протокольный» коньячок. Оказавшийся прокольным.

Сейчас у нас, белизной простыни перед брачной ночью, сияли по два зачетных листа. Зачетный лист — это многостраничный манускрипт с графочками. На каждого флагмана — несколько графочек. Зачетный лист пакуешь в папку и, совмещая свои и флагмана, временные возможности, стремишься заполучить в графочку оценочку и подпись. Оценочки ниже «хор» считались подтверждением твоей полной идентичности с двугорбым верблюдом. Поэтому к некоторым флагманам приходилось бегать до … измора оного или получения «хор». Измор флагмана — путевка на берег, а не на капитанский мостик. Вот уж тут совали нас носом в свое дерьмо, как нашкодивших котов, славные наши «флагмехи» — мотыли! А как валтузили кандидата в командиры флагманские: медики, химики, физкультурники? ОУС (отдел устройства службы)?! Если бы вспыхнувшая звезда на небосклоне маринистики — Александр Михайлович Покровский прошел стезю зачетов на самостоятельное управление кораблем, он бы

свои «покровки» черпал ежесуточно и ведрами. И очень долго. До бесконечности. Валентин Пикуль, царствие ему небесное, не исчерпал кладезь архивов, ушел из жизни. А здесь и не надо было тратить время на археологию архивов. Каждая графочка зачетного листа — байка морская, на зависть Станюковичу, Соболеву, Пикулю и Покровскому с его «братьями». Впрочем, Саше Покровскому, кажется, хватает для маринистики и своего опыта службы на потаенных судах химиком…. Опять направился «не в ту степь».

Вернемся к нашим баранам, то бишь ко мне — штурману и Борису Жукову — помощнику командира, и к тому моменту, когда наш атомный подводный ракетоносец вступил в полосу «райской» жизни. На наших листах, при заполненных графах всеми флагманами (а крови-то они нам попортили — не передать. Животворной осталась самая малая толика), остались графочки (на двух листах) командования дивизии, флотилии и флота.

— Штурман! Нам с тобой здорово повезло. На борту Борис Иванович. Давай будем насиловать его днем и ночью, как только появится в штурманской рубке …

— ?…

— Что вылупил зенки? Дурень! Будем насиловать зачетами …

— Скорее он нас будет насиловать, а не мы его …

— Не цепляйся. Это не важно, кто кого будет насиловать… Ты только не забывай меня оповещать, когда он будет появляться у тебя… Шепни вахтенному офицеру… Он меня разыщет, и я тут же примчусь. Я и зачетные листы буду хранить у тебя, в штурманской рубке. Идет?

— Заметано!…

Мы начали «насиловать» Бориса Ивановича. С предварительной разведки боем — определения пристрастий Бориса Ивановича. Поскольку в моем дальнейшем повествовании будут фигурировать три Бориса, то для краткости условимся: Громов Борис Иванович, замкомдива — Б.И., Жуков Борис Петрович, помощник командира — Б.П., и командир группы ОСНАЗ, — Кузнецов Борис Александрович — Б.А. Идет?

Поехали «насиловать» Б.И. Он великолепно играл в шахматы, настольный футбол и самую распространенную игру подводников и кавказцев — нарды (коша или шишь — бешь, по-флотски). Играл Б.И. великолепно и в соперниках признавал только достойных противников. Расстраивался только в двух случаях: когда ему попадался слабый соперник и когда сильному удавалось у него выиграть. Когда это случалось, он отодвигал нарды, шахматы, «футбол» и заявлял:

— Не игра, а поддавки (слабак попался), или ….

— Что-то нет у меня полета мыслей. (Проиграл). Засиделся я что-то. Надо размяться.

— Пригласите ко мне помощника командира! — в том и другом случае.

Б.П. мигом прибегал.

— Борис Петрович! Не возражаешь, если мы прошвырнемся по кораблю?

— Никак нет!…

— Вот и славненько …

И они отправлялись «прошвырнуться» по кораблю.

На Солнце тьма пятнышек и пятен. А на корабле? То-то.

После прошвыра они возвращались в центральный пост — ГКП (главный командный пункт — 3й отсек) и заходили в штурманскую рубку.

— Штурман! Ну-ка глянь, что у тебя делают бойцы в гиропосту …

И я уходил в гиропост, ниже палубой. Кстати, рядом с гиропостом была у нас курилка, куда вечно толпилась очередь. Пока Б.И. беседует с Б.П., на ГКП неотлучно находятся командир и старпом, что позволяло мне, как вахтенному штурману, юркнуть в курилку без очереди. Во что выливались «прошвыры» для Б.П., рассказывал он сам.

— Помощник! Ты-то теперь понимаешь, по чему мы с тобой прошвырнулись? Это не корабль, а лохань! Глаза бы мои не глядели! … вполголоса говорит Б.И., притянув Б.П. за пуговицу репсухи (васильково-синенькая спецуха, «РБ» — называется),…

— Ты согласен?…

— Так точно!… — ответствует Б.П.

— Вот видишь! Я уж не буду командиру и старпому раскрывать глаза на то, как они успешно превращают боевой корабль в задрипанную лохань. Да и не их в этом вина, а твоя… Осмотрись и почаще, почаще бегай по кораблю. Проникайся к нему любовью, как к девушке… Он тебя отблагодарит…. Понял меня?

— Так точно! Та-ащ …

— Борис Петрович! Ну что ты все долдонишь, как матрос-первогодок, — есть! так точно! никак нет!? Я ж тебе не поревододралово здесь учиняю. Не рога отшибаю, а на путь истинный наставляю. Понял?

— Понял, Борис Иванович. А можно вопрос? … — мгновенно реагирует Б.П. на смену обстановки.

— Валяй!…

— Борис Иванович, зачетик мне бы сдать … кидается, как в омут, Б.П.

— Во, оборзел помоха! Два часа вынуждал меня шататься по дерьму, а теперь суется с зачетным листом! А по морде не хочешь? Ступай отсюда, пока не поздно!…

Б.П., ланью быстрой, выметался из штурманской рубки и, ссыпался в курилку. Корчил радостную гримасу и врал мне, что «почти сдал зачет».

— Иди быстрей в рубку, может и тебе удастся что-то сдать …

— Это-то после променада по кораблю? Ври, да не завирайся…

— Ладно, ладно. Не выпендривайся и дуй в рубку.

Я мчался в штурманскую рубку. Б.И. шерстил навигационный журнал и что-то сосредоточенно вымерял на карте.

Торчу столбом, упираясь головой в подволок рубки.

— Я тебе сколько раз буду говорить, чтобы ты не торчал рядом со мной столбом. Сядь на сейф и немедленно… — бурчит Б.И.

Усаживаюсь на сейф с картами.

— Вот теперь и побалакаем, глаза в глаза … — удовлетворенно хмыкает Б.И.

Дотошно разбирался с моими расчетами счислимого места и, если мне удавалось его убедить, делал утверждающую запись в навигационном журнале. Но бывало, что не утверждал.

— Ну, брат, что-то ты здесь намудрил с расчетами! Это не счислимое место, а район счислимого места. На подвсплытии сам определюсь. Если врал — выпорю на конюшне! Понял?

— Понял, Борис Иванович…

— То-то же! А сейчас позови мне Бориса Александровича…

Приходил Б.А., однокашник Б.И., капитан-лейтенант, но самый сильный и неподкупный (он не считал для себя возможным проигрывать из лести кому бы-то ни было) соперник. Они располагались на диванчике в штурманской рубке и начинали игру. Это была не игра, а битва титанов. На равных. С переменным успехом. По множеству партий, их число (партий) строго обусловливались. Игра прекращалась только на период общекорабельных мероприятий (еда, подвсплытие или по фактической аварийной тревоге, иногда — по выходу в условную атаку по случайной цели) или, по обоюдному согласию на «ничью». Оба оставались весьма довольны таким исходом, Б.И. — источал добродушие, а Б.А. бахвалился в кулуарах курилки, что:

— Б.И. начинает кое-что соображать в игре. Это приятно. Но… придется его пару раз отодрать, как сидорову козу, чтобы не зазнавался ….

Когда игра заканчивалась победой Б.И., в самое кратчайшее время весь корабль знал, что:

— Понапихают в прочный корпус слабаков, зелени подкильной и … не с кем перекинуться в интеллектуальную игру …

Это вещал Б.И. Светился довольством на весь ГКП, ярче подволочных корабельных светильников. Курилка ржала над Б.А.:

— Что-то ты сегодня, Б.А., весьма смахиваешь на сидорову козу …

— Дурни вы стоеросовые! Я же специально поддался, чтобы он вас не драл, как сидоровых коз…. Неужели вы этого не понимаете? … оправдывался Б.А.

А в это время Б.П. на рысях мчался на ГКП, хватал в штурманской рубке свою папку с зачетными листами и начинал усиленное «слежение» за всеми перемещениями Б.И., периодически настигая его и вскрикивая:

— Борис Иванович! Зачетик бы мне сдать…

— Отстань! Дай осознать и осмыслить триумф победы … уклонялся Б.И. Когда о триумфе победы узнавали старпом, командир и два командира-стажера, Б.И. зычно, на весь ГКП, заявлял:

— Б.П.! Марш на конюшню (штурманская рубка)! На экзекуцию! Пока Б.А. зализывает раны, я понюхаю, чем дышит помощник…

Через час-полтора Б.П., взмыленный, но довольный, вываливался из штурманской рубки и утробно ревел:

— Законопатил еще одну (две-три) графочки!…

Он очень быстро просек ситуацию, благоприятствующую сдаче зачетов и оседлал ее прочно. Вот что значит многострадальный опыт! Капитан 3 ранга, а не старлей, кем я был в ту пору. В сдаче зачетов он резко вырвался вперед и это несмотря на то, что Б.И. не менее полусуток проводил в штурманской рубке. Ежедневно.

— Боря! Поделись опытом с салагой. Образумь несмышленыша. Мне очень редко удается расколоть Б.И. на зачет. Уклоняется, как от торпеды. Быстро и решительно!… — прошу Б.П.

— Не спеши в пекло поперед батька! Служи, как пудель, салага, и учись, пока я жив!… — регочет Б.П.

Но и карась-салага не дремал. Очень скоро выявил, что Б.П. нашел способ планирования успешной сдачи зачета. Способ был прост, как репа, но требовал строжайшей конспирации.

— Боря, выручай! — подкатывает Б.П к Б.А.

— Мне сегодня сдавать зачет. Продуй Б.И., что тебе стоит? С меня, сам понимаешь, бутыльброд…

Принципиальность Б.А. рассыпалась, как карточный домик в

предвкушении стопаря шила с бутербродом, украшенным икоркой.

Поломавшись несколько секунд для приличия, Б.А. соглашался:

— Ладно, так уж и быть. Готовь бутыльброд, а я пошел на плаху к Б.И…..

Когда начиналось сражение титанов, Б.П. мчался в свою каюту, судорожно листал конспекты и книжки по спланированному зачету. И ждал моего кодированного сигнала — «Дыня». Пока Б.И. рассказывал, как он «разделал под орех» Б.А., тот заглаживал горечь поражения шильцом, разведенным по широте Заполярного круга. Под красную икорку.

Далее Б.А. отправлялся в курилку, а Б.П., получив мое оповещение, мчался к Б.И. Графочки у Б.П. успешно заполнялись, а на мои у Б.И. не находилось времени.

— Б.П. ближе к провизионкам, а я ближе к Б.И. Надо этим воспользоваться … — наконец-то сообразил и салага.

Очередной сговор Б.П. с Б.А. Сражение с заведомо известным исходом, но… — я не даю сигнала «Дыня» помощнику, а сам подкатываю к Б.И.

— Борис Иванович! Сил нет, как хочу сдать зачетик…

— А что? Давай-ка и тебя проверим на герметичность… — светится благосклонностью Б.И.

Через полтора часа, под зубовный скрежет Б.П., и я хвалился парочкой заполненных графочек. Б.И., отвергнув притязания Б.П. на сдачу зачета, отправился в каюту. Передохнуть.

Б.П., затолкнув меня в штурманскую рубку, учинил разбор полетов. Внешне Б.П. был совершеннейшим симпатягой. Среднего роста. Ладно скроен и крепко сшит. Всегда с аккуратной прической белокурых, вьющихся волос. Глаза — серо-голубые, с белыми, но длинными ресницами. Ариец, да и только. Говорит четко и понятно. Не мусорит свою речь лишними междометиями. Матерным языком не злоупотребляет, кроме случаев крайнего возбуждения или гнева. В гневе его прекрасное русское лицо преображается далеко не в лучшую сторону. От внешних дужек ноздрей, двумя скобами до подбородка образуются уродливые складки. Голос, баритон, начинает заполняться желчной скрипучестью. Симпатяга остался за дверью штурманской рубки, а передо мной скрипел и громыхал громом непосредственный и старший начальник в одном лице.

— Штурман, бля! Ты какого х… не оповестил меня, а сам полез к Борису Ивановичу?…

— А что, нельзя? Чего это ты уготовил для меня роль оповестителя?…

— Да ты что дуриком-то прикидываешься?… Я пою, кормлю Б.А., чтобы он проигрывал, а ты будешь пожинать плоды? Вот те х…!… — в запальчивости раскалывается Б.П.

— Вот те раз! Ты что, и в самом деле ченчуешь с Б.А. таким образом?… — изображаю удивление.

— Ты только об этом не проболтайся. Иначе нам всем хана … — разом сникает Б.П.

— Не проболтаюсь. Ну, а ты, Борис Петрович считай, что это был мой ответ лорду Керзону …

— Какой ответ и какому еще Керзону?…

— А помнишь, как ты меня науськал заявиться к флагминеру флотилии с «протокольным» коньячком?…

— А-а! Ха-ха-ха! … — развеселился Б.П., и вновь стал обаятельным мужиком.

— Подписываем конвенцию о предотвращении инцидентов в море? … — продолжая смеяться, предложил Б.П.

Весьма своевременно. Ибо Борис Иванович начал охладевать к игре в одни ворота. Подвернувшийся случай вновь разогрел его интерес.

— Не найдется ль для мальца полстаканчика шильца … — промурлыкал Б.А., как-то появившись в штурманской рубке. В руках он мял хорошую тараньку.

— Шила в мешке не утаишь! Сейчас, Б.А., спроворим. В самый раз будет, обед на носу. Перо — сам Бог велел!… — поддержал я его усмирения, достав канистрочку из сейфа.

— А ты что, не будешь что ли? … — завидев на прокладчике один стопарь, удивился Б.А.

— Извини, нет. В море у меня это дело организм не принимает. Даже вино не пью…

— Не может быть! Ты либо больной, либо малахольный. Впрочем, как знаешь … — Б.А. выверенным движением отправил содержимое стакана по прямому назначению. Крякнул, нюхнул тараньку и стал ее чистить.

— Ты, вот что … скажи вестовым, чтобы они твое вино мне отдавали. Идет?…

— Где наше не пропадало? Идет. Только ты должен будешь выигрывать у Б.И. тогда, когда я скажу. Идет?… — выставил я свое условие.

Для чего? Я и сам не знал. Видимо из подспудного духа противоречия, Б.П. просит об одном, а я о другом.

Посасывая ломтик тараньки, Б.А. уставился на меня несколько удивленным взглядом, что-то прокрутил в мозгу и молвил:

— Это не проблема. Отдеру, будь спок. Только на фига это

тебе надо?

Но ни словом не обмолвился о том, что Б.П. просит о противоположном. Как к концу похода признался нам Б.А., в этой ситуации он мгновенно просчитал открывающиеся перспективы.

Выиграл — получил приз, проиграл — опять приз. Не жизнь, а малина!

— Ну-ну, сказал я сам себе. — Я этих салаг раскручу так, что они с ночи будут думать о том, как обеспечить мой предстоящий день. Чтоб все было чин-чинарем: перзав, перо и перу. Небольшое пояснение. Перзав — лечебно-профилактический стопарь перед завтраком, перо — законный, наркомовский, перед обедом, и перу — поощрительный, после трудов ратных, перед ужином.

Турниры Б.И. и Б.А. приобрели более напряженный характер, но … завершались в рамках, строго оговоренных секретной конвенцией. Ничья — мой день сдачи зачетов. Победа Б.А. — променад по кораблю. Не без головомойки Б.П. Чего греха таить, в этот день и мне доставалось от Б.И. в результате круглосуточной близости. Не забывал в этот день спустить на меня собак и Б.П. Как-никак помощник командира, каптри и на пару лет старше по возрасту. Всегда, в любой день, был доволен и сладострастно потирал руки Б.А. Каплей. Групман. Как-то выявили слежение за собой и много суток носились по океану, пытаясь оторваться. Вроде бы оторвались, а может, американцы натешились погоней и решили дать передых своим противолодочным силам, да и уже пора было смещаться в сторону дома. Турниры возникали спонтанно и слабо соответствовали условиям конвенции. Несколько «ничьих» подряд, утвердившееся доверие Б.И. к работе штурманской боевой части позволили мне по графочкам сравняться с Б.П. Допустил непоправимый промах и сам Б.П. Как-то имел неосторожность упрекнуть Б.А. в борзоте и невыполнении конвенции:

— Не слишком ли много «ничьих»? Не оборзел ли ты Б.А.? Может мне пора лишить тебя стопаря? А?…

— Ах, так! Ну, ты еще побегаешь за мной, как половой в кабаке, с рюмочкой и икоркой на подносе!… — вскипел праведным гневом каплей Б.А.

Разносил он Б.И. на всех полях: шахматном, футбольном и коши. Променад по кораблю стал столь частым, что Б.П. почти не появлялся на ГКП. Убегал в корму до самого девятого и десятого отсеков. Лично руководил командирами отсеков по возвращению «лохани» в первозданный вид корабля-атомохода. Почему-то он решил, что в этом прослеживается рука штурмана.

— Ну, бля, штурман! Это твои ответы лорду Керзону? Ты у

меня на берегу напляшешься, через день будешь носиться с «макаровым» (пистолет») на жопе, по патрулям и дежурствам, как баба с писаной торбой… — как-то выпалил он, ворвавшись в штурманскую рубку.

— ?!…

— Не делай вид, что ничего не понимаешь… — и убежал, не утруждая себя мнением второй стороны.

До прихода в базу мы не общались. Породнить меня с «макаровым» (помощник расписывает офицеров корабля на все наряды) ему не пришлось. В горячности он, видимо, забыл, что я был с другого экипажа и сойду с корабля сразу по возвращении в базу. Будем служить на одной флотилии, но на разных кораблях и на разных дивизиях. От наставничества Бориса Ивановича Громова, и не только в этом походе, мы очень много получили хорошего.

Через десяток с небольшим лет Борис Петрович Жуков приведет новейший и мощнейший рпк СН 667-БДРМ проекта на нашу флотилию. К этому времени я, четыре года откомандовав рпк СНом (ракетный подводный крейсер стратегического назначения) 667-БД проекта, уже два года был в должности замкомдива по подготовке командиров и стремился, хоть в чем-то, походить на моих адмиралов-наставников. Их наставления хотелось и надо было записывать в ЗКШ. И хранить вечно. Что я и делал. Сейчас, с удовольствием, озвучиваю.

Сироты

Октябрь-ноябрь, гнуснейшая пора для обитателей одной шестой части планеты Земля, под названием: Российская империя, СССР, Россия, — одним словом — Русь. Как она только не называлась, как не перестраивалась, но от злого рока ей не удается избавиться. Преследует родимую Русь всякая гнусь в эту пору, хоть плачь! Испокон веков, ежегодно и именно в эту пору, на нее сваливаются хляби небесные, вероломно и неожиданно. Этому явлению нашли объяснение — география, мол, такая. География — географией, но не мешало бы и предупреждать о дождях и снегах. Но чем объяснить сваливающиеся на нее напасти, право слово, как снег на голову — но другого плана и в эту же пору?! Всякие там перевороты, стрелки, разборки — после которых кровь людская, хоть и не водица, но плещется и льется через край, как хляби небесные. Разве это не злой рок?

Триста лет династия Романовых нещадно порола людей, подсчитывая цыплят на эту пору. Чтоб ни одного цыпленка не утаили. Знавала Русь отцов-детоубийц, матушек-мужеубийц, отцов-рогоносцев. Знавала Русь царей-батюшек и матушек-цариц, и знавала их порки. Изведала порки батюшек-императоров и матушек-императриц. География творила свое пакостное дело, а батюшки — матушки вытворяли свое. Хоть так, хоть сяк — все едино! Хоть портки не одевай, в ожидании порки — неминуемой. И не одевали. Ходили и ходят без портков до сих пор. А как же иначе-то? Ведь что получилось-то?

Устав молиться Богу о ниспослании отца-императора, разгневались и низвели под корень батюшку-императора. Посадили на свою голову Вождя — небожителя. Вывеску «Российская Империя» вместе с крышей коронной и двуглавым орлом на ней сшибли оглоблями. Втоптали в грязь худыми лаптями. Приколотили новую вывеску, из коряво вырубленных букв: С.С.С.Р (се-се-сер, значит на всех насер!) А на крыше вождь, с таким прищуром глаз, как будто он целится вжарить дуплетом по деду Мазаю вместе с его зайцами. Бога выкинули, императора распяли, Вождя вознесли, а поскольку и совсем остались без портков, то хрен положили на географию! Пороли друг друга нещадно, лишь бы Вождю понравиться. Поротых и безпорточных была тьма несусветная. Из них стали делать лагерную пыль. Руками поротых, но, вознагражденных крррасными ррреволюционными штанами. Что только ни делали, а безпорточных не убавлялось.

Обрыдла зима со своим «вероломством». Обрыдло роковое

невезение с Вождями-небожителями. Что ни Вождь-небожитель, то — Антихрист. Это выяснялось, как только он заявлялся на суд Божий. Мало того, среди Вождей-небожителей стали выявляться антихристы прямо на грешной земле. Портков от этого не прибавлялось, порки не уменьшались, но уже хотелось не Вождей, а отцов, отчимов, наконец. Чтобы забыть про порки и обрести портки. География настырно намекала на необходимость ношения портков.

Была на исходе осень 1964 года.

* * *

В ЭСе — Се — Се — Ре, под гром фанфар во славу Отца подсчитывали произведенные портки и вылупившихся цыплят. Очень все хорошо складывалось в закрома Родины. Забываться стали початки кукурузы, съеденной мышами. Ну, а об извечной и ежегодной октябрьско-ноябрьской напасти и думать забыли. Пока гром не грянет — мужик не перекрестится! Это о нас, и только о нас, обитателях Руси!

Играя ракетно-подводными бицепсами, Северный флот, забыв про боевую подготовку и о волнах, бьющихся о борт корабля, ударными темпами строил монумент во славу Отца народа и атомного флота. Хоть с моря, хоть с космоса, должны были читаться золотые буквы: ОТЕЦ АТОМНОГО ФЛОТА.

Всей стране Отец, а уж атомному флоту — тем более. На сооружение монумента бросили матросов, выслуживших установленные законом сроки срочной воинской службы. Выслужить сроки — мало, надо еще заслужить «право» уволиться, хотя бы под «елочку». Закон, ведь он что дышло, куда повернул туда и вышло. Не заслужишь «право» немыслимо аккордной работой (скажем, строительство узкоколейки в степи, для заготовки леса, или моста… вдоль реки), получишь долг и обязанность перед Родиной служить после «елочки» до самой весны. В связи «с острой необходимостью поддержания установленной (тоже законом) боеготовности». Империализм со своим оскалом звериным принуждает.

* * *

Бригада аккордников была, как на подбор. Матерые мужики, мотающие пятый год срочной (!) службы. Бригадиром назначили лодочного боцмана — Кольку Романова.

До срочной службы он пять лет отпахал на ниве Ньюфаундленской банки. Тралмейстером на СРТ. Косил селедку косяками. Аккордно. Знал аккордную работу не понаслышке. Потому и назначили бригадиром, несмотря на династичность фамилии. А вышла из этой затеи октябрьско-ноябрьская напасть. Да еще какая! Мистика и злой рок, в одной куче.

* * *

А было это так.

Пропагандисты-монументалисты политотдела с помощью карандаша, туши и гуаши намалевали на листе ватмана монумент. ЧВС (Член Военного Совета, так, по-простецки, именовали себя начальники политотделов — сплошь скромняги) поставил свою одобрительную закорючку. Старпом назначил бригаду аккордников и бригадира. Вручил им лист ватмана и поставил задачу:

— Вот эта хреновина должна быть построена к выходу Приказа МО об увольнении. Не уложитесь — служить вам здесь, как медным котелкам, до полного износа. Задача ясна?

— Так точно! Тащ капитан 2 ранга, а как со средствами обеспечения? Бетон, латунь, оргстекло и прочая?… — уточнил бригадир.

— Инициатива, инициатива и, еще раз, инициатива! Плюс всепоглощающая любовь к Отцу! Шильный раствор — в особых случаях. Партийно-политическое обеспечение — пропагандисты политотдела. Ясно? Есть вопросы?…

— У матросов нет вопросов!… — радостно оскалабился рыже-щетинистый бригадир.

В эпоху «сухого» закона шильный раствор служил великолепной отмычкой дверей любых складов с любыми материальными ресурсами. Шильный раствор — чисто моряцкий слэнг. От шила — корабельного спирта. Отсюда и пословица: шило в мешке не утаишь. Опять же, одеколон «Тройной», употребляемый Колькой Романовым, как дезинфицирующее средство, три-четыре раза в день, по флакончику вовнутрь, уже поднадоел и вызывал изжогу.

— Пропагандисты-монументалисты! Вы слышали? — У матросов нет вопросов!…

Отныне — все светлое время суток, они в вашем распоряжении… — завершил старпом постановку задачи.

Над Западной Лицей, да и вообще над всем Баренцевым морем полыхал полярный день. Самая благодатная пора для

монументального строительства, воровства и прочих шильно-растворных деяний. Это называлось обустройством флота и войск хозяйственным способом. Все, как в бою. Как на войне. Был флот, войска и партизаны, вооруженные строительными материалами, ловко превращаемые в живительную влагу шильного раствора.

* * *

Так уж водится в рядах пропагандистов — любое дело начинать с зажигательного митинга. Политическое обеспечение началось с небольшого экскурса в историю. Рассадили бригадку Кольки Романова на теплый базальт — основание будущего монумента и поведали им о силе любви и инициативы масс в любом важном деле.

Как говорится, от любви до ненависти — один шаг. Очень большая любовь была между коммунистами и национал-социалистами в конце тридцатых годов. Чуть ли не весь германский флот ныкался в Западной Лице, гостюя у коммунистов. Недолго музыка любви играла. Поссорились. К Западной Лице, из Норвегии, поперли горные егеря генерала Дитля. Понравилось немцам «гостевать», решили там похозяйствовать.

В Мурманске сколотили полк добровольцев народного ополчения. Поставили ему задачу:

— Ускоренным маршем, на своих двоих, выдвинуться в долину реки Западная Лица (130 км от Мурманска), оседлать ее и набить морду егерям.

Вооружили полк политруком с одним учебным наганом (дырка в казенной части ствола) и,… Марш! Выдвинулись, оседлали, набили морду егерям, вооружились их оружием и продолжали хлестать егерские морды всю войну, превратив долину реки Западная Лица в Долину Смерти. И ваших, и наших. Сейчас она называется Долиной Славы. Егеря не прошли! А мы остались. Генерала Дитля с его егерями и со всеми потрохами, выкинули в Норвежские фьорды, откуда они и пришли. Вот так-то вот!

— Ваша задача-семечки, по сравнению с теми, которые решали ваши отцы и деды! Так что, братцы, вперед! Восславим Отца нашего, родного, за его мудрость и круглосуточную заботу о нас!… — завершил свой экскурс в историю пламенной агиткой пропагандист, трибун, глашатай и монументалист политотдела.

Запалил матросские сердца!

Работа закипела. Аккордники творили чудеса трудового

героизма. Почище комсомольцев Павки Корчагина.

Колька Романов, как Фидель Кастро, дал себе зарок, не сбривать бороду до конца стройки. Ходил, как Распутин, с бородищей, но огненно-рыжей. Благоухал не интеллигентным «тройным» одеколоном, а пролетарско-моряцким шильным духом.

Залетавшие сентябрьские «белые мухи», не только не ослабили трудовой энтузиазм, но как бы и подстегнули трудовой порыв. Пока зима канифолилась на стартовой позиции перед броском на полярные сопки, детище Кольки Романова гигантской глыбищей бетона спорило своей монументальностью с окружающими базальтовыми скалами. Лучилось, как маяк вселенной, своими латунно-золоченными, аршинными буквами:

ОТЕЦ АТОМНОГО ФЛОТА

А ниже, по всему полю стены монумента, горели золотом квадраты рам-окон, высвечивающих историческо-заботливые деяния Отца на ниве многотрудной, круглосуточной заботы о благе народном. Вехами жизненного пути. В каждом оконце — по вехе! От беспорточного свинопаса с прутиком в руке, до многомудрого Кормчего, с жезлом Генсека. В той же руке. Дух захватывало от монументальности и правдивости! Умилялись приезжие, только-только сойдя с т/х «Кировабад» на контрольный причал.

В космосе роились разведспутники, запечатлевая монумент во все свои ячейки фотопамяти.

В буйный восторг от матросского творения пришел ЧВС и изрек, без обиняков:

— Ма-ла-дец Романов! И ребята твои молодцы!! Будете уволены в первую очередь!!! Как только, так сразу…

Монументалисты-пропагандисты, насверлили дырки на своих кителях. Чтобы тоже, как только, так сразу… нацепить ордена. Они же тоже пахали!

* * *

Колька Романов ходил гоголем, но бороду сбрил. Старпом присоветовал:

— Романов! Ты пока свою рыжую метлу сбрей. Вдруг еще понадобится, под какой-нибудь зарок ее отращивать?…

Старпом как в воду глядел. Но и матерый морячина, Колька Романов, доподлинно знал, во что могут выливаться «разногласия» со старпомом. Безоговорочно сбрил бороду. Рыже-огненно щетинился и опять перешел на интеллигентную

дезинфекцию тройным одеколончиком, и еженощно докучая «чайнику» (обеспечивающему офицеру), своими «тайными вечерями» сотоварищи, под жареную картошечку.

Как всегда и опять, над Западной Лицей, над всем Северным флотом, над всей страной СССР, вероломно-неожиданно закружились октябрьско-ноябрьские напасти. Снег, морозы и вихри московской подковерной пыли, вперемешку с лагерной и все это, вместе с полярной ночью, накрыло скалистые берега губы Западная Лица, как пыльным мешком. Ни зги не видно и дышать нечем! Обстановка, обрисованная пропагандистами-коммунистами, требовала принятия незамедлительных мер. Еще более аккордных, нежели в полярный день!

Отец оказался вовсе не отцом, а ханыгой. Право слово: — Фу-у, ты е… т…. М…ь!

* * *

— Романов! Хватит считать метры селедки и ведра компота! Строй свою бригаду и, произведи преобразование монумента «ОТЕЦ АТОМНОГО ФЛОТА» в монумент защитников Заполярья. И чтобы мигом! Пока темно. Обеспечение: краска — корабельная, хоть залейся! Шильного раствора — кукишь! ДМБ — как только, так сразу! Есть вопросы?

— У матросов нет вопросов!… — ответствовал Колька Романов, хотя глодал его душу немаловажный вопрос. Он его приберег до … как только, так сразу.

Ломать — не строить!

По этой части на одной шестой части планеты Земля навострились до оголтелости. Только гикни: — Сарынь на кичку! — До мантии Земли все разрушат и раскидают.

Еще не улеглась пыль, вырвавшаяся из под кремлевских ковров на белоснежные сопки Заполярья, бетонной стене монумента корабельной краской и умелыми боцманскими руками был придан вид твердыни, типа линии Маннергейма. На бетонной стене, закамуфлированной под базальт, корабельным кузбаслаком было начертано:

ОБ ЭТУ ТВЕРДЫНЮ РАЗБИЛИ СВОИ МОРДЫ ФАШИСТСКИЕ ЕГЕРЯ!

Скромненько и со вкусом. Правдиво и доходчиво!

* * *

Колька сотоварищи стал ждать, когда настанет момент: как только, так сразу! Поступила очередная команда: денными и нощными политзанятиями и политинформациями просветлить мозги народу относительно истории. Новой и новейшей! На итоговом политзанятии, убедиться в просветленности и… там видно будет. К итоговому политзанятию Колька Романов созрел окончательно для решения животрепещущего вопроса. И вот настал день окончательного «просветления».

Колька Романов поутру плеснул в ладошку граммулечку одеколона «Тройного», сдобрил им свою суточную огненно-рыжую щетину. Произнес свою сакраментальную фразу:

— С вашим, бля, сухим законом, от всего отвыкнешь!… — забулькал пузырек по прямому, в Колькином понимании, назначению. В желудок. Чтоб червячка заморить. И отправился на итоговое «просветление». Знал свое династично-годковское и бригадирское место среди сотоварищей. Прямо в эпицентре годковской «камчатки». «Камчатка», поголовно, щетинилась и стреляла взглядами по офицерам, сидящим за столом просветителей: московскому флагманскому комсомольцу, замполиту подлодки и лейтенанту, штурманенку подлодки. Картина «камчатки» выглядела — , ну прям, как на исторической фотографии: Ильич среди участников подавления кронштадтского мятежа.

Это когда кронштадтский Совет сунулся со своим письмом-советом к кому (?!), к самому Вождю!

— Счас! Я вам, пгаститутки, насоветую!

Съезд! В ггу — жье! (В ружье!)

Гга — ст — стрелять советников-ггевезионистов к такой-то матери!

По — гго — лов — но!!!

Съезд, сплошь из лихих швондеров в крра — с — ных рре — во — люцион — ных штанах, смотался в Кронштадт. Перестрелял, переколол штыками почти всех поголовно: и «пгга — сти — ту — ток»-советников и зараженного ими населения. От мала до велика. Но не всех. Часть кронштадтского люда удрапало по льду Финского залива в Финляндию.

Вождь решил осчастливить участников съезда и подавления «мятежа» своим ликом небожителя. На фото. Всем вместе. Для истории.

— Мо — лод — цы, что подавили! Плохо, что часть пгга — сти — ту — ток удрала. Ну да хрен с ними! Даруем Финляндии независимость, пусть она с ними якшается…… и прищурился, так это хитренько-прицельно в объектив фотоаппарата… .Того и гляди скажет:

— Попгобуй, вылети еще хоть одна птичка-слово! так жахну, дуплетом, что ни птички, ни слова, ни фотоггафа!

Ой, как хорошо финны разобрались в прищуре этих глаз! С того момента, не преставая, строят свою китайскую стену — линию Маннергейма, спасаясь от швондеровского нашествия, с их раем. Коммунистическим. Так же щурился, наверное, Вождь Ильич, когда отдавал распоряжение — извести под корень всю династию Романовых-самодержцев.

— А чего щурится точно так же бывший тралмейстер, а ныне боцманюга подводной лодки, Колька Романов?! Ведь не иначе, как решил отмочить какой-нибудь прощальный номерок… — подумал лейтенант, руководитель занятия и, волею судьбы, начальник рыже-щетинистого строптивого боцмана. И точно!

Вверх взмыла рыжеволосая лапища боцмана. Как у Ильича на броневике.

— Тащ лейтенант! Можна вопрос?…

— Можно!

— Тащ лейтенант! Ответьте мне, всем нам (круговой жест лапищей, как перед броском сигнального конца), теперь мы что — си-ро-ты?!…

По лицу лейтенанта забегала маска мыслительного процесса. Труднее всего ответить на простейший вопрос. Тем более, когда любой вопрос и ответ на него должен носить «четкую идеологическую направленность, выверенную с истинным ленинским курсом!» Тут и шаровый гироскоп заблукает в пространстве!

* * *

— Романов! Я тебе отвечу на этот вопрос!… — как будто бросая спасательный круг молодому лейтенанту, из-за стола встал замполит подлодки.

Один из последних могикан-«тысячников», швыряемых на места «где тонко — там и рвется», только по одному признаку — принадлежностью к руководящей и направляющей. Это когда она завопит: Надо!

Воздушнодесантника — в окоп, кавалериста в танк, летчика — на кукурузу, а моряка — вообще в задницу! Не хватало пока у руководящей и направляющей своих, профессиональных швондеров, катастрофически. Приходилось пополняться «тотальниками». Бывший пулеметчик-мотострелок, комвзвода, комроты, комбат, а потом начштаба мотострелкового полка в нашенской Сибири загремел под фанфары «Надо!» на Северный

флот, прямо в прочный корпус подлодки. Надо — значит надо!

— Я чую подоплеку твоего вопроса, Романов! Но можешь не переживать. Теперь я буду, еб тать, вашей мамой и папой!… — сказал замполит.

Хохотнул при этом и прикрыл свой рот и орлиный нос, по обыкновению, ладошкой.

Громогласный регот Кольки Романова сотоварищами, как нельзя лучше, засвидетельствовал эффективность итоговых политзанятий и абсолютную просветленность будущих бойцов трудового фронта относительно истинности ленинского курса. Был бы замполит, а уж он-то найдет и отца, и маму! Урр-а-а!

* * *

Романов сотоварищи, вроде бы уже и не совсем сироты, разъедутся по городам и весям гигантской страны. Щетинисто-рыжий Колька Романов вновь станет тралмейстером на СРТ (средний рыболовный траулер). Опять будет «косить» селедку на Ньюфаундлендской банке. Под завывания ураганов Атлантики, среди сотен голосов радиостанций с «оголтелой антисоветской империалистической пропагандой» будет настойчиво ловить знакомый голос Москвы. С вестями: с полей, шахт, заводов о трудовой поступи… …. Под многомудрым руководством нового Батяни. Будет радоваться сердце моремана Кольки Романова и наполняться всепожирающей любовью к новому Отцу.

Отыскали-таки под кремлевскими коврами, в пыли новой истории, новейшего, самого настоящего отца для Кольки и всего СССР. Не отца, а ОТЦА, да-ра-го-го Леонида Ильича. Ну не мистика ли это?! Опять появился Ильич!

Колька опять будет «пахать» Ньюфаундлендскую банку под неусыпным покровительством ОТЦА. Восседающего в Кремле. Под сенью кремлевских звезд и под звон звезд наградных. Колька доживет, допашет на селедочной страде до пенсии при ОТЦЕ. Правда, останется Колька без зубов и без наград.

ОТЕЦ будет покровительствовать Кольке Ро-ма-но-ву до своего сверхпенсионного возраста. До маразма! До полного своего беззубья, но со всеми мыслимыми и немыслимыми, и специально придуманными наградами.

Как говориться, по Сеньке и шапка… Мономаха.

Профилактика

Первые дни пребывания на экипаже. Вместе с сокамерником (сосед по каюте плавбазы) Валентином Бабкиным, «в тепле и уюте, в 2-х местной каюте» отужинав, перекуриваем и собираемся (переодеваемся в спецробу) идти на лодку. Изучать и сдавать зачеты. Валентин — управленец ЯЭУ (ядерной энергетической установки), по корабельному расписанию — командир группы дистанционного управления (КГДУ) и командир реакторного отсека, я — штурманенок, командир электронавигационной группы Б4-1. Оба лейтенанты. Новоиспеченные. Дверь каюты без стука распахивается, и в каюту вваливаются два старших офицера: капитан 3 ранга Леонид Завгородний — начхим (начальник химической службы) и майор медицинской службы Григорий Собко — начмед. Два кряжистых мужика с солидными военно-морскими грудями, рвущими пуговицы на кителях. На флоте — все, что выше брючного ремня — военно-морская грудь. Краса и гордость экипажа. Оба. По возрасту уступают только замполиту. Подводному ремеслу уже отдали столько «календарей», что без опаски кладут болт не только на «энту самую службу», но и на всех начальников, как по должности, так и по возрасту. Мастодонты! Динозавры подводной службы. Не пьяницы, но любители, от того и … шатуны. Стопарь перед ужином (перу), побуждает к общению и к … другим, отдохновенным стопарям. «Собратья по перу» линяют домой, на сход. Остаются только бесквартирные холостяки и соломенные холостяки. Динозавры могли бы и «междусобойчик» организовать, но… они обожали аудиторию. Не могли без слушателей. Кстати, очень походили на Ширвиндта и Державина. И друг друга подковыривали, и на других отыгрывались нещадно. Шатались по коридору офицерских кают плавбазы до тех пор, пока не обнаруживали какой-то «сходнячок». Мы почтительно исполнили стойку «тушканчик», удерживая руками не совсем одетые штаны спецробы.

— Вольно, салаги. Штаны можно надеть и застегнуть. Порева не будет… Мы пришли вас профилактировать … с металлом в голосе, заявляет начмед, усаживаясь на стул.

— Геша, ну чего ты прямо с порога бьешь мальцов обухом по голове? Про-фи-лак-ти-ровать! Видишь, лейтенанты сомлели? Глаза, как блюдца, а в них уже мольба:

— Дяденьки, мы больше не будем! Поласковее надо с молодежью. Садись, мужики, потолкуем … это начхим молвит, а сам усаживается на второй стул.

Других стульев в каюте нет.

— Можете присесть на коечку. Рядышком… добреет начмед, видя мое затруднительное стояние башкой под подволок.

А Вы, дорогой читатель, знаете, что такое «профилактировать»? Очень любимый вид деятельности чекистов, особистов, правоохранительных органов от периода Ф.Э.Дзержинского и до наших дней. Глагол от слова «профилактика», т.е. упреждающие действия перед … «как бы чего не вышло». И столько было энтих самых «профилакторов» с их «профилакториями», что легче было удавиться, чем предохраниться от профилактики.

Сказать, что мы сразу врубились в их розыгрыш, — погрешить против истины. Мы безропотно угнездились на коечке, рядышком, отвалив свои челюсти на манишку.

— Геша, видишь, люди напяливают скафандры и горят желанием изучать потаенное судно до последней заклепки. Нормальные офицеры при наличии запретного плода будут обряжаться в скафандры? Думаю, что нет. Считай, что здесь профилактировать некого … рассуждает начхим.

Мы молчим. Хотя упоминание о запретном плоде уже наводит на размышления.

— Для корабельного доктора всегда есть кого профилактировать. Профилактика — залог здоровья подводника. Без профилактики, он непременно погрязнет в пьянке и разврате. У вас нет хорошей водочки или коньяка? Нет? … — важно изрекает начмед, постукивая пальцами правой руки по столешнице.

— Нет. Откуда?… хоровой ответ двух лейтенантов.

— Вот и плохо, что нет. У подводника, настоящего, всегда должен быть загашник этого добра. Когда у него этого нет, он начинает слишком много думать — где это достать. Времени на мысли о боеготовности корабля совсем не остается. Это очень плохо! Так точно,нет загашничка?…

— Да ни фига нет! Откуда же мы знали, что здесь сухой закон. Знали бы, запаслись бы … врубились и осмелели лейтенанты.

— Эх, молодо-зелено! Запоминайте: когда моряк идет по берегу мимо лавки колониальных товаров, у него не должно быть сомнений — заходить туда или нет. Зайди, затарься и лишь потом шагай на причал. Усекли?

— Усекли. Бу-у сделано…

— Геша, пойдем. Драгоценное время уходит … — проявляет нетерпение начхим.

— Сейчас. Штурманенок! У тебя есть новые ЗКШ? Нет? Тогда

возьми на корабле нам с Леней по книжке. И сами на офицерские совещания без книжек не ходите. Наш-то старпом безвреден, можно сказать импотент, а иной начальник, как бык-осеменитель, тут же вдует вам по самую сурепку, за отсутствие книжки, в которой вы должны записывать его мысли. Лечи потом вас от последствий изнасилования. Считайте, что я вас пропрофилактировал от пьянства и от развратных действий начальства. Не забудьте отблагодарить любимого корабельного доктора…

— Геша! Ты молчишь об этом, и я чуть не забыл. Вот что еще, штурманенок. У тебя партстаж более трех лет. Нам с Гешей остопиз…ло, сменяя друг друга, париться в секретарях парторганизации. Мы решили воткнуть тебя на это дело. Замполит пока кочевряжится, молод, мол. Но куда он денется, если вся парторганизация поддержит? Сам, самое главное, не блажи и не кричи, и не размазывай сопли по погонам. Понял?…

— Ды-к, тащ…

— Будешь артачиться и увиливать от почетной общественной нагрузки, мы тебе так вдуем, как не сможет и бык-осеменитель. Вдуем, а, Геш?… — розовея щеками, не повышая голоса, профилактирует — прессует меня химдым (НХС).

— Ой, вдуем! За нами не заржавеет … — подтверждает корабельный док.

— Учитесь, салаги, пока мы живы… — завершает профилактику начхим. Сокрушенно вздыхая, оба встают и покидают каюту.

Что ни день, то опыт быстротекущей жизни.

Геша

Уж очень колоритной фигурой был наш корабельный доктор. Писать его портрет, не опираясь на законы жанра морской травли — чем-то обеднить, обидеть Гешу. Что-то я привру, что-то опущу, не без этого, но он был истинным динозавром подводной службы на экипаже.

Иногда на структуры — «в кадрах решается все» — накатывали новые веяния, скажем, ежегодное аттестование офицеров. Вы это себе представляете? С ума можно сойти от гор бумаги, которые должны исписывать начальники на толпы своих подчиненных офицеров. Аттестацию надо написать «объективную, раскрывающую суть офицера, с его достоинствами и недостатками». А начальник-то, досконально знает только тех, кто просыпается от пьянства на гауптвахте. Он, начальничек, кроме мата, давно уже ничего не помнит и мечтает только об одном: не плохо бы обзавестись печаткой «факсимиле» и забыть о ручке. Короче, ох и тяжкая эта работа — ежегодное аттестование. Но… мы никогда не боялись трудностей. Надо — значит надо.

Садятся офицеры в кружок и крапают друг на друга аттестации. Листочки бумаги бабочками шелестят над столом. Присаживаются на стол в промежутках, необходимых офицерам, чтобы очередной раз остаканиться. Если Вы думаете, что аттестации пишут старшие на младших, то ошибаетесь. Младшие, пишут друг на друга, на своих старших товарищей и на более старших. Одна ночь пьянки, извините, писанины, и вся флотилия аттестована. Аттестация написана даже на того, кто на вахте или на гауптвахте. Соль аттестации — в одной-двух фразах, остальное рекомендуется указывать в отточенных выражениях, вплоть до знаков препинания. Пьет много (недостаток), но не пьянеет (достоинство). Или, пьет много (недостаток), но с отвращением (добродетель). Это аттестация на того …, кто на гауптвахте. А вот на отличника БП и ПП: пьет мало и редко (вроде бы и достоинство, но … подозрительно), но с удовольствием (не все потеряно, научится пить много и не пьянеть). Свой парень, в доску. А теперь к нашим динозаврам, в частности, к Геше.

Несмотря на пребывание в прочном корпусе по продолжительности, близкой к предельной, Геша вполне мог претендовать на роль неутомимого быка-осеменителя. Его отношение к службе и своим обязанностям корабельного врача опирались на ряд незыблемых принципов:

— Не обсеменяться (не связывать себя семейной жизнью) до возраста, пока за кормой не булькнут 25 узелков-«календарей».

Можно в льготном исчислении (на лодках 1:1,5), но не раньше.

— Отмотаешь «календари», положишь х… на всех начальников. Когда они задохнутся под его тяжестью, вот тогда и вручи свой собственный х… в теплые и нежные ручки дамы-сердца. Пусть она из него пестует Вавилонскую башню, … говорил Геша.

— Война — войной, но все должно быть по распорядку. Очень любил Геша снимать пробу на камбузе персональной отбивной.

— Подводник, изначально, здоров и болеть не может. Лечить подводника на лодке — легче убить.

— Всякий больной подводник — симулянт. Прибежит к нему матрос-несмышленыш:

— Доктор, что-то у меня голова болит…

— Очень?…

— Да, доктор …

— Сейчас мы ее вылечим …

Геша достанет из стола пару каких-то таблеток, нальет в мензурку какой-то жидкости и подаст матросу.

— На, милок, выпей при мне …

Матрос кидает в пасть таблетки, запивает.

— Вот и хорошо. А теперь беги к гальюну и занимай очередь … Геша смотрит на часы: Чтоб через 15 минут ты был на дучке! Через двадцать — Будет уже поздно…

— ???… пучит глаза в недоумении матрос.

— Просрешься — и все, как рукой снимет. Не поможет, еще раз придешь. — поясняет Геша.

Матрос, сайгаком, скачет к гальюну. Повезет — прорвется на дучку во время, нет … тут уж ничего не попишешь. Ему будет не до головной боли. Этот матрос, до ухода с корабля, больше у доктора Геши не появится. Впрочем, метода лечения была универсальной для всех подводников. Обожал Геша не лечить, а «профилактировать» заболевания.

— Эдуард Сергеевич! Назрела необходимость провести с офицерами лечебно-профилактическое занятие … — заявляет он, периодически, на планерке, (докладе, по нашему), у старпома.

— Какое и когда вы хотели бы провести?

— Тема занятия: Профилактика венерических заболеваний при остром дефиците контрр… тьфу ты, бля, проще — гондонов». Время — понедельник с 1130 до 1300.

— Может, нет в этом необходимости? Какой, к черту, дефицит гондонов, когда офицеры и на берегу-то не бывают? И потом, почему обязательно время строевых занятий? — артачится старпом, под довольный регот офицеров.

— Потому и своевременно, что офицер мало бывает на

берегу, а как вырвется, так дерет все, что движется, порхает или даже летает … не предохраняясь при этом… — настаивает Геша.

— Ладно, забиваем в план на понедельник. — соглашается старпом.

Офицеры ржут.

После планерки Геша обкладывает офицеров оброком. За освобождение от строевых занятий.

— Ржете, как дурни, а и здесь я пекусь о профилактике вашего здоровья. Топните ножками на плацу неумеренно — ваши тухлые яйца и поотлетают. С вас причитается … — По части профилактики он не ограничивался только подводниками.

— Эдуард Сергеевич! Я чувствую, назрела необходимость провести занятие с женщинами нашего экипажа …

— Это, пожалуй, не ко мне, а к заму вопрос…

— Да, да, конечно. Но и в общекорабельных планах это должно быть отражено. Я же не лошадь — пахать внепланово …

— Слушаю Ваше предложение … — это уже зам.

— Ник Никыч! Я прошу через женсовет организовать сбор женщин на лечебно-профилактическое занятие: профилактика беременности в условиях острого дефицита … все тех же гондонов и прочая …

— Я этот вопрос утрясу с женсоветом и дам Вам знать. А может не надо Вам лезть в эти дебри? … — хихикает зам, прикрывая свой орлиный нос ладошкой.

— Как же не надо?! Вы посмотрите, что делается в абортариях? Туда же не зарастает женская тропа! Их мужья, оглоеды, напакостят и в прочный корпус. А им-то, женщинам, каково?! Надо, Ник Никыч, очень надо…

Планировали. Проводили. Женский коллектив был в восторге от обаяшки-доктора. На всех негласных «сходнячках», начмед и начхим верховодили на равных. Проводили подводники «сходняки» и в домашних условиях, в дружественном кругу. Приглашали на эти «сходняки» и Гешу. Но потом хозяева квартиры-«сходняка» горько об этом жалели. И мужики тоже. Но уже все. Всякий «сходняк» более-менее организован до первого перекура. Геша не курил. Не выносил даже запаха табачного дыма. Он брал бразды управления в свои руки, зычно провозглашая:

— Девочки! Пусть мужики-куряки и им сочувствующие выметаются отсюда, а я вам прочитаю лечебно-профилактическую лекцию: «Секс, как таковой. Его счастье и последствия.»…

На лужайке звонкий женский крик! Одобрения. Мужиков безжалостно вышвыривают. Всех. Они ютятся, где попало, на лестничных клетках, курят и ждут. Через пару часов их допускают

к столу и они могут приобщится к «сексу , как таковому», в виде гигантских рисунков на обоях стен квартиры. Там и гениталии, в мельчайших подробностях, и Камасутра в Гешкином исполнении. Хозяин квартиры скрежетал зубами по поводу острой необходимости немедленной переклейки обоев (а где их взять в период острейшего дефицита не только гондонов, но и обоев), а кое-кто из мужиков начинал подозрительно коситься на свою «половину». Порой, очень и очень, не без оснований. По пятам за Гешей ходила молва, что Геша, как «профилактор», не жалеет своих сил и своего времени на углубленную, лечебно-оздоровительную, интимную консультацию. Страна не знала, в широком смысле, «секса, как такового», жила без него. Но, оказывается, и в этом вопросе находились диссиденты. Подай им секс во всех его тонкостях, да и только! И здесь Геша был на высоте. Великолепный корабельный док!…

Культпоход

Эскадренный миноносец «Свободный» после трудного, штормового перехода Североморск — Севастополь отдыхал у причала Минной гавани. Через трое суток стоянки переход в Николаев, на капремонт и модернизацию. Командир ЭМ, капитан 2 ранга Калинин Алексей Михайлович (впоследствии Командующий ЧФ), разрешил сход на берег, но организованно. В рабочие дни фланирующие по городу военморы любого ранга нещадно отлавливались комендатурой и возвращались на корабль только через «кутузку». Назначенный перед походом замполит, Сафонов Николай Иванович (бывший офицер летной службы), пришелся флоту ко двору, и сейчас решил «возглавить» организованный отдых. Водить матросов группами в культпоходы. Себе в помощники он определил меня, курсанта четвертого курса.

Повели мы в культпоход первую группу, двадцать пять матросов. Все до единого — «годки», отслужившие на флоте по 4-4,5 года и завершающие службу….. Как только, так сразу. Асфальт севастопольских улиц плавился от сентябрьского пекла уже с утра. К Диораме добрались пешком, в мыле.

На подступах к диораме, в тенистых аллейках, задержались на «водопой» у автоматов с газированной водой. Проявляя заботу о личном составе, впереди матросов к автоматам не подходили. А здесь и матросы проявили о нас заботу, поднеся по двухсотграммовой кружке воды. Матросы, подозрительно шушукаясь, сделали по несколько заходов к автоматам, но дружно и безропотно откликнулись на предложение замполита все-таки посмотреть диораму, а потом продолжить «водопой».

Осмотрели диораму. И снова матросы захороводили около автоматов, искусно оттесняя наш подход к ним. Когда стала проявляться излишняя возбужденность этой публики, мы с замполитом, определили причину. Автоматы были не только с водой, но и с вином. 20 копеек кружечка. С ужасающей быстротой матросов стало «развозить». Чтобы всем «культпоходом» не оказаться в комендатуре, немедленно повели их на корабль.

На корабль поднималась пьяная и развеселая толпа матросов, при хмурых и понурых руководителях.

— Пойдем к командиру. Каяться, … — сказал мне замполит, когда последний матрос исчез в низах.

Командир после нашего рассказа расхохотался и молвил:

— Организовать — это не значит возглавить. Ты же замполит, понимать должен. Мне что, наказывать замполита за то, что он

возглавил пьянку матросов? С матросами, особенно «годками», надо не зевать. Сплошь пройдохи.

— Назначь опытных офицеров на группы, предупреди их о такой особенности городских автоматов и пусть себе культпоходят со своими подчиненными. Усек?

Больше замполит не возглавлял культпоходов. Организовывал.

Бзык

Мы, пятеро мальчишек, ежедневно встречались в семь утра на окраине поселка. С нашими коровенками в поводу. Были бы в том поводу лошади! Это еще, куда ни шло! А так, худосочные от бескормицы и жары, коровенки. Мы не хотели заниматься их выпасом. Но это было нашей обязанностью: с 7 утра и до полудня. Тут уж, как говориться, ничего не попишешь. Пригнав с выпаса коровенок, мы получали разрешение на шалопайство (самое увлекательное взрослые именуют шалопайством), но… с довеском. Нарвать травы. Где угодно, но нарвать не меньше мешка, на вечерне-ночной прокорм все той же коровенке. Опять же, все это родители облекали в мудрость: делу время, а потехе — час. По родительским установкам наше потешное время ужималось до недоступно малых пределов. Поиск времени на шалопайство — это уже творческий процесс. Причем весьма привлекательный.

Раз в неделю, когда отец бывал дома, он обихаживал корову Зорьку, как арабского скакуна. Чистил ее какими-то щетками разной твердости. Мыл ее холку и каждый раз с ее хребтины, из каких-то бугорков, выдавливал какую-то червеобразную гадость. Надо было видеть этот процесс! Благодарная Зорька стремилась лизнуть отца в любые открытые части тела, поворачиваясь мордой и всем корпусом к нему, а он чистил ее круп, догоняя. Так и крутились. Происхождение этих бугорков отец объяснил мне так.

— Есть большие и зловредные мухи, оводы и шершни, а в простонародье — бзыки. Они не только допекают скотину своими укусами, кровопийством, но и откладывают свои яйца в места укуса. Животные очень страдают от этой мерзости. Заслышав зудящий звук этих мух, животные тревожатся, а порой паникуют, бегут… — пояснил отец.

— Они, как собачьи мухи. Злые и кусучие?… — уточнил я.

— Вот-вот! Такие же серые и большие. Почти как шмели. И зудят в полете, почти так же. Бз-з-з! А потом — бац!, и укусит, как оса. Животному очень больно….

Эти познания весьма нам пригодились. Несколько дней понаблюдали за реакцией наших коровенок на появление этих зудящих «бзыков». Как правило, они начинали активизироваться ближе к полудню. Поначалу мы даже защищали своих коровенок от этих тварей, а потом… Потом «диверсионную» деятельность «бзыков» мы направили в нужное нам русло, выкраивая на свое шалопайство дополнительный час.

Происходило это так.

Как только нам надоедал выпас и чтение очередной книжки (ближе к полудню) и в нас начинал гудеть набат поисков приключений на худосочные зады, разыгрывался акт нападения шершней на наших коровенок. Строго по графику (частнособственнические интересы не позволяли нам бросать на заклание собственную коровенку каждый день), назначался пастушок с его коровенкой. Дружным «бз-з-з» — жужжанием мы нагнетали страх на коровенок. Они начинали тревожно мотать головами и хлестать свои спины хвостами, отгоняя шершней. Когда коровенки в своем страхе и тревожном ожидании укуса доходили до нужной кондиции, дежурный пастушонок иголкой верблюжьей колючки тыкал дежурную (свою) коровенку в самое нежное и болезненное место. Под хвостом. Она взревывала от боли и страха, задирала хвост трубой и сломя голову, мчалась домой. О, это дивное чувство стадности!

В этом случае оно всецело было на нашей стороне. Остальные коровенки не заставляли себя уговаривать и кидались в бег, с не меньшей прытью, чем дежурная. Нам оставалось только сопровождать этот забег. На подступах к поселку мы умело выдавливали из себя слезы огорчения. А если бросить друг дружке в рожицу горсточку дорожной пыли, естественность форс-мажорных обстоятельств не подлежали сомнению. Мычащие коровы, ревущие пастушата, в клубах пыли, влетали на междубарачную площадку нашего поселка. Зрелище — потрясающее!!!

Ни одна из хозяек этих коровенок, наших мам, и в мыслях не допускала, что это спектакль.

— Не плачь, сынок. Что ж тут поделаешь…. Вон какая жарища! Не продохнешь…. Вот бзыки и зверствуют…. Пусть Зорька постоит в холодке сарая. А ты иди, поиграй. Травки только нарви… — говорила мама.

Гудя пропеллерами-губами и расправив худосочные руки-крылья, мы улетали в пыль, в бурьяны — все равно куда. В поисках водоема для купания или других, новых приключений на наши, вечно зудящие, худосочные задницы.

При хорошо организованном деле будет время и для потехи.

Бармалей

Кто ищет — тот всегда найдет!

С помощью «бз-з-з» и иголки под хвост коровенке к полудню мы были свободны от пастушеских обязанностей. Вторую половину жаркого июльского дня посвятили поискам водоема, где можно было бы искупаться. Мы — это пять восьми-девятилетних сорванцов. Из семей переселенцев и депортированных в одно из захолустных мест Узбекистана.

Мальчонки: — русский, украинец, молдаванин, крымский татарин и поволжский немец, в своей дружбе придерживались только одной политики — совместный поиск приключений на свои, не раз поротые, худосочные задницы. Без этого удручающая жара расплавила бы нас без остатка. В этот день был спланирован забег на 2-3 км от поселка. В предгорьях, между несколькими холмами, затаилось небольшое озерцо. Сайгаками поскакали в том направлении. На подступах к озерцу, у подножья холма, выявили цыганский табор. Общение с цыганской пацанвой во все времена, в окрестностях всей планеты, не сулило ничего хорошего. Мы это знали и, сделав крюк в добрый километр, вышли к озерку «с тыла». Вот оно! Водная гладь достаточно обширна и таит в себе приличную глубину. Из всех пятерых только русский нагло утверждает, что умеет плавать. За доказательством сего и явилась ватажка на это озерцо. Да вот незадача! С тыльной стороны и по бокам озерцо шумит стеной камыша, подковой охватившего водную гладь. С берега, в камышовые заросли шустро зашуршали ярко раскрашенные ползучие твари — змеи. В воде, тучами просматривались головастики и выкаблучивались в акробатических этюдах малые и большие жирнющие пиявки. Лишь на противоположной стороне озерца просматривался песочный пляж и кусок берега, свободный от камыша. Вода, берег, и пляж были безлюдны. То, что надо. Ура!!! — прокричала ватажка и через несколько минут, сбросив трусы на песок, полезла в воду. За приключениями. Чтобы не было «хлюзды» (обмана) со стороны умельца плавать решили: взявшись за руки, цепочкой входить в озеро до глубины «по шейку», а потом возвращаться к берегу, кто как может. «Пловец» должен плыть! То есть демонстрировать свои пятки, ну и голову, над водой. Видимо, озерцо подпитывалось родничками, вода была далеко не «парной» температуры. Дружно пошагали цепочкой в воду. Дошагали до глубины «по шейку». Дружно повернулись в обратную сторону и, не менее дружно, … обмерли. На песчаном пляже сидело страшилище! Громадный, даже сидя,

мужик! Но какого вида?!

На голове узбекская тюбетейка, смуглая до черноты рожа с черной громадной бородой! Одет в ярко-красную шелковую рубашку (аж блестит на солнце), черную жилетку. Широченные шаровары заправлены в мягкие, кожаные сапоги. Среди этой черноты блистают майскими жуками глаза. Он сидел, по-восточному поджав под себя ноги в сапогах. Левой рукой оперся о колено, а правой, сжимая и разжимая ладонь, подавал нам знак:

— Идите, мол, сюда!

Молча. Не думаю, что это случилось только со мной, русским. Вода в районе моей промежности резко потеплела. Вся цепочка начала движение, не отрывая взгляда от ручищи этого страшилища. Брели, как ползут лягушки в пасть удаву! В моей башке, некстати, вертелась мысль: — кто это? Карабас-Барабас или Бармалей? Выходило — и так, и этак — плохо! Посинев от страха, на полусогнутых ногах добрели до этого страшилища и замерли в метре от него. В немедленной готовности исполнить хором гимн нашедших на свою задницу приключения:

— Дяденька, мы больше не будем! …

Страшилище, кажется, вечность разглядывало нас. Молча. И вдруг изрекло:

— Я тут потэрял дэнги. Много дэнги… Вы их нашли и хотите украсть?…

Кошельков на наших телесах явно не висело, да и трусы с песка — все куда-то исчезли.

— Дяденька! Мы не видели денег!… — проорал хор мальчиков.

— Тогда ищитэ мои дэнги. Не найдете — утоплю всэх!……

Мы пали ниц и стали дружно просеивать песок сквозь свои пальцы. Просеяли здоровенную площадь до мокрого песка. Не нашли. Вдруг страшилище встает, поднимает стопку трусов, на которой он сидел, щадя свои роскошные сатиновые шаровары.

— Сейчас будет всех топить… — пронеслась мысль в наших интернациональных рядах.

— Ищитэ здэсь… — изрекло страшилище, указав перстом на место, где только что сидело.

И переместилось на обследованную площадь, снова усевшись на стопку наших трусов.

Здесь нам повезло. Мы «высеяли» две пятнадцатикопеечные монеты. Забирая каждую монету, страшилище реагировало многообещающе:

— Ма-ла-дэц! Ишо ищытэ!

Перерыли всю нетронутую ранее площадь песка. Ничего больше не нашли. Замерли на четвереньках, как макаки перед

прыжком, разглядывая страшилище.

— Ладно. Дэнги нашли, но мало. Топить вас нэ буду. Но трусы заберу…. Бегите отсюда, пока я добрый! …

В такие моменты рождаются олимпийские резервы. Не сайгаками, но соколами мчались мы, не чувствуя под ногами колючек. Лишь бы не отстать! Заревели уже в поселке. Из-за отсутствия трусов и в профилактических целях, упреждая порку. Мы так и не сошлись во мнении: кто это был? Карабас-Барабас или Бармалей?

Я был склонен думать, что это был Бармалей. Чуть позже докумекал: действительно Бармалей, но цыганского роду-племени.

Лизать и топать

Ара-губа. Конец апреля 196… года. На пороге окончание зимнего периода обучения и начало Полярного дня. Мороз и снегопад слабеют, и порой буйствует весна. Журчат ручьи, обнажая зимние запасы всякой срани на территории бригады подводных лодок. Вместе с солнечными днями вот-вот нагрянет хмурая инспекция штаба флота, с проверкой бригады «эсок» на герметичность; чего достигли в укреплении боеготовности и над чем надо поработать. Комбриг Булыгин всем своим хребтом почувствовал, что ранняя весна и теплынь, разлагающе подействовали на подчиненные ему морские души.

«Надо встрепенуть народ, иначе оборзеют» — подумал комбриг. Собрал командиров. Вздрючить и встрепенуть.

— «Зима прошла, настало лето. Спасибо партии за это» — так говорит наш начпо, а вот мне благодарить отцов-командиров не за что. Сходит снег и отовсюду вылезает бардак, показывая нам замусоленный кукиш. Только что гондоны не валяются по всей территории бригады, как в жилом городке. Глаза бы мои не глядели! А как перемещаются экипажи от казарм к своим лодкам на причалах? Табуны пленных или рабов, гонимых на галеры! Только строевая подготовка и образцовое содержание объектов способны бестолковку моряка направить на истинный курс. Я вставлю всем в башку по прибору Обри (прибор Обри — гироскоп, обеспечивающий ход торпеды на цель), или моржовую кость куда надо, но образцовый порядок будет. Отныне, с восхода и до захода Солнца — вылизывать объекты, как леденец. С удовольствием и не переставая. Переходы на лодку и обратно совершать по-экипажно, строго по распорядку и под барабан. Одиночек комендант будет отлавливать и расстр… сажать в кутузку. У кого есть ко мне вопросы? — иерихонским басом пропел свою установку комбриг.

Для краткости изложения, заковыристые по-французски обороты, сознательно опущены. Не выговорить. Комбриг был родом из мест, где российские археологи сделали (откопали) открытие XXI века. Эпохальное. Мат-то ведь наш! Славянский! А не каких-то там татаро-монголов.

И статью комбриг отличался богатырской. С трудом и мылом протискивался в рубочный люк (? 650 мм) подлодки. Кажется, мог таскать пару штук своих бригадных «эсок» у себя подмышками. Был счастлив, когда со всей своей бригадой уматывал на пару месяцев в какую-нибудь завесу, стращая супостата. Берег не любил. Он комбрига мог доводить до белого

каления. И недели не прошло, как вернулись из Норвежского моря, а берег уже душит комбрига своими заботами. Вот он и взбеленился. Командиры, обожая своего комбрига, улыбались и молча созерцали на всплеск его эмоций.

— Что молчите? Или еще не проснулись от зимней спячки?! — ярится комбриг.

Двухмесячное зимнее штормование в завесе, как пройденный этап в настоящем мужском деле, уже отнесено в разряд зимней спячки.

— Ды-ык, тащ комбриг, есть у меня два вопроса, — получив в бока тычки приятелей-командиров (не молчи, мол, татарин, твоя очередь задавать вопросы), обращается командир одной из лодок, Гайнутдинов.

Молчаливый и обаятельный на берегу, как восточный мудрец, и хваткий, и прыткий, как джигит Чингисхана, как только оказывался на своем скакуне «С…»

— Валяй свои вопросы, джигит.

— Вопрос первый. Как это лизать леденец берегового бардака от восхода и до захода солнца? Через пару недель солнце на три месяца повиснет над горизонтом. Лизать три месяца непрерывно и с удовольствием? И вопрос второй. Где взять барабан? При наличии барабана можно будет и лизать, и топать одновременно. Даже с удовольствием — смирно вопрошает капдва Гайнутдинов.

— А ты мне, татарин, поязви, поязви… Я тебе персональный барабан откопаю и подарю. Понял? И это, как я понимаю, все ваши вопросы? Вот с завтрашнего дня и начнем лизать и топать. Топать и лизать! Если не до захода солнца, то до следующего выхода в завесу, или до наведения образцового порядка на этом сраном берегу. Построение экипажей и офицеров штаба в 07:30 на плацу перед штабом бригады. Командиры свободны!

К утру следующего дня на всех столбах освещения дороги, ведущей от штаба бригады и до причального фронта, красовались раструбы динамиков.

Построение бригады ублажал духовой оркестр. Проорав комбригу «Здрам желам, тащ комбриг!», отодранные им за расхристанный вид (замасленные фуфайки, задрипанная роба: жопа в масле, х… в тавоте, но зато в подводном флоте) экипажи потопали на свои подлодочки, под бравурные марши оркестра, несущиеся из динамиков. Путь не ближний. Полпути под марш, а дальше под буханье барабана. Из тех же динамиков. Как известно, моряк любит строевые занятия, как собака палку. И надо сказать, что в окрестностях берегового камбуза и кочегарки обосновалась солидная стая бродячих собак разного калибра. Предводителем стаи был здоровый пес, грудастый и ширококостный, с рыком

тигра. Красавец пес! Несмотря на то, что он с большой любовью относился к своим кормильцам — матросскому люду, продпаек воспринимал не как подачку, а как положенное ему довольствие. Мог разорвать в клочья любого обидчика только за угрозу палкой. Но вот строевые деяния псина-вожачок воспринял с большим энтузиазмом. Стая послушно сопровождала своего босса. И еще. Вожачок-псина каким-то своим собачьим умом определил, что комбриг — фигура куда важнее, чем он сам. Поэтому на общих построениях бригады не стремился, как начпо, суетиться рядом с комбригом, а скромно ховался вместе со своей стаей с тыльной стороны построенных экипажей. Но как только начинал движение первый экипаж, ватага вожачка шустро перемещалась во главу колонны и начинался… цирк. Рык и утробное завывание вожака перемежался какофонией беспородного лая всей стаи шантрапы. И все это сдабривалось безудержным хохотом моряков. А ведь в процессе перехода надо было еще и исполнять разудалые строевые песни. Попробуй спеть сквозь собственный хохот.

Несколько дней продолжалось это веселье, и было оно не в тягость. Экипажи уходили, а комбриг оставался у штаба, и пока не ведал о повальном веселье. Задрипанных моряков в строю становилось все меньше, а вот хмурость исчезла напрочь. На третий день комбриг даже расщедрился на шутку:

— Ну что, Гайнутдинов, подарить твоему экипажу персональный барабан?

— Не надо, тащ комбриг. Топаем и лижем с удовольствием и без персонального барабана.

Всю малину испортил, предположительно, матрос-свинопас из свинарника бербазы, главный кормилец вожака-псины и всей его ватаги. Очередным утром, только заиграл оркестр встречный марш для комбрига, стая, как всегда, ринулась от свинарника к строю, и замельтешила-засуетилась с тыльной стороны, ожидая начала движения строев. Поэкипажно строи пошли: командир — впереди, на два-три шага сзади — старпом и замполит, а дальше строй офицеров и моряков экипажа. Стая ринулась на свое облюбованное место, впереди всей бригады. Но…

Псина-вожак, неся на своих рыже-белых бортах-боках черную надпись «КОМБРИГ», впереди. Следом за ним две рыжеватые псинки подхалимски повизгивая и суетясь с места на место, но не опережая вожака, бежали с надписями «НАЧПО» и «НШ». Остальная стая бестолково толкалась вслед за ними, как толпа допризывников.

Безудержный хохот, заглушив шум оркестра, рванул ввысь, отразился от сопок и полетел куда-то по извилинам Ара-губы, вырвался в Мотовский залив и застрял где-то в скалах Рыбачьего

полуострова. Комбриг навострил уши. Что-то смекнул, впрыгнул в УАЗик и помчался к голове строя бригады.

Рык комбрига услышали не только моряки родной ему бригады, но и моряки развед-корабля НАТО «Марьята», вечно пасущегося в Баренцевом море. Поговаривали, что от рыка комбрига норвежцы объявили своим ВМС повышенную боевую готовность. Услышали, наверное, его громоподобное:

— Бригаде — боевая тревога! Подводные лодки — экстренно к бою и походу приготовить! По готовности — немедленный отход от причала в свою точку рассредоточения. Связь со мной на УКВ! Время пошло! Бегом марш, ети вашу маму! Я вас научу Родину любить! — добавил он, запрыгивая в УАЗик.

Фигуранты события ринулись по своим направлениям, опережая собственный визг. Комбриг — в штаб, моряки — на свои «эски», дворняги — к свинарнику.

Через час над Ара-губой нависла благостная тишина. Подлодки заняли свои точки рассредоточения, а комбриг хлыстом УКВ загнал их под воду, с постановкой на якорь в подводном положении. Для осознания своего пагубного поведения, на фоне учения по уклонению от воздушного обнаружения подлодок звериным глазом империализма.

Сутки сидели в глубине и на якоре. Осознавали. Чем все это закончилось — рассказ особый.

Большой театр

Постращав спесивого американца на средиземноморском театре в течение года, бригада дизельных подводных лодок вернулась в родные пенаты — на северный морской театр. Отдохнуть и подмандиться. Чтоб через полгода туда же возвратиться и опять начать вытеснять американский флот из зоны «исконно русского влияния».

Пока бригада отменно портила нервы Шестому флоту США в Средиземном море, саму бригаду «дизелей» из уютной Ура-губы безоговорочно вытеснил свой же родимый, нахраписто молодой, атомный подводный флот.

Недолго потолкавшись у Ара-Ура-Пала-губских причалов, бригада притулилась у Йокагамы (Иоканьги). Можно было бы взвыть волками, не мерцай перед подводничками долгожданный многомесячный отпуск.

Поскольку вне прочного корпуса, и не только в окрестностях Иокагамы, давно властвовала зима, усталые подлодки залезли в доки, а усталые подводники получили путевки на санаторный отдых и не только на Щук-озеро.

Два друга, два механика, два капитан-лейтенанта — Малява и Кавбека, не обремененные семейными узами, транспортировали свои усталые тела и души к прелестям материковой жизни. Не совсем фешенебельный, но ресторанно-приличный теплоход «Вацлав Воровский», менее чем за сутки (погода-то чудо!) на всех порах домчал приятелей из Иоканьги до Мурманска. Прелести кают-люкс отпечатались в мозгах друзей только через призму ресторанного изыска и изобилия.

— Слушай, на хрена нам какое-то Архангельское с его санаторием, когда можно в тепле и уюте, в кабаке и люкс-кающе, провести отпуск в гостях у «Воровского»? — высказал крамольную мысль Кавбека, когда в ресторане корабельные динамики оповестили загулявших пассажиров об окончании морского путешествия.

— Наш теплоход ошвартовался к пассажирскому причалу города-героя Мурманска. Пассажиры приглашаются на выход, — как будто отвечая Кавбеке, вновь ожили корабельные динамики.

— Вот видишь, нас приглашают на выход! Приглашают сойти в город-герой Мурманск. А почему бы нам не посетить и город-герой Москву перед отъездом в Архангельское? — высказал и свой вопрос-предложение Малява.

Два часа подремали в теплом салоне «Волги»-такси, и шустрый таксист вверил «командиров» заботам Аэрофлота,

высадив их подле сугробов снега, за которыми угадывалось блочно-щелевое деревянное строеньице, громко именуемое «аэропортом Килп-Явр».

Трескучий мороз и злющий ветер оказались не помехой для Аэрофлота в его стремлении доставить Маляву и Кавбеку в столицу нашей Родины. И пяти часов не прошло после схода с «В.Воровского», как Малява и Кавбека оказались в аэропорту этого дивного города.

— На средиземноморском театре мы были, на северном — были, есть и будем. А что если мы, как белые люди, побываем в Большом театре? — вновь проявил инициативу Кавбека, как только друзья угнездились в такси.

— Шеф! Организуй нам на обед — хорошую харчевню, на десерт — Большой театр. Действуй! — изрек Малява, утверждая предложение Кавбеки.

— Есть, командир! Все будет в лучшем виде, — заверил таксист, ввинчиваясь в толчею автомобилей, рвущихся из аэропорта. Мигом смекнув о щедрости клиентов, он трещал без умолку, живописуя о возможностях отдохновения в Москве. Он не нуждался в наводящих вопросах. Мастерски плел сети соблазнов большого города так, что очень скоро Малява и Кавбека ничем не отличались от мух, попавших в сети паука. Лишь изредка взмыкивали или вздакивали, реагируя на предложения таксиста.

— Лучшая кухня здесь в «Пекине». Хорошо кормят и в «Праге», и в «Будапеште», но лучше всего — в «Пекине», — заливался таксист.

— Может, для полноты культурной программы, включить вам классных дам? Это — в момент! — не унимался он.

Уж так сложилось во взаимоотношениях друзей, что последнее слово оставалось за Малявой.

— Сначала Большой театр. А потом — посмотрим, — отверг «классных дам» Малява, вызвав на лице Кавбеки крайнее изумление и немой вопрос.

— Почему?! — просматривалось в каждом зрачке глаз Кавбеки.

— Потому! В Архангельском мы не в прочном корпусе будем сидеть. Без дам не останемся, — изрек Малява «командирским» тоном.

— Ну-ну! В Большой, так в Большой. Пока вы обедаете, я вам и билеты организую, — отозвался таксист, соглашаясь с Малявой. Кавбека промолчал.

В «Пекине» кухня была прекрасной, а вот «экзотическая» рисовая водка — дрянь. Так оценили ее друзья, переключившись на водку отечественную, справедливо полагая, что лучше русской

водки человечество не изобрело продукта.

Малява и Кавбека завершали дегустацию китайской кухни полировкой желудков графинчиком водки под соленые огурчики и селедочку, когда пред их очами вновь возник давешний таксист.

— Два билета. И не на что-нибудь, а на «Лебединое озеро»! И не куда-нибудь, а в ложу Большого театра!! Командир!!! Карета подана! — сиял и ликовал таксист, подавая билеты Маляве. Щедро вознагражденный официант, учтиво кланяясь, проводил друзей к выходу из ресторана.

Друзья не «обидели» и таксиста, когда он подвез их к Большому театру.

— Через три часа я стою здесь в готовности следовать по вашему приказанию хоть на край света, — заверил он Маляву.

— Заметано, шеф! — величественно изрек Малява, направляясь с Кавбекой ко входу в Большой театр.

— Театр начинается с вешалки, говорил Станиславский, — молвил Малява, когда друзья вошли в театр.

— А заканчивается… буфетом, — добавил Кавбека, не подозревая о собственной прозорливости. Театр бурлил празднично одетой публикой, и друзьям пришлось изрядно потолкаться, пока они избавились от своих шинелей в гардеробе. Поскольку до начала спектакля еще оставалось целых двадцать минут, друзья приступили к оценке возможностей буфета. Острая китайская кухня «Пекина» жгла пожаром желудки друзей. Жажду стали утолять армянским коньяком под паюсную икорочку. Барственно-торжественное убранство театра весьма способствовало употреблению и того, и другого, при слабо заметном поползновении к насыщению. Не без сожаления друзья прервали «утоленье жажды» только с третьим звонком, приглашающим зрителей занять свои места согласно купленным билетам, а не за буфетным столиком.

Друзья в прекрасной кондиции отыскали свою ложу и вошли в нее в тот момент, когда кто-то, невидимый ими, оповестил зрительный зал:

— Уважаемые зрители! Сегодня в гостях у нашего театра присутствуют господа Мамба и Камба из далекой африканской страны (не помню какой, например, Умбу-Юмбу), строящей социализм. Приветствуем дорогих гостей!…

В одной из лож, ближе к сцене, поднялись два иссиня-черных африканца, строителя социализма в своей стране и стали раскланиваться. Зрительный зал стоя приветствовал их аплодисментами.

Острейшая китайская кухня с рисовой и русской водкой, армянский коньяк под икорочку, приветствие зарубежных гостей,

роскошь театра, подвигли Кавбеку на публичность. Пробурчав Маляве вполголоса: «А мы, чё, хуже?!» — Кавбека стал выкрикивать:

— Уважаемые зрители. Только один вечер! Проездом!! На спектакле!!! У вас в гостях!!! Господа Малява и Кавбека!!!

Выкрики заинтриговали зал. Учтивые же поклоны «господ» Малявы и Кавбеки еще раз взорвали его аплодисментами, что разбудило разнообразные «службы безопасности».

Еще не смолкли аплодисменты, а какие-то дюжие молодцы уже выдернули «господ» Маляву и Кавбеку из ложи и очень шустро перебирая ножками доставили их в распоряжение коменданта гарнизона города-героя Москвы.

Там они и сели.

Надолго, и без дам.